

Магнитогорский государственный технический
университет им. Г. И. Носова

Гуманитарно-педагогические исследования

*Научный журнал
(издается с 2017 г. четыре раза в год)*

2022 Т. 6 № 3

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова», 2022

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций – регистрационный номер ПИ № ФС77-79220 от 22.09.2020.

Учредитель- Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова
(д. 38, пр. Ленина, г. Магнитогорск, Челябинская обл., Россия, 455000).

16+ в соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ от 29.12.2010.

Адрес редакции: д. 26, пр. Ленина, к.12А, г. Магнитогорск, Челябинская область, 455000.
Тел. 8(3519) 229961. E-mail: igo@magtu.ru

В оформлении обложки номера использовался фотоколлаж А. В. Андреева

Научная подготовка выпусков журнала осуществляется преподавателями Института гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова».

Адрес издателя:

455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 45/2,
ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г. И. Носова», издательский центр

Адрес типографии:

455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск, пр. Ленина, 38,
ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г. И. Носова», участок оперативной полиграфии
Выход в свет 30.09.2022. Заказ . Тираж 500 экз. Ценасвободная

Nosov Magnitogorsk State Technical University

Humanitarian and pedagogical Research

Scientific Journal
(published since 2017 four times a year)

2022 VOL. 6 No. 3

© Federal State Budgetary Institution of Higher Professional Education
Nosov Magnitogorsk State Technical University, 2022

The journal is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications – registration number PI No. FS77-79220 dated 2020.09.22.

Founder -Nosov Magnitogorsk State Technical University (38, Lenin St., Magnitogorsk, Chelyabinsk Region, 455000).

16+ in accordance with Federal Law #436-FZ dated 29.12.2010.

Editorial office: 26, Lenin St., 12A. Magnitogorsk, Chelyabinsk Region, 455000, Phone: +7(3519) 229961, E-mail: igo@magtu.ru.

A photo collage by Arseniy Andreev is used in the design of this issue cover.

The scientific preparation of the journal is carried out by the lecturers of the Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University.

Editorial office:

45/2 Karla Marksaprospekt, Magnitogorsk, Chelyabinsk region, 455000, Russia
Nosov Magnitogorsk State Technical University

Printing office:

38 Lenin prospekt, Magnitogorsk, Chelyabinsk region, 455000, Russia
Nosov Magnitogorsk State Technical University

Publication date: 30.09.2022. Order .Circulation: 500. Openprice.

Редакционная коллегия

Главный редактор – д-р пед. наук *Савва Любовь Ивановна* (Магнитогорск)
Зам. главного редактора – д-р пед. наук *Елена Николаевна Ращикулина* (Магнитогорск)
Ответственный редактор – канд. филол. наук *Светлана Леонидовна Андреева* (Магнитогорск)
Технический редактор – *Чурилов Владимир Васильевич* (Магнитогорск)

Редакционный совет

Раздел I. Образование и педагогические науки

Гневэк Ольга Владимировна – д-р пед. наук (Магнитогорск)
Кружильина Тамара Васильевна – д-р пед. наук (Магнитогорск)
Лешер Ольга Вениаминовна – д-р пед. наук (Магнитогорск)
Орехова Татьяна Федоровна – д-р пед. наук (Магнитогорск)
Пonomарева Любовь Дмитриевна – д-р пед. наук (Магнитогорск)
Сайгушев Николай Яковлевич – д-р пед. наук (Магнитогорск)
Кувшинова Ирина Александровна – канд. пед. наук (Магнитогорск)
Лукина Оксана Анатольевна – канд. пед. наук (Магнитогорск)
Испулова Светлана Николаевна – канд. пед. наук (Магнитогорск)

Раздел II. Общественные науки

Джустини Мария Тереза – проф. (Кьети, Италия)
Дубинин Сергей Николаевич – д-р психол. наук (Костанай, Казахстан)
Желеску Петр Степанович – проф., доктор психол. наук (Кишинев, Молдова)
Потемкина Марина Николаевна – д-р ист. наук (Магнитогорск)
Коробков Юрий Дмитриевич – д-р ист. наук (Магнитогорск)
Маралов Владимир Георгиевич – д-р психол. наук (Череповец)
Мусийчук Мария Владимировна – д-р. филос. наук (Магнитогорск)
Филатов Владимир Викторович – д-р ист. наук (Магнитогорск)
Макарова Надежда Николаевна – канд. ист. наук (Магнитогорск)
Чернобровкин Владимир Александрович – канд. филос. наук (Магнитогорск)
Мережников Андрей Петрович – канд. психол. наук (Магнитогорск)

Раздел III. Филологические науки

Антропова Людмила Ильинична – д-р филол. наук (Магнитогорск)
Воронцова Татьяна Александровна – д-р филол. наук (Челябинск)
Жуңусова Жаныл Ныгизбаевна – д-р филол. наук (Нур-Султан, Казахстан)
Исакова Сабир Сагынбековна – д-р филол. наук (Актобе, Казахстан)
Песина Светлана Андреевна – д-р филол. наук (Магнитогорск)
Питина Светлана Анатольевна – д-р филол. наук (Челябинск)
Савельев Константин Николаевич – д-р филол. наук (Магнитогорск)
Чурилина Любовь Николаевна – д-р филол. наук (Магнитогорск)
Шулежкова Светлана Григорьевна – д-р филол. наук (Магнитогорск)
Емец Татьяна Владимировна – канд. филол. наук (Магнитогорск)
Пустовойтова Ольга Васильевна – канд. филол. наук (Магнитогорск)

Редактор части журнала на английском языке

Ломаккина Екатерина Александровна – канд. филол. наук (Магнитогорск)
Лукина Оксана Анатольевна – канд. пед. наук (Магнитогорск)

Editorial team

Editor-in-Chief - *Liubov' I. Savva*, Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Deputy editor-in-chief – *Elena N. Rashchikulina*, Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Managing editor - *Svetlana L. Andreeva*, Candidate of Philology (Magnitogorsk, Russia)
Technical Editor - *Vladimir V. Churilov* (Magnitogorsk, Russia)

Editorial Council

Section I. Education and Pedagogical Sciences

Ol'ga V. Gnevек – Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Tamara V. Krujilina – Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Olga V. Leshер – Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Tatiana F. Orehova – Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Ljubov' D. Ponomareva – Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Nikolai N. Saigushev – Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Irina A. Kuvshinova – Candidate of Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Oxana A. Lukina – Candidate of Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Svetlana N. Ispulova – Candidate of Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)

Section II. Social Sciences

Maria Teresa Giusti – Adjunct Professor of Contemporary History and Social History, PhD Dpt. of Literature, Arts and Social Sciences (Chieti, Italy)
Sergey N. Dubinin – Doctor of Science in Psychology (Kostanay, Kazakhstan)
Petru Jelescu – Doctor of Science in Psychology (Kishinev, Republica Moldova)
Marina N. Potemkina – Doctor of Science in History (Magnitogorsk, Russia)
Yuriy D. Korobkov – Doctor of Science in History (Magnitogorsk, Russia)
Vladimir G. Maralov – Doctor of Science in Psychology (Cherepovets, Russia)
Maria V. Musiychuk – Doctor of Science in Philosophy (Magnitogorsk, Russia)
Vladimir V. Filatov – Doctor of Science in History (Magnitogorsk, Russia)
Nadezhda N. Makarova – Candidate of History (Magnitogorsk, Russia)
Vladimir A. Chernobrovkin – Candidate of Philosophy (Magnitogorsk, Russia)
Andrey P. Merezchnikov – Candidate of Psychology (Magnitogorsk, Russia)

Section III. Philology

Ludmila I. Antropova – Doctor of Science in Philology (Magnitogorsk, Russia)
Zhanyl N. Zhunussova – Doctor of Science in Philology (Nur-Sultan, Kazakhstan)
Tatyana A. Vorontsova – Doctor of Science in Philology (Chelyabinsk, Russia)
Sabira S. Issakova – Doctor of Science in Philology (Aktobe, Kazakhstan)
Svetlana A. Pesina – Doctor of Science in Philology (Magnitogorsk, Russia)
Svetlana A. Pitina – Doctor of Science in Philology (Chelyabinsk, Russia)
Konstantin N. Savelyev – Doctor of Science in Philology (Magnitogorsk, Russia)
Lyubov N. Churilina – Doctor of Science in Philology (Magnitogorsk, Russia)
Svetlana G. Shulezhkova – Doctor of Science in Philology (Magnitogorsk, Russia)
Tatiana V. Emets – Candidate of Philology (Magnitogorsk, Russia)
Olga V. Pustovoi'tova – Candidate of Philology (Magnitogorsk, Russia)

Editor of the issue of the journal in English

Yekaterina A. Lomakina – Candidate of Philology (Magnitogorsk, Russia)
Oxana A. Lukina – Candidate of Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

I. ОБРАЗОВАНИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	6
ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ	6
<i>Р. С. Смольников, Л. В. Павлова</i>	
ТРУДНОСТИ ОБУЧЕНИЯ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА	6
<i>В. В. Михайлов</i>	
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ: ФОРМИРОВАНИЕ МОТИВАЦИИ	14
II. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ	21
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ	21
<i>А. Е. Любецкий</i>	
ЗАХОРОНЕНИЕ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПРАВОВЫЕ НОРМЫ И ПРАКТИКА	21
<i>Е. Г. Застрожнова (Панкратова)</i>	
СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО А. А. МИЛЛЕРА (1933–1934 гг.): ОБЩИЙ ОБЗОР	29
<i>К. М. Завершинских, А. В. Симонова</i>	
ИЗУЧЕНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖИ КАК ОСОБОЙ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ	33
III. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	49
ЯЗЫКОЗНАНИЕ	49
<i>С. Г. Шулежкова</i>	
РУССКИЙ СЛЕД В ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ НАГАЙБАКСКОГО ЯЗЫКА ..	49
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	55
<i>М. Л. Бедрикова</i>	
ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ТИПА ГОНИТЕЛЯ СВОБОДЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ О ДЕКАБРИСТАХ (Э. РАДЗИНСКИЙ И Ю. ДАВЫДОВ)	55
VI. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	65
<i>С. Л. Андреева</i>	
ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2021 г.	65
ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ	76

CONTENTS

SECTION I. EDUCATION AND PEDAGOGICAL SCIENCES6

Smolnikov R. S., Pavlova L. V.

Difficulties of Teaching the Chinese Language to the Students of a Non-linguistic University.....6

Mikhailov V. V.

Current Actual Problems of Teaching a Foreign Language at a University: Formation of Motivation.....14

SECTION II. SOCIAL SCIENCES21

Lyubetsky A. E.

Burial of Red Army Soldiers During the Great Patriotic War: Legal Norms and Practice21

Zastrozhnova (Pankratova) E. G.

A. A. Miller Investigatory Case (1933-1934): a General Review29

Zavershinskikh C. M., Simonova A. V.

Studying the Value Orientations of Youth as a Special Socio-demographic Categ33

SECTION III. PHILOLOGY49

Shulezhkova S. G.

The Russian Thing in Lexical and Phraseological System of the Nagaibak Language.....49

Bedrikova M. L.

Perculiarities of the Freedom Persecutor Image in Russian Literature about the Decembrists (E. Radzinsky and Y. Davydov)55

SECTION IV. SCIENTIFIC LIFE.....65

Andreeva S. L.

Practical Significance of Humanitarian Researches in 202165

SAMPLE DESIGN OF THE ARTICLE76

ТРУДНОСТИ ОБУЧЕНИЯ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности обучения китайскому языку на начальном этапе и способы преодоления трудностей, возникающих при изучении китайского языка русскоязычными студентами неязыкового вуза. Анализ отечественных учебников и аутентичных образовательных материалов на китайском языке свидетельствует о необходимости более индивидуализированного и системного подхода к освоению фонетических, лексико-грамматических навыков и навыков письма. В отечественной практике преподавания китайского языка, в силу недостаточной методической разработанности обучающих материалов, уделяется мало внимания особенностям фонетического и тонального строя китайского языка, тонкостям каллиграфического письма и специфике грамматических конструкций, являющимися ключевыми элементами языка, пренебрежение которыми чревато дальнейшими проблемами не только в изучении китайского языка, но и понимания процессов кросс-культурной коммуникации. Актуальность проведенного исследования заключается в необходимости разработки способов, приемов и путей преодоления языковой интерференции на начальном этапе изучения китайского языка студентами неязыковых вузов. Объектом исследования выступил процесс формирования фонетических и лексико-грамматических навыков на начальном этапе обучения китайскому языку в неязыковых вузах. В процессе работы авторы опирались на такие методы, как наблюдение, сравнение, описание, аналогия и классификация. Результаты исследования состоят в разработке упражнений, позволяющих снизить интерферирующее влияние родного языка на процесс освоения различных аспектов китайского языка. Также дополнены базовые способы тренировки тоновой системы, системы пиньинь и прописей китайских иероглифов. В статье представлены схемы и иллюстрации, которые могут использоваться для дальнейшей адаптации под конкретные нужды преподавателя, при тренировке фонетики, иероглифики и лексико-грамматических структур китайского языка. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования материалов статьи для ознакомления с основными проблемами в изучении китайского языка и применении разработанных приемов и упражнений для предупреждения трудностей на начальной стадии обучения.

Ключевые слова: китайский язык, обучение, языковая интерференция, система пиньинь, тон.

Введение

В современных условиях глобализации и попытках изолировать Россию из мировых процессов, все более актуальным и оправданным становится расширение сотрудничества со странами востока, в частности Китаем. Тесное сотрудничество во всех важных сферах создает самые благоприятные условия для взаимного знакомства и изучения культурных и языковых особенностей, обеспечивающих эффективное межкультурное общение [4]. Китай, являясь одной из самых крупных мировых экономик, открывает свои двери для специалистов различных сфер из нашей страны, в свою очередь активно отправляя своих специалистов для построения долгосрочных совместных проектов. В последнее время нехватка специалистов, умеющих не просто говорить по-китайски, а главное – обладающих достаточным уровнем языковой компетенции и навыками межкультурной коммуникации, стала очевидной. Представители крупного бизнеса, спорта, научное сообщество и прочие институты нуждаются в профессионалах высокого уровня, что в свою очередь вызывает небывалый рост желающих изучать китайский язык. Однако процесс обучения китайскому языку до сих пор не изучен и не обобщен должным образом. Анализ отечественных учебников и аутентичных образовательных материалов на китайском языке [1; 2; 5; 6; 7] позволяет сделать вывод о том, что отсутствует системность и последовательность в обучении китайскому языку, остро ощущается недостаток комплексных методических материалов, затрагивающих основные проблемы и трудности освоения китайского языка на раннем этапе обучения.

Целью данной статьи является попытка обратить внимание на первичные трудности в изучении китайского языка студентами неязыковых вузов и способы преодоления интерферирующих факторов. Также в статье представлены сведения об основах фонетического и каллиграфического строя китайского языка, способах их освоения и тренировки.

1. Основные особенности системы китайского языка

Охарактеризуем основные особенности китайского языка как языковой системы. Китайский язык отличается от русского и английского языков целым рядом характеристик. Прежде всего, китайский язык состоит из иероглифов, каждый из которых может соответствовать слову или его части. Главной проблемой в освоении китайского языка является именно освоение иероглифической письменности. Второй не менее важной проблемой является звуковой состав слов, состоящих из слогов.

В русском языке слог может состоять из одного и более звуков, при этом последовательность звуков в слогах русского языка свободна и разнообразна. Китайский же слог характеризуется весьма жесткой структурой. Количество звуков в китайском слоге не превышает четырех, а их последовательность строго закономерна и предопределена. [1, с. 6].

Китайскому языку присуща тональность. Тон – это мелодический рисунок голоса, который характеризуется изменением высоты звука. Для знакомства с китайскими слогами и тонами, и их усвоения разработана специальная система пиньинь – фонетический алфавит, стандартная система транскрипций китайского языка, записываемая латиницей. Аналогом таблицы пиньинь, вспомогательным для русскоговорящих студентов, изучающих китайский язык, выступает транскрипционная система Палладия – общепринятая система транскрипций китайского языка, записанная латиницей.

Поскольку в русском языке не существует целого ряда звуков, присущих китайскому языку, за образец принято брать именно систему слогов пиньинь, но нужно учитывать, что записанные латиницей слоги, читаются отнюдь не так, как привыкли студенты, изучая английский язык.

Таблица пиньинь состоит из финалей и инициалей, и всех возможных комбинаций. Например, в слоге *mā*, *m* – инициаль, *a* – финаль, *ā* – обозначение тона. Некоторые слоги могут не иметь инициала, а состоять лишь из одного звука, финали, например – *ā*. Практика преподавания показывает, что обязательное освоение таблицы пиньинь на первых этапах позволяет усвоить состав слова, и предупредить ошибки.

Китайский язык – это язык тонов. Тон имеет смысловозначительную функцию. Любой слог китайского языка произносится определенным тоном, и именно от тона произнесенного слога будет зависеть смысл сказанного. Произнесенный слог без тона обнуляет его значение, а неправильно произнесенный тон искажает смысл сказанного вплоть до антонимии [7].

Опишем основные тоны китайского языка. В китайском языке существует четыре тона. Они обозначаются как *mā* (1 тон), *má* (2 тон, восходящий), *mǎ* (3 тон), *mà* (4 тон). Знак тона ставится только над слогаобразующей гласной буквой.

Мелодия первого тона – высокая, ровная, напоминает гудок парохода. Мелодия второго тона – краткая, восходящая, производит впечатление вопроса. Третий тон, при общем низком характере имеет нисходяще-восходящую мелодию. Самый сложный для освоения тон, требует максимального напряжения голосовых связок на низкой части. Производит впечатление недоуменного переспроса. Четвертый тон – краткий, быстро-нисходящий от высшей ноты к низшей, с резким ослаблением напряженности к концу слога. Производит впечатление категоричного утверждения. Также существует нейтральный тон, он ставится в безударных слогах, при произнесении служебных частиц и послелогов. Нейтральный тон произносится без напряжения связок, легко и тихо [1].

Так как ни в русском, ни в английском языках нет ярко выраженных тональностей, требующих разного уровня напряженности голоса, изучающие часто сталкиваются с серьезными проблемами при формировании фонетических навыков.

Данное исследование базируется на результатах обучения студентов неязыкового вуза (владеющих русским языком как родным, и английским языком на уровне B1) китайскому языку. Как показала практика, основными трудностями при обучении китайскому языку являются:

- иероглифическое письмо;
- звуковой состав слога;
- усвоение тонов китайского языка;
- порядок слов.

Рассмотрим источники данных трудностей. Они коренятся в отличиях китайского языка от родного для обучающихся русского языка и освоенного (в ограниченных пределах) английского языка. Речь идет о межъязыковой интерференции, которая представляет собой «неосознанное, автоматическое перенесение языковых свойств родного языка в иностранный, она может проявляться на всех уровнях – от морфологического до дискурсного и означает неконвенциональность выражения и нарушение текстуальности» [3, с. 14].

2. Изучение иероглифики китайского языка

Чаще всего языковая интерференция проявляется в иероглифике. Особенность иероглифического письма состоит в том, что знаки, служащие для записи определенных лексических единиц, не содержат в себе указания на их звучание, что может приводить к неверному выбору иероглифа.

Любая иероглифическая система отличается от алфавитных систем тем, что включает в себя значительно большее количество знаков. Каждая отдельная морфема (слог) в китайском языке передается отдельным иероглифом. Для записи китайского слова требуется столько иероглифов, сколько в нем слогов. Также большую сложность вызывает чтение текстов, записанных иероглифами, ведь между словами не ставится пробелов, а о границах слов читающий догадывается из контекста.

Китайские иероглифы сложны по своей структуре и имеют свой порядок написания черт. Освоение иероглифики рекомендуется начинать с освоения таблицы ключей. В дальнейшем, студенты учатся дешифровать иероглиф, выделять в нем статик (ключ, помогающий понять о каком понятии или явлении идет речь) и фонетик (ключ, помогающий определить примерное звучание иероглифа).

Начальным этапом изучения иероглифики является изучение и освоение базовых черт, линий, из которых состоит любой иероглиф. Студент должен освоить направление написания черты, нажим/отсутствие нажима, а главное – научиться вписывать его в квадрат. Для этого необходимо воспользоваться подготовленными ранее прописями для черт. Прописи подготавливаются преподавателем самостоятельно, либо можно воспользоваться готовыми тренажерами. Важно обращать особое внимание на расположение черты в квадрате, следить за тем, чтобы студенты не выходили за границы. Для начала рекомендуется обводить черты поверх уже напечатанных черт, это позволит запомнить нужную длину, уровень наклона, и степень нажима.

По мере ознакомления и освоения написания базовых черт, для лучшего их запоминания и различения, студентам предлагается выделить уже знакомые им черты в тех или иных иероглифах, посчитать количество черт, из которых состоит иероглиф, или же назвать порядок написания черт. Приведем примеры заданий:

Задание 1. Покажите порядок черт при написании следующих иероглифов:

一个人日月水天山
画大 小红国火男女

Для закрепления и различения черт и иероглифов, студентам предлагается определить, чем отличаются иероглифы каждой из следующих пар, назвать отличительную черту, написать черту, назвать из каких черт состоит иероглиф и прописать оба иероглифа в правильном порядке. Например:

Задание 2. Определите, чем отличаются иероглифы каждой из следующих пар. Назовите отличную(ые) черту(ы):

贝见大犬夫朱
十千季季淮淮
贝页儿几本木
小少土土王玉

3. Освоение тональной системы китайского языка

При работе над звуковым составом слова необходимо учитывать интерферирующее влияние русского языка. В китайском языке насчитывается 21 инициаль, среди которых 6 сложных звуков, аффрикат [zh, ch, z, c, j, q]. Так как в русском языке таких звуков только два, [ч, ч], овладение студентами этих звуков вызывает ряд значительных трудностей.

Также следует отметить, что в основе фонематического противопоставления согласных в китайском языке нередко лежат не такие различительные признаки, как в русском языке. Например, пары согласных [b-p], [d-t], [g-k] противопоставлены по наличию / отсутствию придыхания [l]. Несмотря на то, что в китайском языке нет взрывных согласных [b, d, g] китайские [b, d, g] по месту артикуляции происходят там же, где и русские, но с потерей взрыва. Также следует обратить внимание на звуки [n]-[ng], аналогов которым в русском языке также нет. Китайская [n] произносится чуть мягче, чем русская [n], а [ng] – произносится с напряжением и поднятием основания языка к небу, что довольно близко к английскому [ng], но является более горловым звуком.

Для преодоления интерференции и для тренировки сложных для артикуляции звуков, для начала можно воспользоваться наглядным схематическим описанием положения органов артикуляционного аппарата, например, для отработки китайского звука [l], отличающегося своей артикуляцией как

от русского твердого [л], так и от мягкого [л']. При этом необходимо дополнять схемы пояснениями.

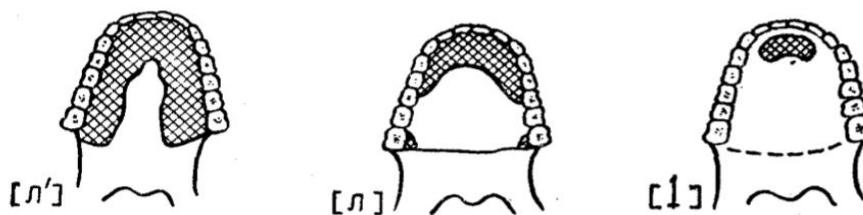

Рис. 1 Схематическое описание положения органов артикуляционного аппарата

На рисунке 1 мы видим, что при произнесении русских [л'] и [л] кончик языка опущен, а к передним верхним зубам и альвеолам прижата вся передняя часть языка, в то время как при произнесении китайского [l] плоскость касания языком нёба значительно меньше, и касание альвеол производится именно кончиком языка [l].

Усвоение тонов китайского языка также является зоной трудностей. Помимо общей тональности предложений, таких как вопросительные или утвердительные, китайский язык отличается тональной системой слогов. Каждому слогу присущ свой тон (мелодический рисунок голоса, характеризующийся изменением высоты и долготы произносимого звука) [2]. Освоение тональной системы китайского языка требует системного подхода, поэтапное освоение которого позволит глубже понять принцип тонирования.

Как уже было сказано, в китайском языке существует четыре тона: первый (ровный), второй (восходящий), третий (нисходяще-восходящий) и четвертый (нисходящий). Процесс ознакомления с тональной системой должен сопровождаться наглядностью, для этого необходимо схематически представить рисунок мелодии всех четырех тонов [7] (см. пример на рисунке 2). Прежде всего необходимо отстроить первый тон, что впоследствии упростит отстраивание остальных тонов. Для этого необходимо найти самую высокую ноту своего голоса, на рисунке она обозначена цифрой 5. Важно обращать внимание на то, чтобы мелодия укладывалась в естественный диапазон голоса. Для русского языка мелодия первого тона звучит неестественно, ведь в повседневной жизни мы чаще всего говорим в нейтральном тоне (3), поднимая или понижая голос в зависимости от интонации, поэтому для тренировки первого тона необходимо добавить немного актерского мастерства, и как бы пропевать слоги на самой высокой тональности. Важно отметить, что особенности голоса у всех индивидуальны, а значит и самая высокая нота будет у каждого своя.

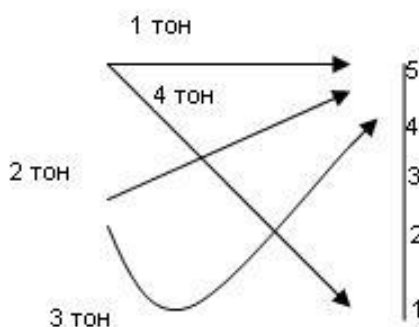

Рис. 2 Мелодика тонов китайского языка

Дополнительно к рисунку можно использовать руку или указательный палец и, как бы дирижируя, «пропевать» каждый тон.

На первых этапах произносить тоны можно нарочито утрировано, медленно и внимательно, таким образом студенты смогут лучше отследить разницу и изменения тональности произносимого. При этом, широко используется прием театрализации.

Рассмотрим первый тон на примере слога *Mā* (мама). Смотри на рисунок и помогая рукой, необходимо буквально пропеть слог, важно, чтобы начало гласного звука было на той же высоте, что и окончание. Для этого можно воспользоваться ассоциациями, например, сравнив первый тон с гудком парохода или незаконченным, оборванным высказыванием. Голос должен быть высоким, ровным и протяжным. Для тех, у кого возникнут трудности с произнесением первого тона, рекомендуется искусственно удлинять звучание слога, что позволит подготовить голосовые связки к произношению

слога в непривычно высокой тональности. Поставив произношение слога *Mā*, для закрепления мелодии первого тона, необходимо закрепить чтение первого тона. Для этого, пользуясь таблицей пиньинь нужно отчитать все слоги с финалью *ā*.

Второй тон *Má* (*конопля*) состоит из двух принципиально важных, отличающих его от остальных тонов, аспектов: резкое движение голоса вверх и усиление его звучания к концу произнесения слога. При этом необходимо обращать внимание на то, что начало звучания тона должно быть слабым, без малейшего напряжения связок, на уровне естественной высоты голоса, когда мы говорим спокойно и расслабленно. Глядя на картинку одновременно с произнесением, необходимо повторить прием дирижирования. Для упрощения произнесения второго тона также рекомендуется утрировать усиление подъема, доводя его до легкого выкрика в самом конце слога. Ассоциативно второй тон можно сравнить с вопросом, выражающим удивление, задавая который поднимаются брови. Поставив произношение слога *Má*, также необходимо закрепить его, отчитав все слоги с инициальной *á*.

Особенную сложность у студентов вызывает освоение третьего тона *Mǎ* (*конь*). На рисунке 2 мы можем видеть, что третий тон складывается из трех частей: нисходящей (со 2-го до 1-го уровня высоты), ровной (на 1-м уровне) и восходящей (с 1-го до 4-го уровня). Наиболее существенной и важной является именно низкая часть тона. Начальная нисходящая часть не проста для восприятия в силу своей краткости, а в комбинации с другими тонами может и вовсе редуцироваться. Конечная же часть, восходящая, иногда произносится довольно четко (при произнесении одного слога), но как правило, эта часть звучит слабо, с естественным затуханием к концу.

При отработке третьего тона основное внимание должно быть сосредоточено на его низкой части, в момент произнесения которой, происходит максимум напряжения голосовых связок. Здесь можно предложить студентам вспомнить, как дети пародируют взрослых, неестественно опуская свой голос вниз, или как мы изображаем ворчащего человека (*бу-бу-бу*), именно низкий звук [y] и будет той самой необходимой точкой. Для отработки третьего тона также можно делить слог на две части, как бы разрывая звук [*ma*↓-пауза- *a*↑]. Подъем второй части происходит естественно, для этого лишь нужно расслабить связки и продолжить произнесение звука, таким образом мелодия голоса вернется к среднему значению, но даже этого изменения будет достаточно, чтобы получилась полная мелодия третьего тона. Если проводить ассоциации, третий тон напоминает недоуменный переспрос (*да ладно!?*). Отстроив произношение слога *Mǎ*, также необходимо закрепить его, отчитав все слоги с инициальной *ǎ*.

Четвертый тон *Mà* (*ругать*) считается самым простым для освоения. При произнесении четвертого тона происходит резкое понижение голоса. По звучанию четвертый тон напоминает категоричное высказывание (*Я так сказал*). В результате произнесения четвертого тона должно произойти своеобразное затухание голоса к концу тона, также в конце произнесения слышен легкий хрип. Падение четвертого тона до предельно низкого уровня голоса (на рисунке 2 он обозначен цифрой 1) является совершенно необходимым и обязательным. При дирижировании рука должна идти резко сверху вниз, слева направо. Отстроив произношение слога *Mà*, также необходимо закрепить его, отчитав все слоги с инициальной *à*.

4. Освоение особенностей грамматических отношений в китайском языке

Ознакомившись со слогами китайского языка, и освоив тональную систему, следует переходить к следующему этапу – освоению средств грамматических отношений китайского языка, выраженных служебными словами и фиксированным порядком слов. Эти два аспекта играют ключевую роль в приобретении студентами навыков свободной ориентации в китайском тексте и точного перевода как с китайского языка, так и с любого другого на китайский язык. Грамматическая роль слова и его связи с другими словами в предложении устанавливаются главным образом за счет порядка слов, нарушение которого приводит к изменению грамматической роли и связи слов [1, с. 12], что неизбежно ведет к изменению смысла и может рассматриваться как грамматическая ошибка.

В китайском языке также, как в английском, порядок слов в предложении жестко фиксирован. Эта общая особенность помогает студентам, имеющим в активе английский язык, усваивать порядок слов в китайском предложении, т. к. в этом случае работает явление языкового переноса.

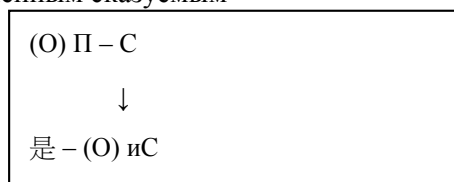
Как уже было сказано, в китайском языке отсутствуют пробелы, а по иероглифу невозможно определить функцию какой части речи он выполняет. Синтаксис китайского языка характеризуется строгой системой правил, касающихся порядка слов, соединения слов в предложения и структурных особенностей предложений различного типа. Слово, в китайском языке является наименьшей смысловой единицей, способной самостоятельно использоваться в качестве языковой единицы [5, с. 10].

Самая частая ошибка обучающихся китайскому языку – стремление перевести предложения, связывая слова лишь по смыслу. Именно это и является камнем преткновения, ведь в китайском языке определить искомый смысл можно, лишь с учетом всех данных: структуры предложения, типа сказуемого, наличия и расстановки служебных слов и пр.

Для развития навыков чтения и говорения, а также для самоконтроля правильности высказываний на китайском языке необходимо овладеть навыком грамматического абстрагирования, т. е. представлять грамматические структуры в виде схематических выражений. Для этого студентам даются базовые грамматические конструкции-схемы (образно-символическая наглядность) в сочетании с мнемотехникой, в которых знаменательные слова зашифрованы специальными условными знаками, которые в то же время являются указателями синтаксической функции этих слов: П – подлежащее, С – сказуемое, иС – именная часть сказуемого, Д – дополнение, О – определение, М – обстоятельство места и В – обстоятельство времени. Служебные же и полуслужебные слова даются в исходном виде, без шифровки, т.к. они являются постоянными и необходимыми элементами той или иной грамматической конструкции [2, с. 5].

Рассмотрим базовые предложения, грамматическая структура которых может быть передана в виде следующих схем:

Предложение с именным сказуемым

Примеры:

А) 我的妈妈是老师. *Моя мама – учитель.*

我的 – (O) определение;

妈妈 – (П) подлежащее;

是老师 – (С) сказуемое.

Б) 这是不是英文课本? *Это учебник английского языка?*

这 – (П) подлежащее;

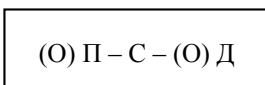
是不是英文课本 – (С) сложное сказуемое, состоящее из:

是不是 – сказуемого в виде повтора и отрицания для формирования вопроса;

英文 – (O) определение;

课本 – (иС) именное сказуемое.

Предложения с глагольным сказуемым.

Примеры:

А) 我爱喝红茶. *черный чай.*

我 – (П) подлежащее;

爱喝 – (С) сказуемое;

红茶 – (Д) дополнение.

Б) 你看不看中国电影? *Ты смотришь китайские фильмы?*

你 – (П) подлежащее;

看不看 – (С) сказуемое в виде повтора и отрицания для формирования вопроса;

中国 – (O) определение;

电影 – (Д) дополнение.

Для закрепления и тренировки такого вида шифровки и дешифровки, студентам даются задания, в которых они проделывают работу такого типа с предложениями, в которых используется активная лексика и грамматика изучаемого раздела / урока.

Задание 1: Сделайте грамматический разбор следующих предложений и переведите их.

他是学习中文的学生.

妹妹喜欢喝的是可口可乐。
我想买你昨天说的书。
哥哥天天看的书是英文书。
这些苹果太酸,我想买甜一些的。

Заклучение

Таким образом, представленная выше работа по прогнозированию трудностей усвоения различных аспектов китайского языка должна носить непрерывный, системный и индивидуализированный характер. Выявленные в процессе исследования способы и приемы преодоления языковой интерференции позволяют обеспечить практическое овладение китайским языком как средством межкультурного общения. Использование таких приемов коммуникативного обучения как театрализация и мнемотехника в сочетании с широким применением образно-символической наглядности с опорой на родной и первый иностранный языки способствует усвоению звукового состава, тонов, порядка слов в предложении, иероглифики, и повышает мотивацию студентов к изучению китайского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Задоевко Т. П., Шуин Хуан. Основы китайского языка: вводный курс. 2-е изд. М. : Наука, 1993. 271 с.
2. Задоевко Т. П., Шуин Хуан. Основы китайского языка: основной курс. М. : Наука, 1986. 720 с.
3. Зимняя И. А. Психология обучения неродному языку. М.: Русский язык, 1989. 154 с.
4. Павлова Л. В. Общекультурное развитие студентов в процессе иноязычного образования в вузе // Актуальные проблемы теоретических и прикладных исследований: язык, культура, ментальность: материалы международной научно-практической конференции. Магнитогорск : Магнитогорск. гос. тех. ун-т им. Г. И. Носова, 2014. С. 231–237.
5. Щичко В. Ф. Практическая грамматика современного китайского языка. 2-е изд. М. : Издательский дом ВКН, 2016. 208 с.
6. 对外汉语长期学习教材 Developing Chinese Elementary Comprehensive Course 处等综合第二版 (一) 2nd edition (I). Beijing: Beijing language and culture university press, 2011. 350 p.
7. 经贸初级汉语口语(第四版) · 上. Business Chinese conversation, elementary, the 4th edition (I). Beijing: Beijing language and culture university press, 2017. 269 p.

R. S. Smolnikov (Magnitogorsk, Russia)
L. V. Pavlova (Magnitogorsk, Russia)

DIFFICULTIES OF TEACHING THE CHINESE LANGUAGE TO THE STUDENTS OF A NON-LINGUISTIC UNIVERSITY

Abstract. The article focuses on the difficulties of teaching the Chinese language at the beginners's level and ways of overcoming them. The analysis of Russian and authentic learning materials points to the necessity of a more individualized systemic approach to acquisition of phonetic, grammar, lexical and writing skills in Chinese. Our practice of teaching Chinese proves lack of attention to the peculiarities of Chinese phonetics, language tone, grammar structures and hieroglyphic writing, the disregard of which can lead to different comprehension problems in cross-cultural communication. The relevance of the research is determined by the necessity of working out methods and techniques, which allow to overcome linguistic interference in the process of teaching Chinese at the beginners's level. The object of the research is the process of the formation of phonetic, grammar, lexical and writing skills in Chinese in Russian university nonlinguistic students. During the research such methods as observation, comparison, description, analogy and classification were used. As a result, a set of exercises, adapted to the specific learning materials, allowing to reduce the native language influence on the process of learning Chinese, was developed. Besides, the basic ways of drilling tones, training pinyin system and hieroglyphic writing were supplemented. The article also presents schemes and illustrations that can be used with modification to the teacher's needs for training previously mentioned language aspects. The practical relevance of this study is to familiarize teachers with the main difficulties of teaching Chinese and to introduce effective techniques and exercises, which can facilitate this process.

Keywords: the Chinese language, teaching, linguistic interference, pinyin system, tone.

REFERENCES

1. Zadoenko T. P., Shuin Xuan, Osnovy kitajskogazyka: vvodnyj kurs. 2-e izdanie, Moscow, Nauka, 1993, pp. 15–20.
2. Zadoenko T. P., Shuin Xuan, Osnovy kitajskogoya zyka: osnovnoj kurs, Moscow, Nauka", 1986, 271 p.
3. Pavlova L. V. Obshchekul'turnoe razvitie studentov v processeino-yazychnogo obrazovaniya v vuze,

Aktual'nye problemy teoreticheskikh i prikladnyh issledovanij: yazyk, kul'tura, mental'nost': materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Magnitogorsk, Magnitogorskij gosudarstvennyj tekhnicheskij universitet im. G.I. Nosova, 2014, pp. 231–237.

4. Shhichko V. F. Prakticheskaya grammatika sovremennogo kitajskogo yazyka, 2-e izdanie, Moscow, Izdatelstvo VKN, 2016, 208 p.

5. 对外汉语长期学习教材 Developing Chinese Elementary Comprehensive Course 处等综合第二版 (一)。 2nd edition (I). Beijing: Beijing language and culture university press, 2011, 350 p.

6. 经贸初级汉语口语(第四版) · 上。 Business Chinese conversation, elementary, the 4th edition (I). Beijing: Beijing language and culture university press, 2017, 269 p.

Смольников Р. С., Павлова Л. В. Трудности обучения китайскому языку студентов неязыкового вуза // Гуманитарно-педагогические исследования. 2022. Т. 6. № 2. С. 6–13.

Smolnikov R. S., Pavlova L. V. Difficulties of Teaching the Chinese Language to the Students of a Non-linguistic University, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2022, vol. 6, no. 2, pp. 6-13.

Дата поступления статьи – 01.09.2022; 0,72 печ. л.

Сведения об авторах

Роман Сергеевич Смольников – магистрант Института гуманитарного образования ФГБОУ ВО Магнитогорский технический университет им. Г. И. Носова; Магнитогорск, Россия; smolnikovroman1@mail.ru.

Павлова Любовь Владимировна – доктор педагогических наук, профессор кафедры лингвистики и перевода Института гуманитарного образования ФГБОУ ВО Магнитогорский технический университет им. Г. И. Носова; Магнитогорск, Россия; pavlovaluba405@mail.ru.

Authors:

Roman S. Smolnikov, Master's Degree Student of Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University; Magnitogorsk, Russia; smolnikovroman1@mail.ru.

Lyubov V. Pavlova, Doctor of Science in Pedagogy, professor at the Linguistics and Translation Department, Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University; Magnitogorsk, Russia; pavlovaluba405@mail.ru.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ: ФОРМИРОВАНИЕ МОТИВАЦИИ

Аннотация. Проблема изучения иностранного языка остается важнейшей глобальной проблемой современности, в частности требует внимания вопрос о формировании умений применять приобретенные знания в процессе коммуникации. Сегодня потребность в изучении иностранного языка как дисциплины растет: бакалавр, магистрант и специалист, владеющие иностранным языком, являются конкурентоспособными и востребованными на рынке труда. Владение иностранным языком – не просто полезный дополнительный навык, но и необходимая компетенция для полноценного функционирования в условиях современного общества. Для достижения цели обучения языку и формирования необходимых компетенций преподаватель должен учитывать особенности межкультурной коммуникации и владение современными коммуникационными и педагогическими технологиями, использовать междисциплинарные связи. Сегодня проблема состоит в том, что личность может быть мотивированной к изучению иностранного языка, но терять интерес к нему из-за изменяющейся социально-политической обстановки в мировом сообществе. В настоящей статье автор акцентирует внимание на проблемах мотивационного развития студентов с целью формирования готовности личности к адекватному поведению. Представлены результаты диагностики студентов технических специальностей, выявляющие внутренние и внешние мотивы к изучению иностранного языка. На основе полученных данных автор сформулировал рекомендации преподавателям по формированию условий, способствующих повышению мотивации при изучении иностранного языка в техническом вузе. Особое внимание в статье уделяется наиболее эффективным методам преподавания на занятиях по иностранному языку. Автор приводит примеры использования задач с изменяющимися условиями из авторского варианта личностно-ориентированной обучающей программы.

Ключевые слова: высшее учебное заведение, иностранный язык, коммуникативная методика, методика преподавания, мотивация.

Введение

Сегодня выпускники технических вузов должны обладать таким уровнем знания иностранного языка, который поможет им успешно интегрироваться в современном сообществе. Е. В. Мещерякова и Е. А. Локтюшина замечают: «Хорошее владение иностранным языком для современных специалистов является одним из условий успешной работы» [5]. Развитие стремления личности учиться всю жизнь и совершенствовать полученные знания и умения в изменяющихся условиях является важной задачей высшей школы.

Образовательный процесс реализует одну из функций, которая имеет первостепенное значение в формировании и развитии человеческого общества. Для удовлетворения потребностей человеческого общества в изменяющихся условиях необходимо совершенствовать и актуализировать средства и методы обучения, а также применять новые подходы в обучении. По мнению В. И. Уварова, «любое отставание в модернизации учебного процесса сразу становится заметным и наносит существенный урон в различных сферах жизни общества» [11, с. 147]. Если не учитывать ряд особенностей, которые имеются при обучении иностранному языку, то они могут перейти в разряд проблем, которые придется решать.

1. Исследования и результаты

Повышение мотивации у студентов технических вузов при обучении иностранному языку сегодня остается актуальным. В мире нарастает геополитическая напряжённость, и у студентов может снижаться интерес к изучению иностранных языков, может происходить переформатирование предпочтений в выборе изучаемого иностранного языка (например, обучающийся может переключиться с освоения английского или немецкого языков на изучение китайского языка, как более перспективного, с его точки зрения, в текущей ситуации).

Для выбора точной траектории обучения необходимо выявлять, какие мотивы студентов, обучающихся в техническом вузе, являются ведущими, и к какому виду мотивации они относятся. Это стало целью диагностического исследования, проведенного нами. Для изучения мотивации студентов нами был использован ряд методик:

- методика изучения мотивации обучения в вузе, разработанная Т. И. Ильиной [2, с. 433];
- методика диагностики личности на наличие мотивации к успеху Т. Элерса [10, с.322];

- методика «Изучение мотивов учебной деятельности» (А. А. Реана и В. А. Якунина[2, с. 434]);
- методика «Самооценка студента» (В. Т. Лисовского, В. А. Сухина [3]).

В исследовании принимали участие студенты (52 чел.) первого курса очной формы обучения Института металлургии, машиностроения и металлообработки ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г. И. Носова».

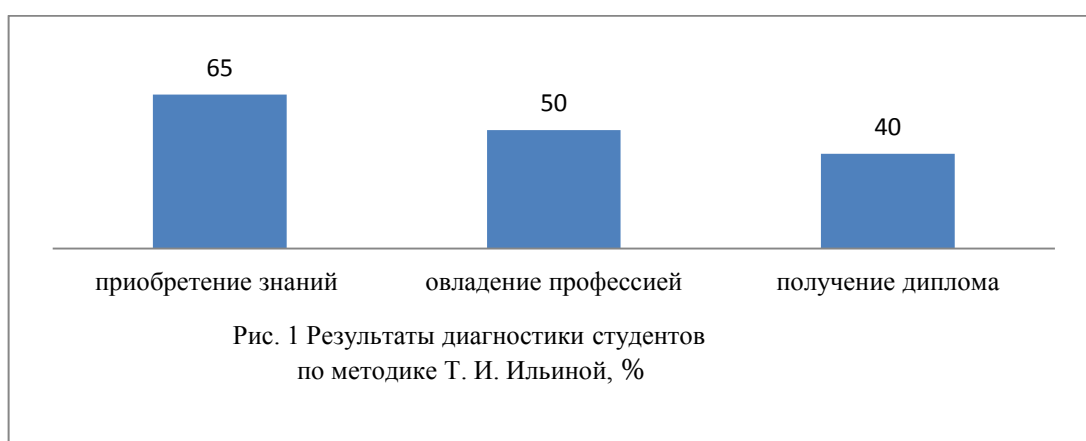
Результаты исследований по методике «Изучение мотивов учебной деятельности» (авторы А. А. Реан и В. А. Якунин) представлены в таблице. Студенты должны были выбрать наиболее значимые для них мотивы из предложенного списка. По всей выборке (группе) определялась частота выбора того или иного мотива.

Таблица – Ведущие мотивы студентов первого курса Института металлургии, машиностроения и металлообработки ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г. И. Носова» (результаты исследований по методике А. А. Реана и В. А. Якунина)

Название мотивов учебной деятельности	Ранг Мотива (1-5)
Стать специалистом с высокой квалификацией	1
Обеспечение успешности будущей профессии	2
Получение глубоких знаний	3
Получение диплома	4
Успешная учеба, получение хороших оценок	5

Из данных таблицы видно, что ведущими мотивами (ранг 1, 2) для студентов Института металлургии, машиностроения и металлообработки, являются мотивы, связанные с получением знаний для овладения в дальнейшем высокой квалификацией специалиста и обеспечение успешности будущей профессии. Мотив «получение глубоких знаний» имеет средний ранг 3, а для некоторых студентов мотивом учебной деятельности является получение диплома (ранг 4). Данные диагностики показывают доминирование профессиональной направленности студентов в изучении иностранного языка и их позитивный настрой на овладение будущей профессией.

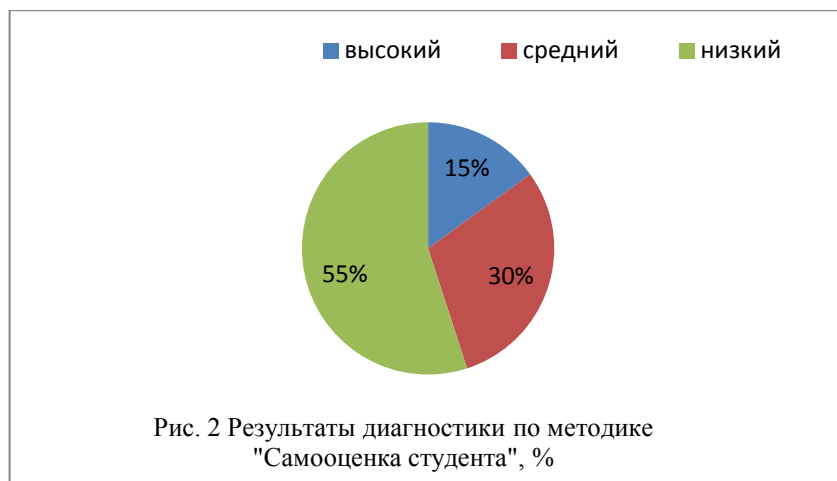
С помощью методики Т. И. Ильиной было выделено значение трех видов мотивов в структуре мотивации образовательного процесса, определена иерархия мотивов у испытуемых. В диаграмме на рисунке 1 представлены результаты диагностики по данной методике. Из трех шкал ведущей шкалой является мотивация по группе мотивов «приобретение знаний», т. е. у группы студентов (65 %) преобладает внутренняя мотивация. Также имеется и третья шкала «получение диплома», т. е. у группы студентов (40 %) присутствует внешняя мотивация – направленность испытуемых на формальное усвоение знаний.

В данном случае доминируют мотивы по первым двум шкалам («приобретение знаний» и «овладение профессией»), это свидетельствует об адекватности выбора студентом профессии и удовлетворенности ею. Тем не менее, есть студенты с мотивацией «получение диплома», которые ищут обычно обходные пути при сдаче экзаменов и зачетов.

Согласно результатам диагностики по методике «Самооценка студента» (В. Т. Лисовский, В. А. Сухин), представленным на рисунке 2, преобладает доля студентов с низким уровнем само-

оценки (55 %), самооценка 30 % опрошенных соответствует среднему уровню, и только у 15 % она на высоком уровне.

От уровня самооценки зависит, насколько объективно оценивает себя человек, свои способности и поступки. При отклонении от адекватной самооценки могут возникать различные проблемные ситуации в достижении поставленных целей, преодолении трудностей, адаптации в социальной среде, в учебе, карьере, личной жизни и др.

Результаты диагностики по методике Т. Элерса (см. рис. 3) показали, что у 32 % студентов наблюдается очень высокий уровень мотивации, у 30 % и 28 % соответственно – умеренно высокий и средний уровни, у 10 % – низкий уровень мотивации.

У большинства студентов выявлена мотивация на достижение успеха, что помогает им решать имеющиеся трудные задачи и браться за новые. Такие люди не склонны снижать уровень притязаний и исключать успех, поэтому у них появляются эмоциональные реакции, которые провоцируют ухудшение деятельности.

По результатам диагностических методик у большинства студентов выявлена внутренняя мотивация, которая проявляется в стремлении студентов к получению профессиональных знаний и саморазвитию. Работа с данной группой обучающихся должна быть направлена на дальнейшее развитие мотивации учебной деятельности, способствующей профессиональной успешности в будущем. Для другой группы респондентов характерна внешняя мотивация, студенты стремятся к получению диплома, общению со сверстниками, вознаграждениям. Соответственно, к данной группе обучающихся необходимо особое внимание и требуется комплекс профессионально-ориентированных психологически-обоснованных мероприятий.

С целью оценки подготовленности студентов к изучению иностранного языка в вузе проводился опрос по следующим видам деятельности:

- владение разговорной речью,
- наличие словарного запаса,
- чтение и перевод.

Только 10 % опрошенных студентов подтвердили свободное владение разговорной речью. Большая часть студентов испытывает трудности из-за недостаточного словарного запаса, граммати-

ки, сложных конструкций, произношения, психологического барьера. Результаты проведенного исследования показывают, что студентам технического вуза необходимо развитие коммуникативных способностей, формирование эмоциональной уравновешенности, повышение интереса к языку.

Очень важно не пренебрегать изменчивостью мотивации под воздействием изменений политико-экономических условий, так как это касается формирования убеждений студентов. Если изменения педагогической системы отстают от стремительного изменения личности, то возникает разрыв и кризис. Для того чтобы предотвратить появления кризиса или снизить негативные последствия необходимо разумное управление процессом мотивационного развития обучающихся, а именно, управление процессом формирования готовности личности к адекватному поведению.

Студенты, владеющие иностранным языком, успешно адаптируются в социально-экономическом пространстве. Они имеют преимущества в личной и профессиональной коммуникациях, способны решать прагматические задачи и имеют доступ к более обширным знаниям. Владение иностранным языком позволяет расширенно использовать всемирную сеть Интернет в качестве источника дополнительной информации для пополнения имеющегося багажа знаний. Иностранный язык дает и другие возможности, которые благоприятствуют карьерному росту, занимающему сегодня, по данным социологических исследований, одно из первых мест в рейтинге притязаний современной молодежи. Однако вопреки ожиданиям, все перечисленные факторы не оказывают значительного влияния на внутреннюю мотивацию большинства молодых людей. В этой связи С. А. Милорадов замечает: «Одним из путей повышения мотивации студентов является формирование у них интереса к занятиям методическими средствами, то есть созданием внешней мотивации» [6, с. 3].

Развитие внутренней мотивации студентов напрямую зависит и от создания ситуации успеха, но обеспечение этого условия оказывается иногда проблематичным. У некоторых студентов присутствует страх совершить ошибку, наблюдается неуверенность в своих силах и знаниях, что ведет к психологическим проблемам и к языковому барьеру, в том числе. В условиях психологического дискомфорта студенты не хотят выглядеть смешными и нелепыми перед однокурсниками, а без преодоления языкового барьера устная речь, к которой так стремится современное образование, невозможна. На наш взгляд, в вузе недостаточно акцентируют внимание на том, что ошибки – это тоже опыт, и на ошибках учатся. Например, в английском языке очень много языковых нюансов: фразовые глаголы, сленговые слова и фразы, региональные диалекты. Поэтому, даже носители английского языка не знают всех нюансов своего языка, что является нормой.

2. Рекомендации

Для повышения мотивации в учебной деятельности студентов в целом необходимо создать для них условия, в которых они будут получать удовлетворение от процесса обучения, и стремиться к знаниям, освоению будущей профессии и достижению успеха.

Для обучения студентов технических специальностей можно дать несколько рекомендаций:

1. Педагог должен постоянно стимулировать интерес к изучению иностранного языка с помощью практических примеров, которые показывают и доказывают, что компетенции, сформированные на занятиях по иностранному языку, будут необходимы в будущей профессиональной деятельности студентов.

2. Применять коммуникативную методику и использовать технологии обучения, которые наиболее целесообразны в конкретной ситуации. Цель коммуникативной методики – научить студентов общаться, не только овладевая рядом правил и слов, но и познавая специфику культуры носителей языка. Один из ожидаемых результатов данной методики – не переводить дословно свои мысли с русского на иностранный. Безусловно, данная методика требует высокого уровня подготовки преподавателя и высокой концентрации внимания студентов.

3. Для активизации студентов в процессе обучения иностранным языкам эффективен метод проектов. Проектная деятельность позволяет студенту работать в интересующей его теме, создавая поисковые, исследовательские, графические работы, которые прекрасно разбавляют монотонные занятия. Исследователями отмечено, что «направления проектной деятельности интегрируют в себе различные инновационные технологии: fabbertechnology, workshop, 3D-моделирование с помощью 3D-ручки, использование дополненной реальности при разработке виртуальных карт путешествий, различных цифровых программ и интерактивных платформ» [1, с. 24], что способствует повышению мотивационной активности обучающихся и их уровня знаний. Использование данного метода на практических занятиях по иностранному языку «обеспечивает получение практических навыков, а также позволяет раскрыть индивидуальные способности студентов» [8, с. 147].

4. Для повышения мотивации у студентов и с целью развития их интереса в процессе обучения используется геймификация – игровая методика. По оценке В. А. Чернобровкина и О. В. Пустовойтова, «использование данной технологии на практических занятиях по проектной

деятельности дает положительный результат» [10]. Обучающиеся также, как и в игре, сами предлагают правила и определяют три уровня сложности заданий: простой, сложный и суперсложный. На первом уровне – студенты овладевают теоретическими знаниями и анализируют разработанные проекты. На следующем уровне, кроме вышеперечисленного, активно разрабатывают групповой проект, при этом самостоятельно определяют зону ответственности. На суперсложном уровне – используют знания и умения, приобретенные на ранних этапах, «и устанавливают контакты со стейкхолдерами и экспертами по проблеме, заявленной в проекте» [1, с. 24].

5. Повышению мотивации в учебном процессе способствует решение задач, содержащих ценностно-проблемную ситуацию, включающую конфликт между усваиваемым обучающимися содержанием требований, норм и ценностей, с одной стороны, и «житейским» подходом к решению проблемам, с другой стороны. Для этого нужен авторский вариант личностно-ориентированной обучающей программы. Задачи используются «без помех» и со «сбивающими факторами». Каждая из последующих задач включает ситуацию, являющуюся логическим развитием ситуации, проводимой в условии предыдущей задачи. Например, при изучении раздела «Охрана окружающей среды» автором предлагаются следующие задачи:

Tasks of the K series:

1. *At the meeting, the use of environmentally friendly materials, but expensive, is considered in production conditions, although there are alternative materials that are cheaper and also available. According to specialist K., it is necessary to use only environmentally friendly materials. Specialist B. agrees to use alternative cheap materials, because they may turn out to be environmentally friendly, because perhaps no one has checked them.*

Task 1: You are present at a meeting where they decide which building material to choose, while it is necessary to complete the technical project as quickly and cost-effectively as possible. Do you agree with the opinion of specialist K.? Answer options: a) I agree, b) no, c) I don't know.

Task 2: What would you do in K.'s place? Answer options: a) I would refuse expensive materials due to financial problems and would agree with a specialist B. b) I would agree with a specialist K. c) I don't know.

The project manager suggests to use expensive environmentally friendly materials, but at the same time, due to financial difficulties in the company, reduce the rates of payment for work.

Task 1: Do you agree with the project manager? Possible answers: a) I agree, b) I don't agree, c) I don't know.

Task 2: What would you do? Answer options:

a) I would insist on using environmentally friendly materials, even expensive ones,

b) I would refuse to use expensive materials,

c) I don't know.

Task series D:

It is known that snow heats up on a metal roof under the influence of the sun and melts. There are risks that blocks of snow will fall from the metal roof, because in the spring, the lower layer of snow is in contact with the metal and melts first. It is necessary to change the roof of the house, which is located in a deserted place, on the outskirts. Metal coatings are available.

Task 1. What would you do? Answer options:

a) would give up the metal roof to avoid an accident if a snow block falls from the metal roof of the house;

b) would agree to a metal roof, because the house is on the outskirts and it is unlikely that when the snow melts, someone will be near the house;

c) would you try to find another material, for example, a soft roof;

d) I don't know.

Changing conditions may include:

- your house in the country;

- the kindergarten building where your child goes; - house for sale as a warehouse;

- building for your office, etc.

Путем сопоставления результатов выполнения каждым испытуемым заданий серии «К» и «D» удастся получить сведения о том, в какой мере содержание мотивационных предпочтений студентов соответствуют характеру выбираемых ими поступков. При использовании задач с изменяющимися условиями вырастает роль мотивирующего фактора для выполнения заданий по иностранному языку.

6. С учетом развития информационных технологий можно использовать интерактивные игры, кроссворды, интегрированные в процесс закрепления грамматики и лексики.

7. Сегодня, при обучении иностранному языку, практически невозможно обойтись без интернет-технологий. Smart-технологии являются для студентов «информационными инструментами для поиска и получения аутентичной иноязычной информации, её интерпретации, обсуждения и использования в учебной деятельности, для организации аудиторной и самостоятельной работы обучающихся» [4] в разных формах образования в современном обществе.

8. В процессе обучения преподаватель должен поддерживать доброжелательную атмосферу в студенческом коллективе, дополнительно мотивировать аудиторию к усвоению учебной программы. Важно сделать так, чтобы студенты и преподаватели были «союзниками» в процессе обучения. Сотрудничество двух сторон предполагает повышение эффективности преподавания. «Отрешенность

преподавателя или студентов от результативности учебного процесса, если и не подрывает его, то в значительной степени тормозит» [11, с. 152].

Заключение

Резюмируя вышесказанное, отметим, что в современных условиях мотивация является эффективным способом для повышения качества обучения. На основе диагностических методик у студентов технических специальностей выявлено присутствие:

– внутренней мотивации, направленной на получение студентами профессиональных знаний и саморазвитие. В данном случае работа педагога должна быть построена с учетом дальнейшего развития мотивационно-учебной деятельности, которая способствует профессиональной успешности;

– внешней мотивации, которая требует особого внимания и комплекса профессионально-ориентированных психологически-обоснованных мероприятий.

Результаты проведенного исследования показывают, что студентам технического вуза необходимо развитие коммуникативных способностей, формирование эмоциональной уравновешенности, повышение интереса к языку.

Для эффективного изучения иностранного языка необходимо создать педагогические условия, которые положительно влияют на развитие внутренней и внешней мотивации.

Используя в практике преподавателя современные технологии и методы обучения, творческий поиск и оригинальность с учетом выявленной мотивации студентов технического вуза возможно достигнуть положительного результата в обучении иностранному языку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамзон Т. Е., Неретина Т. Г., Колдомасова И. О., Харитоновна С. В., Лукина О. А. Учебно-методический конкурс в вузе как инновационная форма обмена педагогическим опытом // Гуманитарные и педагогические исследования. 2022. № 1. Т. 6. С. 19–33.
2. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2014. 509 с.
3. Лисовский П. П., Терещенко С. Н. Психология типов тела. Развитие новых возможностей. Практический подход. М.: Весть, 2013. 256 с.
4. Лукина О. А., Савва Л. И., Гасаненко Е. А., Солдатченко А. Л. Понятийная матрица проблемы поиска педагогических условий формирования профессионального имиджа обучающихся технического вуза // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 59-4. С. 56–60.
5. Мещерякова Е. В., Локтюшина Е. А. Английский язык как профессиональная основа европейского и отечественного образования // Современные проблемы науки и образования. 2018. № 1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=27397> (дата обращения: 01.09.2022).
6. Милорадов С. А. Некоторые проблемы обучения английскому языку в вузе // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. № 4. С. 91–95. URL: <http://e-koncept.ru/2014/14097.htm> (дата обращения: 01.09.2022).
7. Мирзоян И. Г., Актуальные проблемы обучения английскому языку в вузе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. № 5. Т. 1. С. 72–77.
8. Михайлов В. В. Особенности преподавания английского языка в техническом вузе // Перспективы Науки и Образования. 2018. № 4. URL: <https://pnojurnal.wordpress.com/archive18/18-04/> (дата обращения: 01.09.2018).
9. Ревякина А. И. Современные методы обучения английскому языку в высшей школе // Мир педагогики и психологии. 2019. № 5(34). URL: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/sovremennye-metody-obucheniya-anglijskomu-yazyku-v-vysshej-shkole.html> (дата обращения: 01.09.2022).
10. Уваров В. И. Актуальные проблемы преподавания иностранного языка в неязыковом вузе и их возможные решения // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 3 (13). С. 145–156.
11. Чернобровкин В. А., Пустовойтова О. В. Сущность и значение проектной деятельности для современных дошкольных образовательных организаций // Современные наукоемкие технологии. 2018. № 6. С. 261–265.

V. V. Mikhailov (Magnitogorsk, Russia)

CURRENT ACTUAL PROBLEMS OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE AT A UNIVERSITY: FORMATION OF MOTIVATION

Abstract. Due to the fact that the problem of learning a foreign language remains the most important global problem of our time, much attention should be paid to the accumulation of knowledge and the ability to apply acquired knowledge in the communication process. Today the need for studying this discipline is growing: bachelors, masters and specialists who speak a foreign language are competitive and in demand in the labor market. Foreign language proficiency is not just a useful additional skill, but also a necessary competence for full functioning in modern society. The teacher must take into account the peculiarities of intercultural communication and knowledge of modern communication and pedagogical methods. It is necessary to use interdisciplinary connections to achieve the goal of teaching

foreign languages and the formation of necessary competencies. Today, the problem is that a person can be motivated to learn a foreign language, but loses interest in learning a foreign language due to changing conditions in the world community. The author focuses on the problems of motivational development of students in order to upbringing the individual's readiness for adequate behavior in this article. The results of diagnostics of technical students are presented in order to identify internal and external motives. Based on the data obtained, recommendations are outlined to teachers for the formation of conditions for increasing motivation when learning a foreign language at a technical university. Special attention is paid to the most effective teaching methods during foreign language classes. The author gives examples of using tasks with changing conditions from the author's version of a student-centered training program.

Keywords: current problems, higher education institution, foreign language, communicative methodology, teaching methods, motivation.

REFERENCES

1. Abramzon T. E., Neretina T. G., Koldomasova I. O., Kharitonova S. V., Lukina O. A. Uchebno-metodicheskii konkurs v vuze kak innovatsionnaya forma obmena pedagogicheskim opytom, *Gumanitarnye i pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2022, no. 1, vol. 6, pp. 19–33.
2. Il'in E. P. Motivatsiya i motivy, Saint Petersburg, Piter, 2014, 509 p.
3. Lisovskii P. P., Tereshchenko S. N. Psikhologiya tipov tela. Razvitie novykh vozmozhnostei. Prakticheskii podkhod, Moscow, Ves', 2013, 256 p.
4. Lukina O. A., Savva L. I., Gasanenko E. A., Soldatchenko A. L. Ponyatiinaya matritsa problem y poiska pedagogicheskikh uslovii formirovaniya professional'nogo imidzha obuchayushchikhsya tekhnicheskogo vuza, *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education], 2018, no. 59-4, pp. 56–60.
5. Meshcheryakova E. V., Loktyushina E. A. Angliiskii yazyk kak professional'naya osnova evropeiskogo i otechestvennogo obrazovaniya [Elektronnyitekst], *Sovremennye problem nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2018, no. 1, URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=27397> (accessed 1September 2022).
6. Miloradov S. A. Nekotorye problemy obucheniya angliiskomu yazyku v vuze, *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal «Kontsept»* [Scientific-methodological electronic journal “Koncept”], 2014, no. 4, pp. 91–95. URL: <http://e-koncept.ru/2014/14097.htm> (accessed 1September 2022).
7. Mirzoyan I. G., Aktual'nye problemy obucheniya angliiskomu yazyku v vuze, *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], no. 5, vol. 1, pp. 72–77.
8. Mikhailov V. V. Osobennosti prepodavaniya angliiskogo yazyka v tekhnicheskome vuze, *Perspektivy Nauki i Obrazovaniya* [Perspectives of Science and Education], 2018, no. 4. URL: <https://pnojurnal.wordpress.com/archive/18/18-04/> (data obrashcheniya: 01.09.2018).
9. Revyakina A. I. Sovremennye metody obucheniya angliiskomu yazyku v vysshei shkole, *Mir pedagogiki i psikhologii*, 2019, no. 5 (34), URL: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/sovremennye-metody-obucheniya-angliiskomu-yazyku-v-vysshej-shkole.html> (accessed 1September 2022).
10. Uvarov V. I. Aktual'nye problemy prepodavaniya inostrannogo yazyka v neyazykovom vuze i ikh vozmozhnye resheniya, *Vestnik RGGU. Seriya «Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie»* [RSUH/RGGU Bulletin “Psychology. Pedagogics. Education - Series Academic Journal”], 2018, no. 3 (13), pp. 145–156.
11. Chernobrovkin V. A., Pustovoitova O. V. Sushchnost' i znachenie proektnoi deyatel'nosti dlya sovremennykh doskol'nykh obrazovatel'nykh organizatsii, *Sovremennye naukoemkie tekhnologii* [Modern high technologies], 2018, no. 6, pp. 261–265.

Михайлов В. В. Актуальные проблемы преподавания иностранного языка в техническом вузе: формирование мотивации // Гуманитарно-педагогические исследования. 2022. Т. 6. № 3. С. 14–20.

Mikhailov V. V. Current Actual Problems of Teaching a Foreign Language at a University: Formation of Motivation, *Gumanitarno-pedagogicheskieissledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2022, vol. 6, no. 3, pp.14-20.

Дата поступления статьи – 07.09.2022; 0,65 печ. л.

Сведения об авторе

Михайлов Владимир Владимирович – доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков по техническим направлениям Института гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова», Магнитогорск, Россия; ta-se-mi@yandex.ru

Author:

Vladimir V. Mikhailov, Associate Professor, Candidate of Pedagogy, Associate Professor Foreign Languages for Engeneering Chair, Institute of the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU), Magnitogorsk, Russia; ta-se-mi@yandex.ru.

**ЗАХОРОНЕНИЕ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
ПРАВОВЫЕ НОРМЫ И ПРАКТИКА**

Аннотация. В данной статье предпринимается попытка проанализировать процесс погребения погибших красноармейцев в годы Великой Отечественной войны. Актуальность работы определена непрекращающимися в современном мире конфликтами, которые сопровождаются гибелью военнослужащих и возникающими в связи с этим вопросами нравственности и морали. Среди этических проблем выделяется проблема достойного захоронения погибших солдат. Изучение истории позволяет извлечь ряд уроков для современного времени. Только процесс демократизация российского общества, рассекречивание ряда архивных документов, мощная волна развития поискового движения России позволили в последнее время взглянуть на проблему захоронения более объективно. В процессе исследования автор пришел к выводу, что практика погребения военнослужащих в Красной армии в годы Великой Отечественной войны зачастую не совпадала с действующими нормативно-паровыми актами, что подтверждается многочисленными свидетельствами ветеранов и архивными документами. Нормы, существовавшие в Красной армии, не учитывали реалии 1941 г., когда большие людские потери, интенсивность боев, длительные отступления, непростые природно-климатические условия, нехватка техники не позволяли похоронным командам выполнять все пункты правил. Несмотря на контроль и директивные указания начальников, тысячи советских солдат остались незахороненными или захороненными без должных почестей в лесах, полях, на высотах. Это отрицательно влияло на моральное состояние военнослужащих и отчасти подрывало боеспособность нашей армии. Со временем, когда обстановка поменялась в лучшую сторону, положение с захоронением красноармейцев изменилось, хотя устранить все нарушения не удалось до самого конца войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, СССР, безвозвратные потери, ритуал, меморизация.

Введение

Вооруженные силы воевавших держав – от Древней Греции до современных государств – всегда сталкивались с вопросом захоронения солдат, которые погибли на поле боя или в медицинских учреждениях от ран и болезней. Наша страна не стала исключением. Если до XX века проблема захоронения военнослужащих не стояла так остро, то мировые войны с их колоссальными людскими потерями, коренным образом изменили ситуацию.

Практика погребального процесса в Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА) в годы Великой Отечественной войны относится к числу дискуссионных вопросов. Ученые спорят об обесценивании смерти военнослужащих, задаются вопросом об отличиях в погребальных практиках на фронте и в тылу, изучают методы и цели похоронных ритуалов. До конца еще не изучен вопрос отношения советских граждан к трупам противника и к местам их захоронения в период Второй мировой войны. Цель нашей работы – изучить процесс захоронения солдат Красной армии на фронте и в прифронтовой территории в годы Великой Отечественной войны, сравнив практику и нормативно-правовые акты того времени.

Военно-исторический взгляд на процедуру погребения останков убитых солдат после боя, в научной литературе встречается редко. В советские годы об этом не принято было говорить во всеулышание и публиковать научные материалы. Доступные же официальные нормативно-правовые акты, которые определяли регламент похорон военнослужащего, различные публикации о церемонии прощания с боевыми товарищами, показывали почти идеальную, лакированную картину и не отражали сложившейся практики. Все, что не вписывалось в установленные рамки и нормы, замалчивалось или подлежало засекречиванию. Чаще всего эта тема частично поднималась в рамках других научных направлений. Среди них мы можем выделить: рассмотрение истории развития похоронного дела [1], изучение восприятия смерти на войне с точки зрения психологии и повседневного опыта [6], исследование практики создания массовых захоронений и их влияние на идеологические конструкции [5], вопросы персонального учета потерь в годы войны [2; 4] и др. В европейской науке это вопрос не новый, но также не освещен в полной мере, например, в 2012 г. немецкие ученые, изучив традиции 20 стран, выяснили процесс сохранения памяти об убитых в бою [10]. Они пришли к выво-

ду, что несмотря на различия в процедурах и нормах, есть и общая черта: павшие всегда «берутся на службу» политиками, чтобы легитимизировать государство. В последние годы Нина Янц исследовала вопрос о захоронениях немецких солдат периода Второй мировой войны [11]. Она рассмотрела механизмы создания кладбищ в те годы, отношение в Вермахте и Третьем Рейхе к погибшим солдатам, изучила культ памяти в гитлеровской Германии, исследовала современное состояние немецких кладбищ и отношении к ним в РФ.

Источниковую базу нашей работы составили: документы высших государственных органов власти и военных ведомств, документы областных организаций и учреждений, документы воинских частей и соединений, устав вооруженных сил, дневники и воспоминания ветеранов войны, периодические издания. Весь этот материал дал основу для получения объективных выводов.

Методы и подходы нашего исследования определяются многоплановым характером вопроса. Он предполагает использование кросс-культурного подхода с привлечением данных истории, философии, культурологии и др. для выявления и интерпретации практик похорон военнослужащих, для описания коллективных и индивидуальных эмоциональных реакции в ситуациях захоронения сослуживцев, друзей, коллег. Избранная методика позволила всесторонне и комплексно осмыслить существовавшую в РККА в 1941–1945 гг. практику. Отдельно выделим историко-антропологический подход, который помог изучить свидетельства участников событий, их чувства, мотивы и стратегии поведения.

1. Нормативная основа захоронения павших военнослужащих в годы Великой Отечественной войны

Небольшие обелиски и грандиозные мемориалы в городах, селах, в полях и лесах служат напоминанием о самопожертвовании бойцов Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Между тем, такие памятники возникали в силу разных обстоятельств и приобретали законченный вид спустя некоторое время. Отметим, что еще в ходе Первой мировой войны в воюющих странах обозначились две противоположные тенденции по отношению к умершим солдатам. «Равнодушное» отношение к павшим бойцам, отсутствие к ним должного внимания отмечалось на передовых линиях фронта, что выражалось в постепенной секуляризации и минимизации погребальных ритуалов по причине неподходящих условий. Особенно это ярко проявлялось в периоды массовой гибели солдат, когда «бережливость» людей по отношению к телам убитых резко снижалась. В тылу же, смерть защитников Отечества становилась частью создаваемого культа павших героев [8, с. 27], поэтому места гибели часто превращались в грандиозные благоустроенные военные мемориалы. Практика погребения солдат во время Первой мировой войны, революции и гражданской войны в нашей стране была частично сохранена во время Великой Отечественной. Колоссальные потери и быстрое отступление наших войск усилили тенденцию к снижению «должного» отношения к павшим на фронтах, что выразилось в появлении на местах сражений большого количества немаркируемых общих могил похороненных неопознанными и незахороненными солдатами.

Между тем, незадолго до нападения гитлеровской армии на СССР, нарком обороны С. Тимошенко 15 марта 1941 г. подписал приказ, который ввел в действие положение № 138 «О персональном учете потерь и погребении личного состава Красной Армии в военное время»¹ (далее – Положение № 138). В данном документе в п. 108 определялось, что вынос убитых с полей сражения и их погребение является обязательным при всех условиях боя. Для захоронения тел убитых бойцов по существующим нормам должны были выделяться специальные похоронные команды во главе с начальником. Документ разрешал производить погребение как в братских, так и в индивидуальных могилах. Общие (братские) могилы, на наш взгляд, деиндивидуализировали подвиг и определяли проявленный героизм один на всех. Офицеров запрещалось хоронить в общие (братские) могилы. Для захоронения рядовых и офицеров должны были выбираться лучшие места: кладбища, городские площади, парки, скверы, сады, а вне населенных пунктов – курганы, рощи, перекрестки дорог и т. д. Местность для погребения должна была быть сухой, с низким уровнем грунтовых вод. Могилы должны были иметь глубину не менее 1,5 метров. На них необходимо было насыпать холм высотой до 0,5 метров, который покрывался камнями или дерном. На месте захоронения должен был быть установлен памятник (временный или постоянный), на котором делалась надпись – звание, фамилия, имя, отчество погибших и дата гибели.

Положение № 138 четко разграничивало процедуру захоронения рядовых и офицеров, а также порядок отдания почестей в тылу и прифронтовой полосе. Офицерский состав должны были хоро-

¹ Российский государственный военный архив Ф. 4. Оп. 12. Д. 97. Л. 263–272.

нить в гимнастерке, нательном белье и в обуви, а с рядового военнослужащего обувь снималась, чтобы использовать ее повторно в зависимости от состояния. 22 марта 1942 г. интендантской службой по этому поводу была разработана отдельная инструкция². Прагматичное отношение к уставной одежде объяснялось дефицитом в РККА обмундирования. Даже в марте 1945 г. по причине захоронения солдат в шинелях и ботинках старшина Таушкинов из 957 сп. был снят с должности и отправлен на передовую потому, что его действия «способствовали убытку» страны³. Погибших офицеров должны были хоронить в отдельную могилу в окрашенном деревянном гробу. Воинские почести убитым, на фронте должны были отдаваться согласно Уставу гарнизонной службы Красной армии в полном или усеченном варианте в зависимости от сложившейся обстановки, а в тылу – по всем правилам этого Устава. Он предусматривал почетный эскорт при погребении командиров и рядовых, оркестр, машину и лафет для перевозки. В момент прохождения церемонии погребения, должен был звучать салют из трех залпов, а музыкальный оркестр играть «Интернационал» (с 1 января 1944 г. исполнялся Государственный Гимн СССР)⁴. Особым порядком осуществлялось погребение крупных военачальников. Каждый раз по этому поводу готовился приказ наркома обороны. Транспортировка тел с передовой до дома была возможна исключительно для членов высшего командования.

2. Практика захоронения в воспоминаниях бойцов

Суровая реальность боевых действий и многотысячные потери первых месяцев войны приводили к массовым нарушениям существующих норм. Они во многом не соответствовали реалиям. В условиях, когда воинские подразделения несли большие потери и вынуждены были поспешно отступать, попадали в окружение, часто невозможно было захоронить погибших по тем правилам, которые были прописаны в документах. Массовое погребение многочисленных жертв войны стало определенной проблемой для советских военных властей.

Нормативные акты не учитывали отсутствия транспорта на перевозку погибших, отсутствия людей для формирования похоронных команд, нехватку времени для организации похорон по всем правилам в период отступления войск. В таких случаях, как правило, не особо задумывались о месте для благоустроенного кладбища, а отдание последних почестей погибшим сводилось к простому преданию их тел земле. Ветеран войны Г. С. Шишкин вспоминает: *«Если была возможность, то со всеми почестями хоронили. И могилу выкопают, и салют дадут, и памятник поставят. А когда бой идет, а потом вдруг отступить надо <...> или где-нибудь в лесах, в болотах, кто там будет хоронить? А иногда и хоронить было нечего. Вот когда Лешка Сенявин на фугасе подорвался, чего там хоронить? Нечего <...> А так с полным уважением относились к мертвым»⁵.*

В большинстве случаев на первом этапе войны боевая обстановка позволяла только минимально прикрыть землей тела убитых сослуживцев. К захоронению привлекались не только специальные похоронные команды, а любой человек, у которого была такая возможность.

Примерно через полгода войны стало понятно, что вопрос о незахороненных погибших бойцах Красной армии стал носить морально-идеологический характер. Некоторые командиры и комиссары недооценили роль своевременного погребения красноармейцев и не осознали, что картина оставленных на поле боя трупов погибших товарищей, отражалась на моральном состоянии военнослужащих. В первые месяцы войны погребение убитых в бою красноармейцев часто производилось в окопах, щелях и блиндажах, в придорожных канавах, в воронках. Индивидуальные и братские могилы не вносились в документы, не отмечались на картах. В таких условиях на людей угнетающее воздействие не сам факт смерти, а отношение к трупам, как чему-то забытому. Как отмечал ветеран Ю. А. Кожин, безразличие к павшим со стороны начальства передавалось всем⁶. В дневнике Г. И. Сенникова по этому случаю читаем: *«Подняли со дна Екатерининской гавани наш эсминец. Он погиб в прошлом году от бомбы немецкого самолета. Эсминец привели в док в Росту. Мы (идиоты) побывали на нем. Все кубрики, особенно носовые, были забиты трупами наших матросов. Эсминец погиб в тот момент, когда на нем шел концерт каких-то артистов и весь экипаж находился внизу. Наши похороны выглядели примерно так: привезли несколько громадных ящиков, собрали крючьями*

² Циркуляр Главного интенданта красной армии № 7. 22 марта 1942 года. Москва. 1942 // Massolit. URL: <https://massolit.site/sequence/tsirkulyar-glavnogo-intendanta-krasnoj-armii> (дата обращения: 21.06.2022).

³ Центральный архив министерства обороны (ЦАМО) Ф. 967. Оп. 1. Д. 95. Л. 43.

⁴ Устав гарнизонной службы Красной Армии. М.: Воениздат, 1945. С. 85-86.

⁵ Я дрался на Т-34. Книга вторая / сост. А. В. Драбкин. М.: Яуза, Эксмо, 2008. URL: <http://militera.org/oh/all/sh/t40540/> (дата обращения: 21.06.2022).

⁶ Кожин Ю. А. Цена жизни. 2006. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/kozhin_ua/index.html (дата обращения: 21.06.2022).

то, что осталось от моряков, свалили в эти ящики, облили их известью и увезли. Вот и все. И это на глазах всех нас, которым, может быть, завтра предстоит то же самое. Почему так? Ведь это же хуже всякого варварства! Какдохлых кошек в общий ящик и на свалку» [9, с. 198].

22 декабря 1941 г. главное политическое управление РККА выпустило директиву № 307 «Об организации погребения трупов погибших красноармейцев»⁷. В ней говорилось, что сбор умерших защитников необходимо проводить сразу после боя, тщательно просматривая местность. Сама процедура захоронения должна была проходить с воинскими почестями. Документ требовал, чтобы своевременное погребение умерших защитников для всех частей и соединений стало «нерушимым законом». После этой директивы через несколько месяцев были проведены проверки по выполнению вышеозначенных указаний. В 374 сд. 3 апреля 1942 г. контролирующие органы выявили многочисленные нарушения в деле по учету и захоронению убитых красноармейцев. По-прежнему людей хоронили без воинских почестей, в блиндажах и землянках, при политотделе не было человека ответственного за процесс погребения⁸.

Созданные ранее одиночные и братские могилы советских солдат и офицеров, должны были быть проверены и приведены в надлежащий порядок. Председатели облисполкомов и райисполкомов несли персональную ответственность за эти работы. Поскольку процесс поиска незахороненных сопровождался опасностью подрыва боеприпасов, то военные должны были отправлять на помощь местным органам власти сапёров. Уборка полей сражений вне населенных пунктов и документальное оформление могил по-прежнему возлагались на военное ведомство и регламентировались действовавшими постановлениями Народного комиссара обороны (НКО). Это решение нашло отклик у местных органов власти, которые принимали свои нормативные акты, повторяющие основные положения постановления № 1517 от 1 апреля 1942 г. В Ростовской области контроль по выполнению принятых решений власти возложили на военную прокуратуру, милицию, санитарные службы и партийную часть областного комитета ВКП(б)⁹. Организованная церемония похорон и прощание с боевыми товарищами являлись для многих действенным инструментом для укрепления духа, вдохновения на дальнейшую борьбу, для создания патриотического порыва, призванного мобилизовать людей и усилить ненависть к врагу. Например, 12 сентября 1942 г. на полуострове Рыбачий состоялись похороны 14 погибших бойцов и командиров РККА. Отдать последний долг погибшим пришли боевые товарищи. На траурном митинге выступило 10 человек. Их слова были «проникнуты жгучей ненавистью к фашизму. У некоторых на глазах блестели слезы»¹⁰. Если ритуал прощания проходил в населенном пункте, то, как правило, на этих церемониях присутствовало местное население, которое слышало подобные выступления¹¹. В г. Красном Смоленской области была захоронена Зоя Федорова из 753 сп. В последний путь ее провожали офицеры, сержанты, бойцы и жители г. Красного, где ей были отданы воинские почести. Короткие строки на мемориалах призывали к священной мести за погибших товарищей, за сожженный и разрушенный город.

Что касается санитарных аспектов уборки тел погибших на полях сражений, то на фронте были случаи, когда противоборствующие стороны договаривались между собой об уборке трупов в нейтральной полосе¹². Конечно, при краткосрочном затишье о проведении захоронения по всем нормам и правилам не могло быть и речи.

Из воспоминаний ветеранов нам удалось выяснить, что в разных воинских частях в реальности процесс захоронения убитых проходил по-разному. Пехотинец В. З. Головань так описывал процедуру: «Окопы, допустим, остались. В эти окопы или блиндажи раненых стаскивали и лопатами забрасывали. Большинство – вот так у нас и хоронили. Я в стрелковой части был четыре года, и большинство захоронений вот такие были»¹³. Если группа бойцов была сплоченной командой, то они старались соблюдать неписанные традиции и установленные правила прощания с погибшим товарищем. Церемония не превращалась в формализованную процедуру, которую проводили похоронные команды. Артиллерист И. А. Фогельсонотмечал: «Старались своих батарейцев хоронить по-людски. Того же Чарниса хоронили в нормальной могиле. Хотели дать прощальный залп в воздух, но у нас

⁷ЦАМО Ф. 32. Оп. 920265. Д. 4. Л. 275-276.

⁸Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. СПб.: Полигон, 2004. С. 452.

⁹Центр документации новейшей истории Ростовской области Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 342. Л. 5, 6.

¹⁰Филиал ЦАМО (Архив ВМФ г. Гатчина) Ф. 243. Д. 23624, Л. 255-264.

¹¹Воронин А. И. Щит и меч Сталинграда. Волгоград: Н.-Волж. кн. изд-во, 1982. С. 247.

¹²Вершинин И. Интервью с Задорожным И.М. URL:<https://iremember.ru/memoirs/minometchiki/zadorozhniy-ivan-mikhaylovich/> (дата обращения 25.05.2022).

¹³Вершинин И. Интервью с Головань В. З. URL: <https://iremember.ru/memoirs/mediki/golovan-vasiliiy-zakharovich/> (дата обращения: 25.05.2022).

было очень мало патронов, так ограничились тем, что комбат выстрелил три раза в воздух из пистолета. А когда потеплело, и стало легче копать землю для могил, то своих хоронили уже как положено. Ставили “кресты” с прямой планкой, на табличке писали фамилию погибшего, дату смерти и рождения, в штаб передавали данные о координатах захоронения»¹⁴. Артиллерист В. П. Самойлов вспоминал, как хоронили в конце 1943 г.: «Убитых, а их было семеро, хоронили в траншее, вырывали нишу в стенке траншеи, завёртывали в шинель, укладывали в нише и зарывали, конечно, без каких-либо ритуальных знаков, метрики и документы погибшего отправляли в полк»¹⁵. Минометчик И. М. Задорожный рассказал: «Тут, помню, при батарее у нас были татары. Интересно, как у них, у этих татар, значит, погибших хоронили. Значит, они копали могилу сначала прямо, а потом – в бок. Ну, и там вместе с убитым его пожитки клали. А потом все заплетали и только тогда всё засыпали этой землей. Вот такие дела. Так и копали: сначала прямо, а потом в бок. И клали его, этого погибшего, там. Ну, это когда время было для этого, только тогда так и хоронили. А так – в этой общей могиле хоронили»¹⁶. Краснофлотец П. П. Сивенко вспоминал, что когда убило командира катера, тогда боевой экипаж по морскому обычаю завернул в простыню тело Степана Гладышева, привязал гирию к его ногам, и опустил тело в воду¹⁷. Морякам в определенном смысле было легче провести процедуру погребения в море, но по действующему корабельному уставу 1940 г., тела убитых моряков должны были хоронить в землю, а в исключительных случаях погружать в море со всеми почестями и заносить всю информацию в вахтенный журнал¹⁸. На церемонии захоронения члена экипажа должны были присутствовать все офицеры и матросы, не занятые службой. Почести отдавали всем, кого погребали в море, вне зависимости от положения и ранга. Разведчик А. И. Бровкин вспоминал: «...нашли Серёжу убитым. Мы вынесли его к Средне-выборгскому шоссе, сбоку выкопали маленькую могилку, земля же была – бетон. С трудом выкопали, кое-как закопали. Я взял крышку от минного ящика, прибил её к палке и написал: “Сергей Горюнов, из Торжка. 190 полк, 95 дивизия” – это было сделано с мыслью, что потом его перехоронят. А так убитых сносили, как всегда – в воронки, закапывали в снег кое-как. На войне не думали, как захоронить, как организовать»¹⁹. Церемония прощания с товарищем подчеркивала ценность смерти на войне, придавала ей особый смысл.

Сегодня трудно сказать, когда наступил переломный момент в деле погребения убитых бойцов РККА. В 1943 г. в нашей армии все еще встречались случаи равнодушия к погибшим товарищам. Например, начальник штаба бронетанковых войск генерал-майор М. Ф. Салминов в своем приказе от 28 июня 1943 г. отмечал, что бывают случаи, когда в подбитых танках, которые поступали для ремонта обнаруживались тела членов экипажа. Он распорядился осматривать машины перед отправкой техники на ремонт²⁰. Документ носил гриф «совершенно секретно» и предназначался только командующим бронетанковых и механизированных войск фронтов. В сентябре 1944 г. начальник тыла 65 А получил шифровку, в которой говорилось о том, что, не смотря на приказы и распоряжения, все еще имеются случаи пренебрежительного отношения к делу захоронения солдат и офицеров²¹. Аналогичные моменты отражены в архивных документах, которые датированы и 1945 г.

14 февраля 1944 г. наркоматом обороны был объявлен приказ о вступлении в действие с 1 мая 1944 г. «Наставления по учету личного состава Красной Армии (в военное время)»²², в котором говорилось в т. ч. и о порядке погребения военнослужащих. Значимых новшеств в этой части документа не было. По-прежнему в нем делался акцент на обязательном выносе тел убитых с поля боя, о специальных похоронных командах, выборе мест захоронений, правильном оформлении места погребения.

По мере наступления наших войск и освобождения Европы, по мере гибели советских солдат

¹⁴ Койфман Г. Интервью с Фогельсон И.А. URL: <https://iremember.ru/memoirs/artilleristi/fogelson-izrail-aronovich/> (дата обращения 25.05.2022).

¹⁵ Воспоминания Самойлова В.П. URL: <https://iremember.ru/memoirs/artilleristi/samoylov-vasiliy-petrovich/> (дата обращения 21.06.2022).

¹⁶ Вершинин И. Интервью с Задорожным И. М. URL: <https://iremember.ru/memoirs/minometchiki/zadorozhniy-ivan-mikhaylovich/> (дата обращения 25.05.2022).

¹⁷ Трифонов Ю. Интервью с Сивенко П. П. URL: <https://iremember.ru/memoirs/krasnoflotsi/sivenko-pavel-pavlovich/> (дата обращения 25.05.2022).

¹⁸ Корабельный Устав Рабоче-Крестьянского Военно-Морского Флота Союза ССР. М.: Военмориздат, 1940. С. 81

¹⁹ Чупров А. Интервью с Бровкиным А.И. URL: <https://iremember.ru/memoirs/razvedchiki/brovkin-aleksey-ivanovich/> (дата обращения 25.05.2022).

²⁰ ЦАМО Ф. 3399. Оп. 1. Д. 18. Л. 52.

²¹ ЦАМО Ф. 928. Оп. 1. Д. 255. Л. 264.

²² Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13(2-3). Приказы народного комиссара обороны СССР, 1943-1945 гг. М.: Терра, 1997. С. 245.

на территории зарубежных стран, возник вопрос о правилах погребения за границей. Любые действия за пределами границ СССР рассматривались сквозь призму политики. Например, за рубежом большую роль придавали внешнему виду мемориалов, поэтому командиры начали обращать внимание на их оформление. В 65 А к январю 1944 г. был разработан эскиз типового памятника для установки на братских могилах светских воинов²³. Высота пирамиды должна была быть 140 см., ширина – 60 см. На вершине размещалась красная звезда высотой 30 см. и табличка с надписью «Братская могила павших смертью храбрых в борьбе с немецкими оккупантами». В центре пирамиды находился символ советского государства – скрещенные серп и молот.

Несмотря на приобретённый трехлетний опыт в погребальном деле, при спокойной боевой обстановке, при оформлении могил похоронные команды Красной армии в 1944 и 1945 гг. по-прежнему допускали старые ошибки, которые в дальнейшем, к сожалению, приводили к обезличиванию мест захоронения. К типичным недостаткам следует отнести: создание низких надмогильных холмиков, вместо оградок ставились колья и столбы, надписи делались неполными и наносились карандашом, вносились не точные сведения о количестве захороненных²⁴.

Таким образом, можно утверждать, что существующие в годы Великой Отечественной войны правовые нормы давали все юридические основания для проведения должных похорон красноармейцев и командиров Красной армии, но реалии оказались такими, что прописанные процедуры часто не соблюдались. Тысячи военнослужащих оказались незахороненными. Это отрицательно влияло на моральное состояние живых солдат и отчасти подрывало боеспособность нашей армии. В первые полгода войны большие людские потери, нехватка техники, быстрое отступление, неподходящая местность, тяжелые природно-климатические условия и постоянные интенсивные бои не позволяли выполнять нормы захоронения в полном объеме. Со временем усиливающийся контроль и более благоприятная обстановка изменили ситуацию в РККА, но не решили проблему полностью. Различные нарушения наблюдались и в последние месяцы войны. В основном они касались не ритуала прощания с однополчанами, а в части правильного формирования и благоустройства мест захоронения, внесения сведений в установленные документы. В дальнейшем эти просчеты сыграли негативную роль в вопросах сохранения и увековечивания памяти защитников Отечества. Ряд проблем, которые возникли в этой сфере, на современном этапе пытаются решить поисковые отряды [3].

Место заключения

Сегодня европейская политическая элита «забыла» о том, что когда-то освобожденные народы проявляли искреннюю благодарность к красноармейцам. По собственной инициативе для погибших советских военнослужащих местное население делало гробы, венки и памятники, на которых были надписи, например: «Героическим советским летчикам от благодарных польских девушек», «От благодарных детей – своим освободителям» и др.

Число возведенных в военный период могил и мемориалов советским войнам сегодня не поддается точным подсчетам. Например, по некоторым сведениям, на территории Польши учтено 1663 захоронений, в Чехии – 1027, в Румынии – 316, в Германии – 4185. Точные цифры нельзя назвать потому, что в ряде стран современной Европы многие памятники советским войнам подверглись целенаправленному уничтожению. В 2017 г. власти польского г. Тшчанка снесли мемориал, где были захоронены советские войны. В июне 2022 г. политики латвийского г. Екабпилс варварски демонтировали мемориал с тремя захороненными советскими офицерами. К сожалению, эта практика с каждым годом расширяется.

В РФ сегодня на учете стоят 31709 могил, где похоронены почти 4,5 млн. защитников отечества²⁵. Ненадлежащее формирование воинских захоронений в 1941–1945 гг., политическая ситуация после войны привели к тому, что многие могилы красноармейцев «затерялись» на местности. Их до сих пор находят волонтеры, которые отдают защитникам нашей страны почести, которые не были оказаны в свое время по отношению к военнослужащим Красной армии. При министерстве обороны существует «Управление по увековечению памяти погибших при защите Отечества», которое организует на государственном уровне в РФ и за рубежом работы по увековечению памяти погибших военнослужащих.

²³ ЦАМО Ф. 1233. Оп. 1. Д. 21. Л. 24.

²⁴ ЦАМО Ф. 9734. Оп. 1. Д. 3. Л. 208.

²⁵ Михайловская М. Истории участников войны соберут на одном ресурсе // Парламентская газета. 2020. 17 февраля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левкин В. Комсомольцы города-героя. М.: ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1944. С. 79–80.
2. Лысенков С. Г. Никто не забыт, ничто не забыто? (К вопросу об учете боевых потерь Красной Армии и отдании воинских почестей павшим на фронтах Великой Отечественной войны) // Genesis: исторические исследования. 2017. № 7. С. 144–157.
3. Любецкий, А. Е. Поисковый отряд МГТУ им. Г. И. Носова «Феникс»: история и современное состояние // Гуманитарно-педагогические исследования. 2019. Т. 3. № 1. С. 50–54.
4. Скворцова Л. Г. Основные вопросы ведения персонального учета потерь на фронтах Великой Отечественной войны // Известия АлтГУ. 2010. № 4-1. С. 228–231.
5. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. 383 с.
6. Сенявская Е. С. Отношение к жизни и смерти участников Первой мировой войны: очерк фронтовой повседневности // Былые годы. Российский исторический журнал. 2012. № 3 (25). С. 30–41.
7. Малышева С. «Братские могилы» и «вражеские могильники»: символическое означивание массовых захоронений в Советской России / СССР 1920-х – 1940-х годов - “Mass Graves” and the “Burial Grounds of Enemies”: The Symbolic Significance of Mass Burials in Soviet Russia/USSR, 1920s–1940s // The Soviet and Post-Soviet Review. Leiden: Brill, 2017. Vol. 44. № 3. P. 233–263
8. Малышева С. Красный Танатос: некросимволизм советской культуры // Археология русской смерти. 2016. № 2. С. 22–46.
9. Постникова Е. Г., Любецкий А. Е. Страхи подводников Великой Отечественной войны (по материалам дневника матроса Северного флота Г. И. Сенникова // Известия УрФУ. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 4(202). С. 190–207.
10. Hettling M., Echternkamp J. Gefallenengedenken im globalen Vergleich: Nationale Tradition, politische Legitimation und Individualisierung der Erinnerung. Oldenbourg. Munich. 2013. 540 с.
11. Janz N. Deutsche Soldatengraber des Zweiten Weltkrieges zwischen Heldenverherrlichung und Zeichen der Versöhnung: Kulturwissenschaftlich-historische Fallstudien zur Entwicklung des Umganges mit dem Kriegstod, Dissertation, University of Hamburg. 2019. 351 с.

A. E. Lyubetsky (Magnitogorsk, Russia)

BURIAL OF RED ARMY SOLDIERS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: LEGAL NORMS AND PRACTICE

Abstract. This article attempts to analyze the process of burial of fallen Red Army soldiers during the Great Patriotic War. In our opinion, the relevance of the work is beyond doubt, because the ongoing conflicts in the modern world and, as a consequence, deaths of soldiers raise the questions of morality. So, there is the problem of fallen soldiers and the issue of their dignified burial among them. Despite some challenge studying and understanding history is quite promising in order to outline a number of lessons for modern time experience. Only the process of democratization of Russian society, the declassification of a number of archival documents, a powerful wave of development of the Russian search movement has recently made it possible to look at it more objectively. During the research the author came to the conclusion that the practice of servicemen burial in the Red Army during the Great Patriotic War often was not consistent with existing legal norms. This fact is confirmed by numerous testimonies of veterans and archival documents. The Red Army regulations did not take into account the realities of 1941, when heavy human losses, the intensity of fighting, long retreats, difficult climatic conditions and a shortage of equipment did not allow the funerary commands to do/follow all parts in rules. In spite of the control and directive instructions from the superiors thousands of Soviet soldiers were left unburied or buried without proper honors in the woods, fields, and heights. The situation adversely affected the soldiers' morale and partly undermined the combat effectiveness of our army. With time, when the situation changed for the better, the situation with the burial of the Red Army soldiers changed, but still all the violations could not be eliminated until the end of the war.

Keywords : World War II, USSR, Great Patriotic War, military entombment, modern history.

REFERENCES

1. Levkin V. Komsomol'tsy goroda-geroya, Moscow, TsK VLKSM «Molodaya gvardiya», 1944, pp. 79–80.
2. Lysenkov S. G. Nikto ne zabyt, nictio ne zabyto? (K voprosu ob uchete boevykh poter' Krasnoi Armii i otdanii voinskikh pochestei pavshim na frontakh Velikoi Otechestvennoi voiny), *Genesis: istoricheskie issledovaniya* [NB: Historical researches], 2017, no. 7, pp. 144–157.
3. Lyubetskii A. E. Poiskoviyotryad MGTU im. G. I. Nosova «Feniks»: istoriya i sovremennoe sostoyanie, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research]. 2019, vol. 3, no.1, pp. 50–54.
4. Skvortsova L. G. Osnovnye voprosy vedeniya personal'nogo ucheta poter' na frontakh Velikoi Oteche-

stvennoi voyny, Izvestiya AltGU, 2010, nn. 4-1, pp.228–231.

5. Senyavskaya E. S. *Psikhologiya voyny v XX veke: istoricheskii opyt Rossii*, Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 1999, 383 p.

6. Senyavskaya E. S. *Otnoshenie k zhizni i smerti uchastnikov Pervoi mirovoi voyny: ocherk frontovoi povsednevnosti, Bylyegody. Rossiiskii istoricheskii zhurnal* [Russian Historical Journal BylyeGody], 2012, no. 3 (25), pp. 30–41.

7. Malysheva S. «Bratskie mogily» i «vrazheskie mogil'niki»: simbolicheskoe oznachivanie massovykh zakhoronenii v SovetskoiRossii / SSSR 1920-kh – 1940-kh godov - “Mass Graves” and the “Burial Grounds of Enemies”: The Symbolic Significance of Mass Burials in Soviet Russia/USSR, 1920s–1940s, *The Soviet and Post-Soviet Review*. Leiden: Brill, 2017, vol. 44, no. 3, pp. 233–263.

8. Malysheva S. *Krasnyi Tanatos: nekrosimvolizm sovetskoi kul'tury*, Arkheologiya russkoi smerti, 2016, no. 2, pp. 22–46.

9. Postnikova E. G., Lyubetskii A. E. *Strakhi podvodnikov Velikoi Otechestvennoi voyny (po materialam dnevnika matrosa Severnogo flota G. I. Sennikova*, Izvestiya UrFU, ser. 2, Gumanitarnye nauki, 2020, vol. 22, no. 4(202), pp. 190–207.

10. Hettling M., Echternkamp J. *Gefallenengedenken im globalen Vergleich: Nationale Tradition, olitische Legitimation und Individualisierung der Erinnerung*. Oldenbourg. Munich, 2013. 540 с.

11. Janz N. *Deutsche Soldatengraber des ZweitenWeltkriegeszwischen Heldenverherrlichung und Zeichen der Versöhnung: Kulturwissenschaftlich-historische Fallstudienzur Entwicklung des Umgangesmit dem Kriegstod*, Dissertation, University of Hamburg, 2019. 351 p.

Любецкий А. Е. Захоронение красноармейцев в годы Великой Отечественной войны: правовые нормы и практика// Гуманитарно-педагогические исследования. 2022. Т. 6. № 3. С. 21–28.

Lyubetsky A. E. *Burial of Red Army Soldiers During the Great Patriotic War: Legal Norms and Practice, Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2022, vol. 6, no. 3, pp. 21–28.

Дата поступления статьи – 04.07.2022; 0,9печ. л.

Сведения об авторе

Любецкий Артем Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова; Магнитогорск, Россия; artyoml@list.ru

Author:

Artem E. Lyubetsky, Ph. D. in History, associate professor at the Department of World History, Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia; artyoml@list.ru

УДК:94(470):069

DOI:10.18503/2658-3186-2022-6-3-29-32

*Е. Г. Застрожнова (Панкратова) (Санкт-Петербург, Россия)***СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО А. А. МИЛЛЕРА (1933–1934 гг.): ОБЩИЙ ОБЗОР¹**

Аннотация. Последние годы научной деятельности известного археолога-кавказоведа, организатора науки, научного сотрудника таких крупных научных учреждений, как Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК) и Русского музея, Александра Александровича Миллера (1875-1935) до сих пор в полной мере не изучены и не введены в научный оборот. Между тем, на этот период 1930–1931 гг. приходится организация и руководство Таманской экспедицией ГАИМК – крупного проекта, направленного на изучение и дальнейшее «закрепление» памятников южного региона за Ленинградом. Работы Таманской экспедиции под руководством А. А. Миллера были прерваны по ряду причин: постоянных конфликтов между московскими и ленинградскими исследователями, недостаточного финансирования, а также набирающего обороты «Дела Российской национальной партии» (РНП) (1933–1934 гг.). Дело «Российской национальной партии», или «Дело славистов», – это сфабрикованное ОГПУ дело о «фашистской организации русских и украинских националистов», ставшее одним из этапов кампании против «буржуазной» интеллигенции в годы «культурной революции» в СССР. Всего в Ленинграде было раскрыто 14 ячеек РНП в научных институтах АН СССР, музеях и научных обществах. По обвинению в членстве в контрреволюционной организации было арестовано 37 человек, преимущественно этнографов и искусствоведов, а также химиков и геологов. Наибольшее число арестованных пришлось на два крупнейших музея страны: Русский музей и Эрмитаж. В настоящее время представляется крайне актуальной как для научного, так и для гражданского сообществ, публикация следственных материалов в отношении безвинно осужденных ученых 1930-х гг.

Ключевые слова: архивные документы, Государственная академия истории материальной культуры, Русский музей, история советской археологии, политические репрессии, А. А. Миллер.

Александр Александрович Миллер был арестован как руководитель молодежной ячейки организации «Русская национальная партия» в Русском музее в сентябре 1933 г. В отечественной историографии отсутствуют исследования, посвященные следственному процессу в отношении него от момента ареста до вынесения обвинительного приговора. Важно отметить, что публикации материалов следственного дела РНП посвящена монография Ф. Д. Ашнина и В. М. Алпатова [1]. Однако большой объем следственного дела – пять томов и более 1000 страниц в каждом, не позволило развернуто проследить следственный процесс по каждому из обвиняемых. Данная работа посвящена общему обзору материалов следственного дела, заведенного в отношении А. А. Миллера и хранящегося в Архиве Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области².

Одним из первых научных сотрудников Русского музея по обвинению в членстве в контрреволюционной организации 1 февраля 1932 г. был арестован этнограф, заведующий украинским отделением музея Борис Георгиевич Крыжановский³. Все арестованные в Ленинграде в ходе репрессий 1930-х гг. содержались в Доме предварительного заключения ОГПУ (ДПЗ ОГПУ, «Большой дом» по адресу: ул. Воинова (н.в. Шпалерная), д. 25). На допросе 16 февраля 1932 г. он заявил: «Я не считаю, что моя работа в Русском музее, и в частности, в его украинском отделении шла вразрез интересам советской власти. Никогда ни к каким организациям я не принадлежал и не принадлежу. Точно также никогда никакой контрреволюционной организации не знал и не знаю»⁴.

17 марта 1932 г. ему было предъявлено обвинение в членстве в украинской национал-шовинистической контрреволюционной организации⁵. Однако 19 марта 1932 г. было принято Постановление об изменении меры пресечения, в котором говорилось, что «*пребывание его на свободе не повлияет на дальнейший ход следствия*»⁶. В Постановлении по делу от 27 марта 1932 г. предписано дело прекратить и сдать в архив ОГПУ на хранение⁷.

Б. Г. Крыжановский был арестован повторно в Москве 9 сентября 1933 г. и осужден по «мос-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-09-00180А «А. А. Миллер и Таманская экспедиция ГАИМК (история, исследовательская деятельность, значение для науки)».

² Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160, П-30695. Т. 1–5.

³ Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-9406. Л. 10.

⁴ Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-9406. Л. 15–16.

⁵ Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-9406. Л. 14.

⁶ Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-9406. Л. 18.

⁷ Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-9406. Л. 75.

ковскому делу» РНП, а 29 марта 1934 г. был приговорен к заключению в исправительно-трудовой лагерь (ИТЛ) сроком на 10 лет. Отбывал срок в Кемском отделении Беломоро-Балтийского ИТЛ, где был повторно осужден и приговорен к расстрелу, приведенному в исполнение 3 декабря 1937 г. Постановлением Президиума Московского городского суда от 26 октября 1964 г. Борис Георгиевич Крыжановский признан осужденным необоснованно и реабилитирован [1, с. 238].

После череды арестов, происходивших осенью 1933 г., 17 сентября этого же года по статьям 58–10 и 58–11 был арестован и А. А. Миллер. В ходе ареста в его квартире по адресу ул. Инженерная д. 4 кв. 3 был совершен обыск и изъяты личная переписка, а также документы (паспорт, профбилет, удостоверение)⁸.

10 октября состоялся первый допрос, который совпадает по дате с актом медицинского обследования, на котором А. А. Миллеру был поставлен диагноз – миокардит. В заключении врачей отмечалось, что по возрасту он годен на легкую работу и может пребывать в условиях северного климата⁹. Подобные диагнозы и «рекомендации» были шаблонными и зачастую совпадали у многих осужденных с датами допросов. Допрос проводил следователь М. Шондин. Его вопросы к подследственному касались в основном подробностей биографии А. А. Миллера: «... в царской армии служил в чине младшего офицера, в Красной армии служил в качестве председателя экзаменационной комиссии по Северо-Западному фронту. В 1906 году я демобилизовался». Отдельно отмечалось поступление на службу в Русский музей: «... в 1906 году получил научное поручение от Русского музея. В 1907 году был приглашен в этнографический отдел Русского музея на постоянную работу. В конце 1908 года я был приглашен в музей на штатную должность в качестве заведующего отделением Кавказа. После Октябрьской революции 1918 я был избран директором Русского музея. В этом же году был назначен членом коллегии и по делам музеев и охраны памятников старины. В 1920 г. я сбросил с себя полномочия директора музея и остался в качестве заведующим отделением Кавказа. С 1932 года я занялся снова научной деятельностью и продолжал ее до настоящего времени»¹⁰.

Второй допрос 21 октября 1933 г. проводил следователь И. В. Федоров. Известно, что Федоров Игорь Владимирович (1904 г. – год смерти не известен.) был уроженцем г. Кронштадта, майором государственной безопасности. В 1933–1935 гг. он был оперуполномоченным СПО УНКВД Ленинградской области. В 1956 г. допрашивался по обвинению в фальсификации личных признаний осужденных по делу РНП [1, с. 244]).

Стенограмма допроса А. А. Миллера представляет собой якобы прямое высказывание, констатирующее наличие в Русском музее контрреволюционной националистической группировки фашистского характера. Согласно стенограмме, в ее состав входили: Б. Г. Крыжановский, Д. И. Золотарев, П. И. Нерадовский, Н. П. Сычев и Е. Мроз. Главой этой группы являлись этнограф С. И. Руденко и Б. Г. Крыжановский. Кроме того, в стенограмме допроса присутствуют пространные определения таких понятий, как «расовая теория» и «национализм». По поводу последнего записано: «... национализм», который есть неизбежный путь к фашизму и по существу даже кажущееся любование вышивками и орнаментами своего народа¹¹ может быть показателем рождающегося национализма»¹².

Стенограмма допроса от 31 января 1934 г., проведенного следователями А. В. Бузниковым и Н. Г. Михайловским, представляет собой вопросы дознавателей и ответы на них А. А. Миллера, согласно которым он вошел в контрреволюционную фашистскую организацию русских и украинских националистов еще в 1929 г. после ряда бесед с членами этой организации из числа сотрудников Русского музея и ГАИМК – Б. Г. Крыжановским, С. А. Теплоуховым и другими. Члены организации «боролись за свержение советской власти всеми доступными для каждого из нас способами, причем наиболее реальными мы полагали активными методы борьбы, а именно вредительство в самом широком смысле этого слова, диверсии, организации повстанческих групп и даже шпионаж в пользу того иностранного государства, которое занимает открыто враждебные позиции к советскому союзу и могли бы возглавить интервенцию»¹³.

Судьба Сергея Александровича Теплоухова, упомянутого в стенограмме, особенно трагична: 29 ноября 1933 г. состоялся допрос, на котором он признал себя виновным и показал, что он принад-

⁸ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Т. 2. П-30695. Л. 508.

⁹ Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-30695. Т. 2. Л. 514.

¹⁰ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Т. 2. Л. 515–518.

¹¹ Возможно, имеются в виду научные работы Б. Г. Крыжановского: «Женская одежда Центральной Украины», Пг., 1923. и «Материальная культура украинцев», Л., [1926].

¹² Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-30695. Т. 2. Л. 519–521.

¹³ Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-30695. Л. 525–532.

лежал к фашистской организации и лично был связан с научными сотрудниками академиком В. Н. Перетцем, профессорами Б. Г. Крыжановским и Ф. И. Шмидтом. Допрошен С. А. Теплоухов был только один раз, а Постановлением ОГПУ от 15 марта 1934 г. уже была зафиксирована его смерть в ходе следственного процесса. Дело было прекращено в связи со смертью обвиняемого. В Постановлении Военной прокуратуры Ленинграда о прекращении дела от 27 мая 1958 г. указано, что С. А. Теплоухов был привлечен к уголовной ответственности необоснованно и дело в отношении него прекращено за отсутствием состава преступления¹⁴.

Нужно отметить, что один из проходивших по делу М. П. Грязнов на допросе 9 марта 1934 г. среди своих наиболее близких знакомых по службе назвал А. А. Миллера, которого охарактеризовал как человека, враждебно настроенного к советской власти, того, кто «к постановлениям партии и правительства относится с большим пренебрежением. С внешней стороны старается показать себя как сторонника советской власти»¹⁵.

На очередном допросе 12 марта 1934 г. А. А. Миллер был допрошен Н. Г. Михайловским, которого интересовали другие научные сотрудники Русского музея, в частности музейный реставратор Н. В. Исаченко. А. А. Миллер подтвердил свое знакомство с 1925 г., связанное с работой в реставрационных мастерских музея, где Н. В. Исаченко работала техническим исполнителем. В протоколе допроса было указано также, что она «происходит из семьи сенатора, очень близка с М. А. Фриде и входила в ячейку нашей организации, возглавляемую Б. Г. Крыжановским»¹⁶. Сама Н. В. Исаченко к моменту этого допроса была арестована (8 октября 1933 г.) по статьям 58-10 и 58-11. При аресте была изъята ее личная переписка и вышивка бисером Свято-Троицкой Сергиевой лавры¹⁷. Н. В. Исаченко подверглась только двум допросам – 12 октября 1933 г. и 4 марта 1933 г. Стенограммы этих допросов очень краткие, поскольку ею сразу было заявлено: «Я категорически утверждаю, что какие бы то ни было доказательства принадлежности к контрреволюционной организации которые будут или могут быть заявлены я до самого конца следствия буду отводить как лживые, <...> какие бы то ни было разговоры со мной о моей антисоветской деятельности и антисоветских убеждениях бесполезны и безрезультатны. Чтобы мне не говорили и какие бы доказательства не приводили, я до конца моей жизни буду продолжать утверждать свою невиновность <...>. Мне известно, что наряду со мной арестованы ряд работников Русского музея за принадлежность к контрреволюционной организации. Как об их политических взглядах, так и об их антисоветской деятельности мне ничего не известно»¹⁸.

Последний допрос А. А. Миллера состоялся 14 марта 1934 г. дознание вели Н. Ц. Саутин и Н. Г. Михайловский. В протоколе допроса «раскрывалась практическая роль и деятельность» А. А. Миллера в контрреволюционной организации. По «признанию» ученого им использовались экспедиционные выезды в научные командировки в разные районы СССР «для широкой контрреволюционной агитации и сбора на местах материалов в целях информации белоэмигрантских кругов и членов организации о положении и настроениях в СССР. Общаясь в этих поездках с местным населением, я открыто высказывал свои враждебные убеждения и, объясняя населению, видевишему во мне человека из центра, все знающего и умеющего правильно объяснить, существующую действительность с контрреволюционных позиций, вызывая этим у населения недовольство существующим строем. Эта контрреволюционная агитация, проводимая мной, наиболее живой отклик встречала среди с одной стороны – кулачества, и с другой – малокультурных и невежественных слоев беднячества»¹⁹.

В обвинительном заключении от 21 марта 1934 г. было указано, что обвинение полностью доказано материалами дела и все обвиняемые признаны виновными. В протоколе Заседания коллегии ОГПУ от 29 марта 1934 г. зафиксировано постановление заключить А. А. Миллера в ИТЛ сроком на пять лет с заменой высылка через ПП ОГПУ в Казахстан на тот же срок, считая срок с 9 октября 1933 г. (т. е. не с момента ареста, а за 1 день до первого допроса). Несмотря на замену заключения высылкой, смерть А. А. Миллера была зафиксирована 12 января 1935 г. в Карагандинском ИТЛ (справка по запросу КГБ в ходе процесса реабилитации)²⁰.

Реабилитирован Александр Александрович 28 ноября 1956 г. В сентябре 1964 г. в ходе провер-

¹⁴ Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-30695. Т. 6. Л. 680

¹⁵ Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-30695. Т. 4. Л. 243.

¹⁶ Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-30695. Т. 4. Л. 538–539.

¹⁷ Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-30695. Т. 4. Л. 21.

¹⁸ Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-30695. Т. 4. Л. 29.

¹⁹ Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-30695. Т. 4. Л. 551.

²⁰ Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-30695. Т. 1. Л. 328.

ки, проведенной следственным отделом КГБ, было выявлено, что «никаких объективных данных о существовании антисоветской организации “Российская национальная партия” получено не было», вследствие чего следственное дело подлежало прекращению. 26 октября 1964 г. Президиум Московского городского суда постановил прекратить дело за отсутствием состава преступления [1, с. 189].

В настоящее время готовится к публикации коллективная монография, посвященная Александру Александровичу Миллеру, его деятельности по изучению Таманского полуострова и последующему аресту. В этой книге планируется все следственные материалы по делу ученого представить в полном объеме с демонстрацией в Приложении документов из архивно-уголовного дела.

Необходимо еще раз подчеркнуть значимость изучения архивно-следственных материалов, которые являются подчас единственным источником, раскрывающим трагедии человеческих судеб. Не известные ранее факты позволяют совершенно под другим углом взглянуть на цепь событий, служащих причинами арестов и дальнейшей гибели целого поколения ученых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. «Дело славистов»: 30-е годы. М.: Наследие, 1994. 284 с.

E. G. Zastrozhnova (Pankratova) (Saint-Petersburg, Russia)

A. A. MILLER INVESTIGATORY CASE (1933-1934): A GENERAL REVIEW²¹

Abstract. The last years of scientific activity of A.A. Miller, a well-known Caucasian archaeologist, organizer of science, researcher at large scientific institutions as the State Academy of the History of Material Culture (SAHMC) and the Russian Museum, have not yet been fully studied and introduced into scientific circulation. Meanwhile, this period includes the organization and leadership of the Taman expedition of the SAHMC (1930-1931), a large project aimed at studying and further “fixing” the monuments of the southern region to Leningrad. Works of the Taman expedition led by A.A. Miller were interrupted in the course of constant conflicts between Moscow and Leningrad researchers, insufficient funding, and the growing “Case of the Russian National Party” (RNP) (1933–1934). The case of the “Russian National Party” or “The Case of the Slavists” is a case fabricated by the OGPU about a “fascist organization of Russian and Ukrainian nationalists”, which became one of the stages of the campaign against the “bourgeois” intelligentsia during the years of the “cultural revolution” in the USSR. In total, 14 RNP cells were detected in Leningrad in scientific institutes of the USSR Academy of Sciences, museums and scientific societies. There were 37 people arrested, mostly ethnographers and art historians, as well as chemists and geologists on charges of membership in a counter-revolutionary organization. The largest number of victims fell on the two largest museums in the country: the Russian Museum and the Hermitage. At present, it seems extremely relevant to publish investigative materials concerning innocently convicted scientists of the 1930s for both the scientific and civil community.

Keywords: archival documents, State Academy of the History of Material Culture, Russian Museum, history of Soviet archeology, political repressions, A. A. Miller.

REFERENCES

1. Ashnin F. D., Alpatov V. M. «Deloslavistov»: 30-e gody, Moscow, Nasledie, 1994, 284 p.

Застрожнова (Панкратова) Е. Г. Следственное дело А. А. Миллера (1933–1934 гг.): общий обзор // Гуманитарно-педагогические исследования. 2022. Т. 6. № 3. С. 29–32.

Zastrozhnova (Pankratova) E. G. A. A. Miller Investigatory Case (1933-1934): a General Review, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2022, vol. 6, no. 3, pp. 29–32.

Дата поступления статьи – 2022; 0,43 печ. л.

Сведения об авторе

Евгения Григорьевна Застрожнова (Панкратова) – кандидат исторических наук, заведующий отделом обработки фондов, комплектования и ведомственных архивов Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН), Санкт-Петербург, Россия; pankratova0484@yandex.ru.

Author:

Evgenia G. Zastrozhnova (Pankratova), Candidate of History, Head of Department of Fonds Processing, Acquisition and Departmental Archives, the Archive of The Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch, St. Petersburg Russia, pankratova0484@yandex.ru

²¹ The research have been done with the financial support of RFFI № 20-09-00180A «Miller A.A. and Taman expedition of SAHMC (narrative, research work, scientific relevance)».

ИЗУЧЕНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖИ КАК ОСОБОЙ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ

Аннотация. Исследование демографии напрямую связано с семейными ценностными ориентациями молодежи. Современная российская реальность порождает вопросы относительно настоящего и будущего страны, и, конечно, в центре данной проблематики находится молодежь со своим видением мира, ценностями, поведенческими установками и жизненными приоритетами. Проблема духовной деградации, тесно взаимосвязана с проблемой демографической безопасности общества. И с этой точки зрения изучение семейных ценностей и ориентаций молодежи выступает необходимым основанием для понимания специфики происходящих перемен в современной реальности и возможности прогнозирования показателей демографического поведения и развития общества в ближайшей перспективе. Снижение потенциала позитивного воздействия на российскую рождаемость структурного фактора требует активизации репродуктивных установок у малочисленных молодых категорий населения. В этой связи на сегодняшний день актуальным и востребованным направлением научно-исследовательского поиска является изучение установок молодого поколения на рождение детей и создание семьи. Молодежь является самой активной частью социума, за которой стоит будущее. Данный факт обуславливает потребность в детальном изучении ценностных ориентаций молодежи. В статье представлено социологическое исследование, проведенное с использованием количественного метода сбора информации. Материалы опроса подверглись глубинному анализу и представлены в статье в виде статистических данных. Проблема исследования заключается в отсутствии актуальной информации о факторах, оказывающих наибольшее воздействие на заинтересованность молодежи в построении семьи. В статье делается акцент на проблеме семейных ценностей и ориентаций российской молодежи, поскольку это факторы определяющего влияния на демографическое развитие России и обеспечение ее демографической безопасности. Авторами обосновывается важность формирования семейных ценностей и соответствующих ориентаций российской молодежи, которые следует изучать в контексте институциональной трансформации семьи и семейных отношений, определяющей разнообразие типов семей, семейных ценностей и отношений в современной России.

Ключевые слова: демография, молодая семья, семейные ценности, ценностные ориентации, государственная поддержка, зарегистрированный брак.

Введение

В настоящее время современная молодежь сталкивается с различными вопросами и угрозами, связанными с семейными ценностями [4, с. 58]. Так, по замечанию А. И. Антонова, «самый точный прогноз будущей рождаемости можно составить вовсе не по анализу репродуктивных установок нынешних супругов и сожителей (в основном уже родивших столько детей, сколько хотелось), а по ориентациям на брак и семью холостой молодежи» [1, с. 17].

Выбор молодежи в качестве объекта исследования, по мнению С. Д. Смирнова, важен еще и с той точки зрения, что в этом возрасте «формируется обобщенная картина мира, устанавливаются глубинные взаимосвязи между различными областями изучаемой реальности» [10, с. 141]. Следовательно, это последний этап жизненного цикла человека, когда еще можно каким-то образом воздействовать на формирующиеся представления о семейных ценностях [8, с. 71]. Эффективность мер демографической политики в значительной степени зависит от готовности социума принять эти меры и откликнуться на них [5, с. 51]. Эта готовность общества подразумевает существование в сознании молодежи социально значимых и разделяемых ценностных ориентаций, мотивов и установок на создание семьи и рождение детей [13, с. 65]. Именно изучение ценностных ориентаций выступает основой прогнозирования репродуктивного поведения населения, поскольку эти ориентации (наряду с условиями жизни) относятся к числу его основных детерминант [11, с. 37]. При этом, как пишет В. Н. Архангельский, «сами ценностные ориентации существенным образом влияют на восприятие условий жизни как способствующих или препятствующих реализации демографических ориентаций» [2, с. 15].

1. Основные ценностные ориентации молодежи

Для углубленного изучения ценностных ориентаций, мотивов и установок студенческой молодежи на создание семьи и рождение детей использовался количественный метод исследования. В статье представлены основные выводы по результатам социологического опроса, проведенного в

Челябинской области ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова» (далее – МГТУ им. Г. И. Носова).

Социологический опрос был проведен в феврале 2020 г. Объектом исследования были студенты МГТУ им. Г. И. Носова. Предметом выступило изучение наиболее приоритетных ценностных ориентаций студенческой молодежи, непосредственно влияющих на демографическую ситуацию.

Основная цель исследования заключалась в определении отношения студенческой молодежи к институту семьи, а также выявление факторов, способствующих увеличению рождаемости. Были поставлены следующие исследовательские задачи:

- анализ отношения студенческой молодежи к институту семьи;
- исследование основных ценностных ориентаций;
- выявление отношения к семейным ценностям;
- определение основных факторов, влияющих на создание семьи.

Методом сбора информации был выбран интернет-опрос, который в данном случае стал наиболее удобным и быстрым методом сбора информации. Отметим, что преимущество в выбранном методе исследования заключается в большом объеме выборки, что, как известно, снижает величину случайной ошибки измерения. Кроме того, не менее важен был низкий уровень материальных затрат в расчете на одного респондента, что дало возможность увеличить объема выборочной совокупности в несколько раз и более.

Изначально, опрос был рассчитан всего на 400 респондентов, но в процессе его проведения обнаружился большой интерес со стороны молодых людей, в итоге в исследовании приняли участие 824 студента (специалисты и бакалавры) очной формы обучения МГТУ им. Г. И. Носова. Количество участников опроса свидетельствует о репрезентативности выборки, а ошибка выборки, исходя из указанного объема выборочной совокупности, не превышает 5 %. Расчет репрезентативности выборки представлен в таблице 1.

Таблица 1 – Расчет репрезентативности выборки

Пол	Доля генеральной совокупности (%)					Всего (%)
	Курс					
	1	2	3	4	5	
М	18,5	11,0	8,1	10,0	3,9	50,7
Ж	18,0	10,9	7,1	8,5	4,0	49,3
Итого	36,5	21,9	15,2	18,5	7,9	100

Структура выборки представлена:

1. Курсом обучения – первый – 36,2%; второй – 22,2 %; третий – 16,2 %; четвертый – 18,4 %; пятый – 7,0 %.
2. Семейным положением – холост / не замужем – 82,3 %, состоят в юридически оформленном браке – 6,9 %, состоят в юридически неоформленном браке – 9,7 %, разведен/разведена – 1,1 %.
3. Полом – мужской – 50 %, женский – 50 %.

1. Общие приоритеты и ценности студенческой молодежи

Студентам было предложено определить лично для себя наиболее приоритетные жизненные цели в данный момент времени. Как оказалось, для большинства опрошенных студентов приоритетом является: получение образования; материальное благополучие и комфорт; здоровье; интересная работа, профессиональное развитие.

Стоит отметить, что семья по классификации приоритетов была поставлена респондентами на пятое место, что можно проследить в таблице 2.

Таблица 2 – Наиболее приоритетные цели для студенческой молодежи

№	Варианты ответа	Доля ответивших по отношению к опрошенным (%)
1	Образование	72,8
2	Материальное благополучие, комфорт	57,6
3	Здоровье	52,7

№	Варианты ответа	Доля ответивших по отношению к опрошенным (%)
4	Интересная работа, профессиональное развитие	52,2
5	Семья	49,3
6	Общение с друзьями, знакомыми	48,7
7	Любовь, романтические отношения	39,0
8	Свобода, независимость	35,4
9	Творчество	28,8
10	Хорошая физическая форма	23,4
11	Дети	9,7
12	Общественное признание, популярность	9,5
Итого ответивших:		100,0*

Результаты нашего опроса мы сопоставили с данными и выводами, представленными А. М. Александровой в 2020 г. в статье «Семейные ценности современной российской молодежи» [3]. По заключению исследовательницы, «в рейтинге ценностей-целей у современной молодежи любовь занимает пятое место, уступая таким ориентирам, как активная деятельная жизнь, материальное благополучие и т. д., а ценность счастливой семейной жизни оказалась на седьмом месте» [3, с. 15]. Сравнение результатов разных исследований позволяет сделать вывод о том, что данные нашего опроса актуальны не только для молодежи МГТУ им. Г.И. Носова, но и для всей российской молодежи в целом.

В проведенном нами исследовании выявилась значимая особенность: интересная работа и профессиональное развитие одинаково важны как для мужчин, так и для женщин, а семья в большей степени приоритетна для женщин (больше на 18,1%), нежели для противоположного пола.

В числе вопросов к магнитогорским студентам был вопрос, определяющий наиболее значимые жизненные цели. Допускалось несколько вариантов ответа. Результаты отражены в таблице 3.

Таблица 3 – Наиболее значимые жизненные цели для студенческой молодежи

№	Варианты ответа	Доля ответивших от числа опрошенных (%)
1	Материальное благополучие	59,6
2	Наличие семьи, детей	58,5
3	Интересная работа	42,2
4	Получить хорошее образование	38,5
5	Наличие надёжных друзей	36,1
6	Творческая самореализация	29,5
7	Развить свой бизнес	14,9
8	Обладание властью	4,8
9	Другое	1,0
Итого ответивших:		100,0*

*В данном случае рассчитана не сумма, а отношение числа ответивших к числу опрошенных.

Таким образом, большинство опрошенных студентов на первое место ставят материальное благополучие, на второе – наличие семьи и детей, на третье – интересную работу.

В таблице 4 и на рисунке 1 даны ответы студентов, предполагающие анализ отрицательных психологических оценок своего будущего – наличия и причин неуверенности или тревоги по этому поводу.

Таблица 4 – Причины неуверенности и тревоги за свое будущее у студентов МГТУ им. Г. И. Носова

Варианты ответа	Доля ответивших от числа ответивших	Доля ответивших от числа опрошенных
Не иметь нужного дохода	70,0	45,3
Не трудоустроиться	57,7	37,3
Экономическая и социальная неста-	50,0	32,4

Варианты ответа	Доля ответивших от числа ответивших	Доля ответивших от числа опрошенных
бильность в стране		
Не закончить университет	29,6	19,2
Другое	2,8	1,8
Итого ответивших:	210,1*	64,7**
Нет данных		35,3
Итого		100,0

* Сумма превышает 100%, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно. Среднее число ответов на 1 опрошенного 2,1.

** В данном случае рассчитана не сумма, а отношение числа ответивших к числу опрошенных.

Так, больше половины опрошенных студентов испытывают чувство неуверенности и тревоги за свое будущее (см. рисунок 1). В то же время, анализ данных показал, что мужчины на 11 % чаще женщин испытывают чувство неуверенности и тревоги за свое будущее, а студенты 5 курса больше на 3,9 % неуверены в своем будущем, чем студенты других курсов. Большой процент неуверенности и тревоги дали респонденты, не состоящие в браке (на 13,7 %).

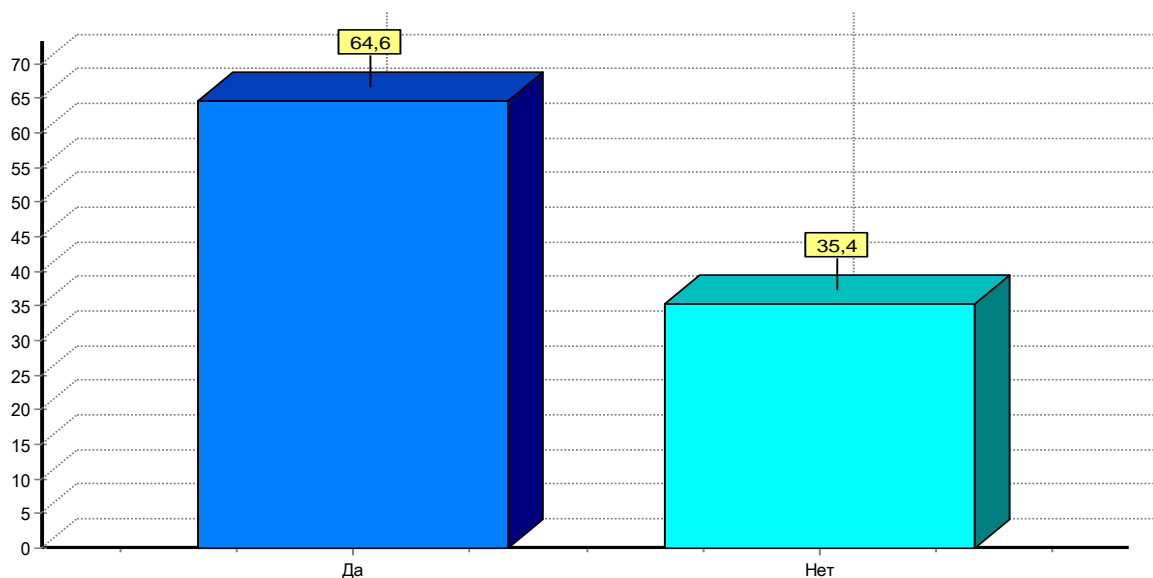

Рисунок 1. Наличие чувства неуверенности и тревоги за своё будущее

Данные, отраженные в таблице 4 и на рисунке 1, подтверждают выводы, сделанные нами по содержанию таблицы 3, в том, что для большинства молодежи наличие семьи и детей входит в число наиболее значимых жизненных целей в долгосрочной перспективе, в приоритетных же целях семья стоит не на первых позициях, уступая место материальному благополучию.

Двухмерный анализ данных в зависимости от социально-демографических характеристик студентов МГТУ им. Г. И. Носова позволил нам говорить о следующих зависимостях:

– материальное благополучие и наличие детей приоритетно в большей степени для женского пола, чем для мужского (больше на 11,7 %, 17,1 % соответственно);

– наличие семьи и детей в большей степени важно для студентов 5 курса (67,2 %), а также для респондентов, состоящих в юридически оформленном браке и юридически неоформленном (89, 5% и 72,7%соответственно от числа по данной категории).

По результатам анализа и оценки результатов исследования основные причины неуверенности и тревоги за свое будущее студенты связывают с отсутствием необходимого дохода, проблемой трудоустройства, экономической и социальной нестабильностью в стране.

2. Отношение студенческой молодежи к институту семьи

Одна из задач исследования заключалась в определении отношения молодежи к институту брака и рождению детей. Ответы респондентов должны были сориентировать нас в том, какие тенденции демографии и с какими показателями можно ожидать в ближайшем будущем.

Для большинства опрошенных основная причина вступления в брак заключается в желании быть вместе с человеком, который способен понять и оказать поддержку в любых ситуациях – 55,6 % (см. таблица 5). Данное отношение к браку среди опрошенных студентов фиксирует потребность большинства в переживании чувства защищенности, стабильности, ощущении поддержки, которую можно получить от другого человека. При этом потребность в понимании и поддержке присутствует в большей степени у лиц женского пола, чем у мужского (больше на 57,2 % от числа опрошенных по гендерному признаку).

Таблица 5 – Причины вступления в брак для студенческой молодежи

Варианты ответа	Доля ответивших от числа опрошенных
Желание быть вместе с человеком, способным понять и оказать поддержку в любых ситуациях	55,6
Желание иметь уютный дом, устроенную жизнь	33,7
Желание иметь детей, продолжать род	33,3
Желание сделать любимого человека счастливым	28,1
Иметь семью и детей – нравственный долг человека	25,2
Желание ощущать себя нужным другому человеку	24,0
Желание не расставаться с любимым человеком	22,3
Принято вступать в брак	16,6
Желание избежать одиночества	15,3
Желание иметь постоянного сексуального партнёра	9,2
Желание жить самостоятельно	4,4
Итого ответивших:	100,0*

По результатам проведенного анализа и конечной оценке результатов социологического исследования 76,8 % опрошенных студентов МГТУ им. Г. И. Носова планируют вступать в официальный брак, т. е. это большинство респондентов; не планируют или скорей всего не будут вступать в официальный брак 15,5 % опрошенных (см. рисунок 2). Оставшиеся 6,9 % респондентов уже состоят в зарегистрированном браке и 0,9 % студентов предложили свои ответы: «*Как только в нашей стране разрешат однополые браки*», «*Официальный брак – это ловушка, хватит и венчания*», «*Жизнь покажет*».

В ходе глубинного анализа планов респондентов, связанных с вступлением в официальный брак, в зависимости от социально-демографических особенностей показал следующие зависимости:

1) в большей степени планируют вступать в официальный брак студенты 4 и 5 курса (78,4 %, 78,2 % соответственно, от числа опрошенных по данной категории);

2) женщины на 13,1 % больше мужчин планируют вступать в официальный брак.

В исследованиях, посвященных представлениям о браке, отмечается, что официальное его заключение ассоциируется у молодых людей с ответственностью, обязательствами, долгосрочным планированием, решением, принимаемым в зрелом возрасте. Первые партнерские отношения, напротив, сейчас носят скорее «пробный характер» и являются лишь одной из итераций на пути поиска подходящего спутника для создания семьи, поэтому вступление в официальный брак откладывается [11].

Абсолютное большинство опрошенной молодежи нейтрально относятся к незарегистрированным отношениям – 73,1%, положительное отношение высказало 19,3 %, выражают отрицательное отношение всего 7,6 % респондентов (рис. 3). Двухмерный анализ полученных данных показал, что женщины в большей степени относятся отрицательно к незарегистрированным отношениям (показатель выше на 5,9 %), мужчины, напротив, дают положительную оценку (показатель выше на 11,5 %).

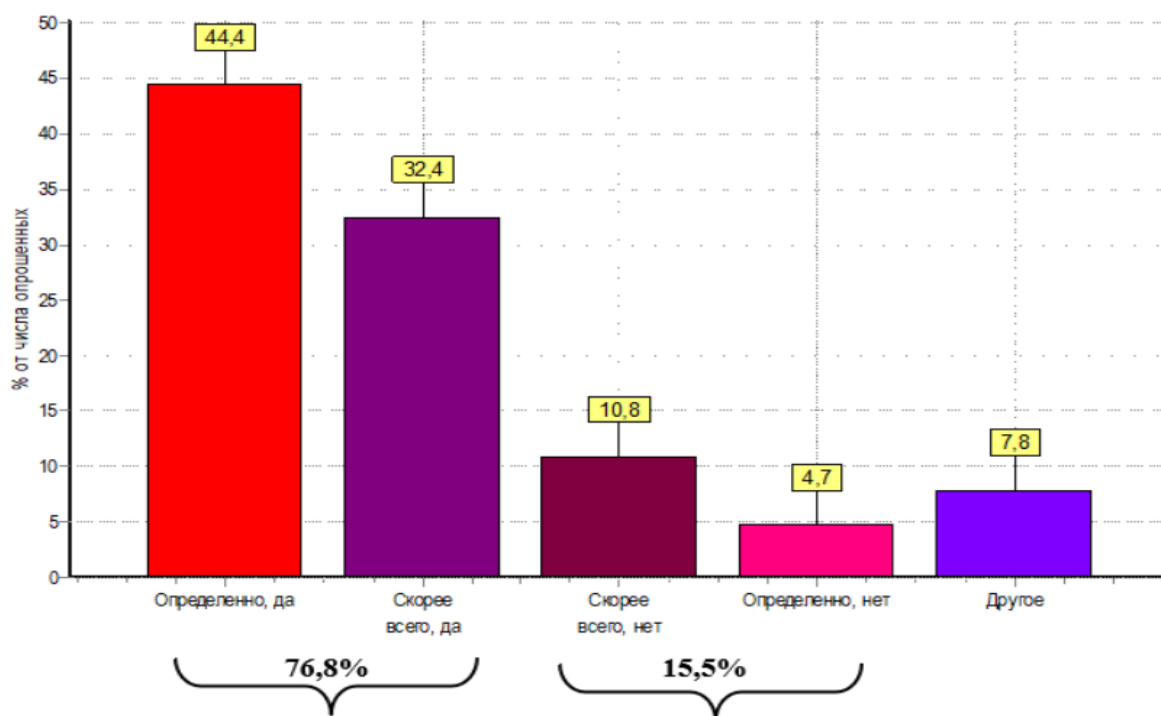

Рисунок 2. Диаграмма ответов о наличии у респондентов планов вступить в официальный брак

Сравнивая результаты нашего исследования с данными 2017 г., описанными в монографии «Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики» [13, мы отметили увеличение показателя положительного отношения молодежи к внебрачным отношениям: треть респондентов (31,5 %) указала, что не имеют добрачных половых связей и категорически против подобных действий. Каждый пятый молодой человек (21,7 %) отказался дать ответ на данный вопрос, а из ответивших также каждый пятый молодой человек (19,6 %) сообщил о наличии внебрачных супружеских отношений [13, с. 28].

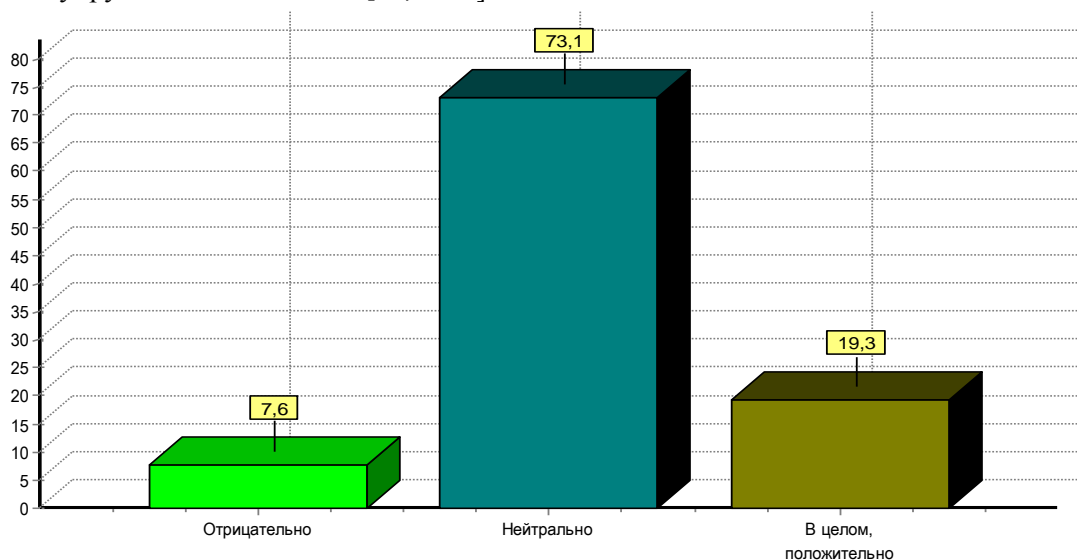

Рисунок 3. Диаграмма ответов «Отношение студенческой молодежи к незарегистрированным супружеским отношениям»

Результаты исследования показали, что почти для каждого второго опрошенного студента является нормальным рождение детей в незарегистрированных отношениях (43,5 %), а отрицательно относятся к данному явлению всего 26,5 % опрошенных. Респонденты, которые затруднились ответить на данный вопрос (29,9 %), являются самой уязвимой категорией для деструктивной пропаганды, которая встречается в Интернете и на телевидении. Наибольшее число затруднившихся ответить выявлено среди студентов 2 курса (33,7 % опрошенных, доля от числа по данной категории) (рис. 4).

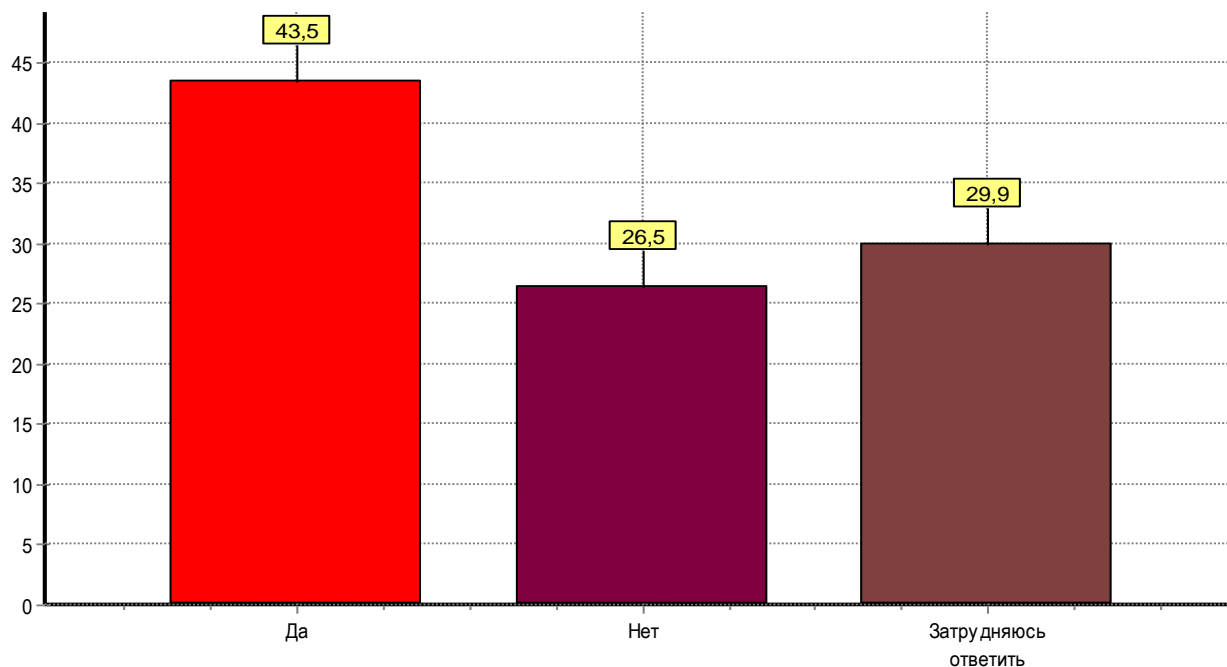

Рисунок 4. Диаграмма результатов ответа на вопрос «Считаете ли Вы нормальным явлением рождение детей в незарегистрированных отношениях?»

В сравнении с исследованиями по данной тематике 2020 г. около четверти опрошенных не считают брак необходимым для воспитания детей. Предпочитают сожительство легитимному браку 13 % молодых людей, и только 10 % считают сожительство неприемлемым. Таким образом, можно констатировать толерантное отношение молодежи к незарегистрированным бракам и довольно невысокой оценку роли регистрации супружеских отношений в воспитании детей [3, с. 15].

Результаты проведенного исследования выявили проблему деструктивной трансформации представлений молодежи об институте семьи. Такая ситуация, на наш взгляд, требует целенаправленной работы по формированию у студенческой молодежи правильных семейных ценностных ориентиров.

Анализ данных опроса показал, что мужчины значительно больше (на 19,9 %), чем женщины, выражают положительное отношение к рождению детей в незарегистрированных супружеских отношениях. Той же позиции придерживаются разведенные студенты (43,9 %) и респонденты, состоящие в юридически неоформленных супружеских отношениях (44,4 %).

С целью изучения точки зрения опрашиваемых о перечне наиболее приемлемых условий для рождения детей студентов попросили поделиться своим отношением к рождению ребенка «для себя». Результаты исследования показали, что абсолютное большинство опрошенных предполагают возможность рождения ребенка «для себя» – 86 % студентов, из них допускают такую возможность без указания на какие-либо условия – 31,2 % молодых людей, а 54,8 % допускают такую возможность только при определенных обстоятельствах (см. рис. 5).

Сопоставив полученные нами результаты с данными других исследователей, например, с количественными показателями 2021 г., представленными К. Е. Лопатюк в статье «Трансформация брачно-семейных отношений современной российской молодежи в условиях изменяющейся реальности» [6], мы обнаружили тенденцию к росту ориентации молодых семей на однодетную модель либо

модель без детей. По данным К. Е. Лопатюк, у женщин до 25 лет, а у мужчин до 29 лет самые низкие «личные прогнозы» рождаемости, связанные с откладывае́м рождения и воспитания детей на более поздний период [6].

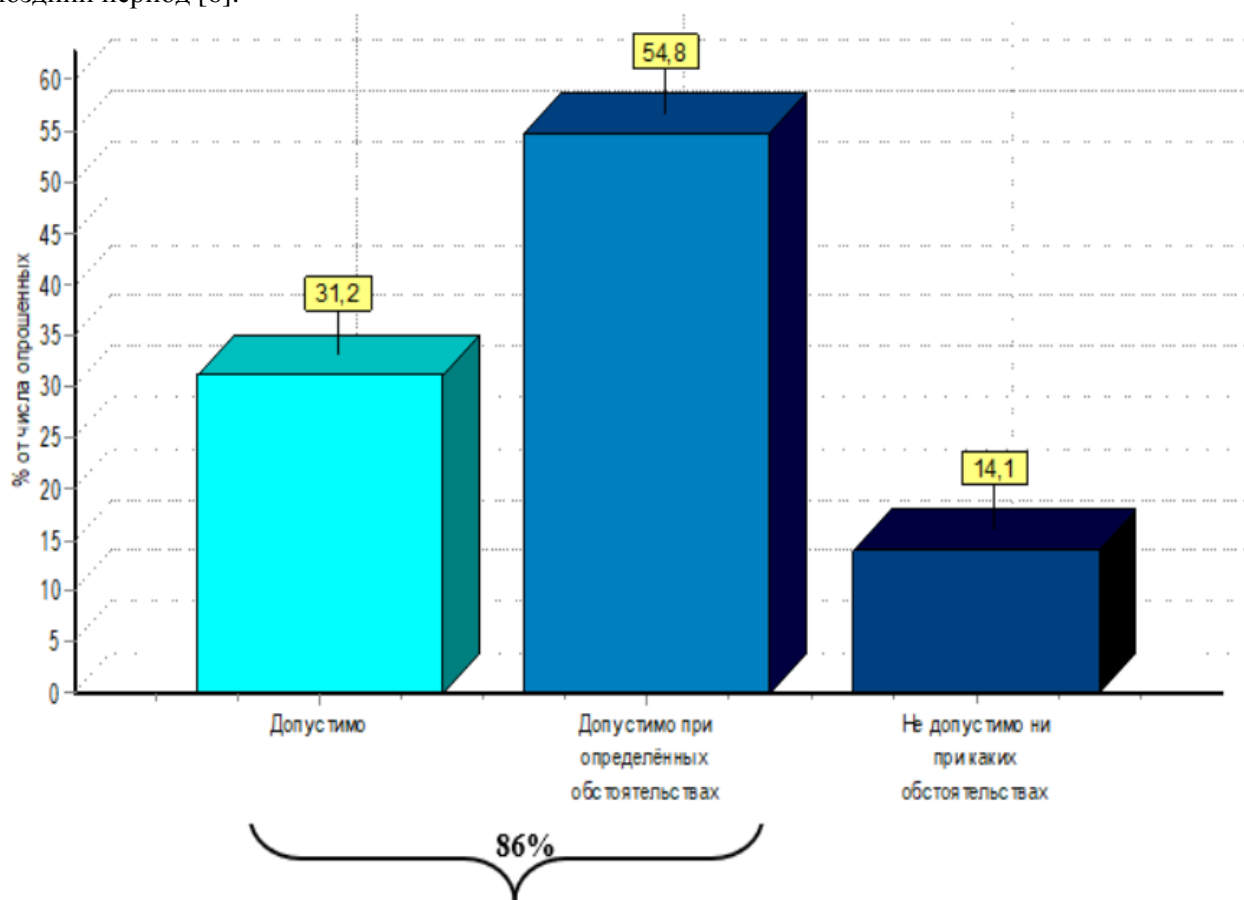

Рисунок 5. Диаграмма «Отношение студенческой молодежи к рождению ребёнка “для себя”»

В ходе опроса студентам МГТУ им. Г. И. Носова было предложено выбрать определение, раскрывающее их личное представление о понятии семьи как о социальном институте. Ответы представлены в таблице 6.

Таблица 6 – Содержание понятия семьи для студенческой молодежи

Определения семьи	Доля ответивших из числа опрошенных (%)
Это конкретная система взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми, как малой группы, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и моральной ответственностью, а также социальной необходимостью в рождении детей	46,7
Это взаимоотношения между мужчиной и женщиной, основанные на браке, которые объединены совместным проживанием и ведением домашнего хозяйства, эмоциональной связью и взаимными обязанностями по отношению друг к другу	37,2
Это взаимоотношения между мужчиной и женщиной, которые объединены совместным проживанием, бытом и эмоциональной связью	16,1
Итого ответивших:	100,0

Дифференциация толкований слова «семья» осуществлялась по следующим параметрам:

– наличие брака и детей (семья — это конкретная система взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми, как малой группы, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и моральной ответственностью, а также социальной необходимостью в рождении детей)

венными отношениями, общностью быта и моральной ответственностью, а также социальной необходимостью в рождении детей);

– наличие брака (семья – это взаимоотношения между мужчиной и женщиной, основанные на браке, которые объединены совместным проживанием и ведением домашнего хозяйства, эмоциональной связью и взаимными обязанностями по отношению друг к другу);

– незарегистрированные отношения между мужчиной и женщиной (семья – это взаимоотношения между мужчиной и женщиной, которые объединены совместным проживанием, бытом и эмоциональной связью).

Почти половина опрошенных студентов ассоциируют понятие семьи с наличием брака и детей – 46,7 %, тем не менее, почти каждый второй респондент выбрал определение, включающее исключительно наличие брака – 37,2 % (таблица 6). В соответствии с выбором большинства опрошенных студентов (53,7 %), в семье должно быть более одного ребенка (рисунок 6).

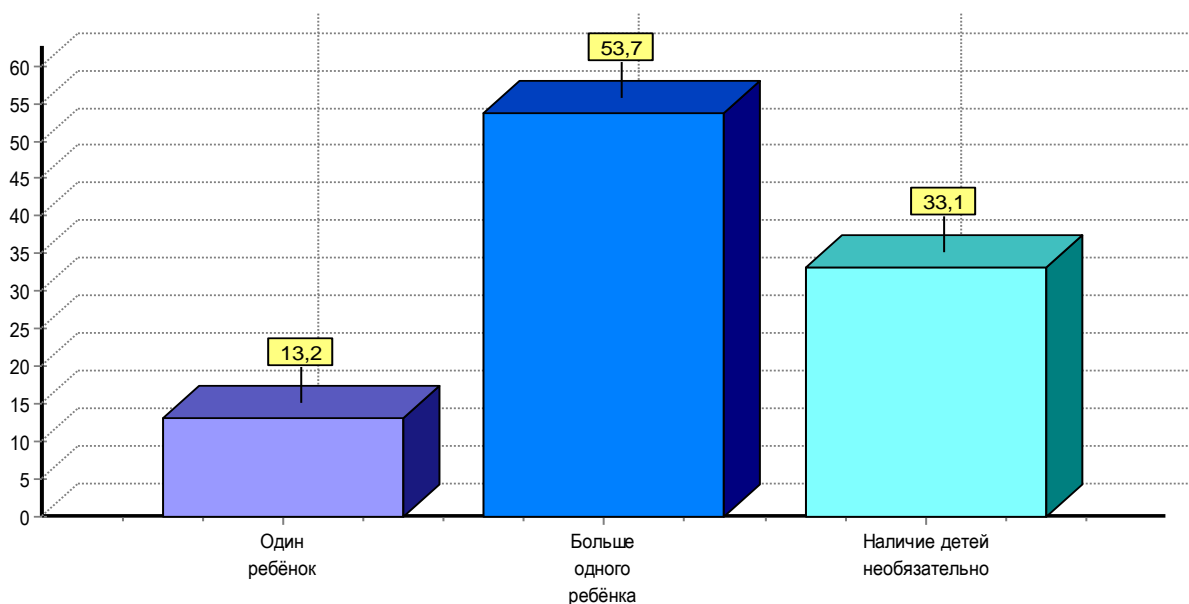

Рисунок 6. Диаграмма ответов на вопрос «Как Вы думаете, сколько детей должно быть в семье?»

Полученные данные фиксируют наличие перспективы демографического роста в нашей стране, но ее реализация напрямую связана с мерами поддержки молодой семьи, в число которых должна войти пропаганда семейных ценностей.

Студентам МГТУ им. Г. И. Носова предлагалось определить лично для себя форму организации семейных взаимоотношений. следовало выбрать один из трех типов организации семьи: *патриархальная*– главой семьи является мужчина, он принимает основные решения; *матриархальная*– главой семьи является женщина, она принимает основные решения; *эгалитарная*– партнёрский тип взаимоотношений. Согласно представленным данным лидирующая позиция среди опрошенных студентов занимает эгалитарная форма организации семьи (см. таблицу 7).

Таблица 7 – Наиболее приемлемая форма организации семьи для молодежи

Формы семьи	Доля ответов от числа опрошенных (%)
Эгалитарная	75,3
Патриархальная	22,9
Матриархальная	1,8
Итого ответивших:	100,0

В задачу исследования входило выяснение доминирующей точки зрения насамый оптимальный возраст для рождения первого ребенка. Результаты опроса показали, что большинство студентов считают наиболее оптимальным возрастом для рождения первого ребенка возраст с 26 до 30 лет.

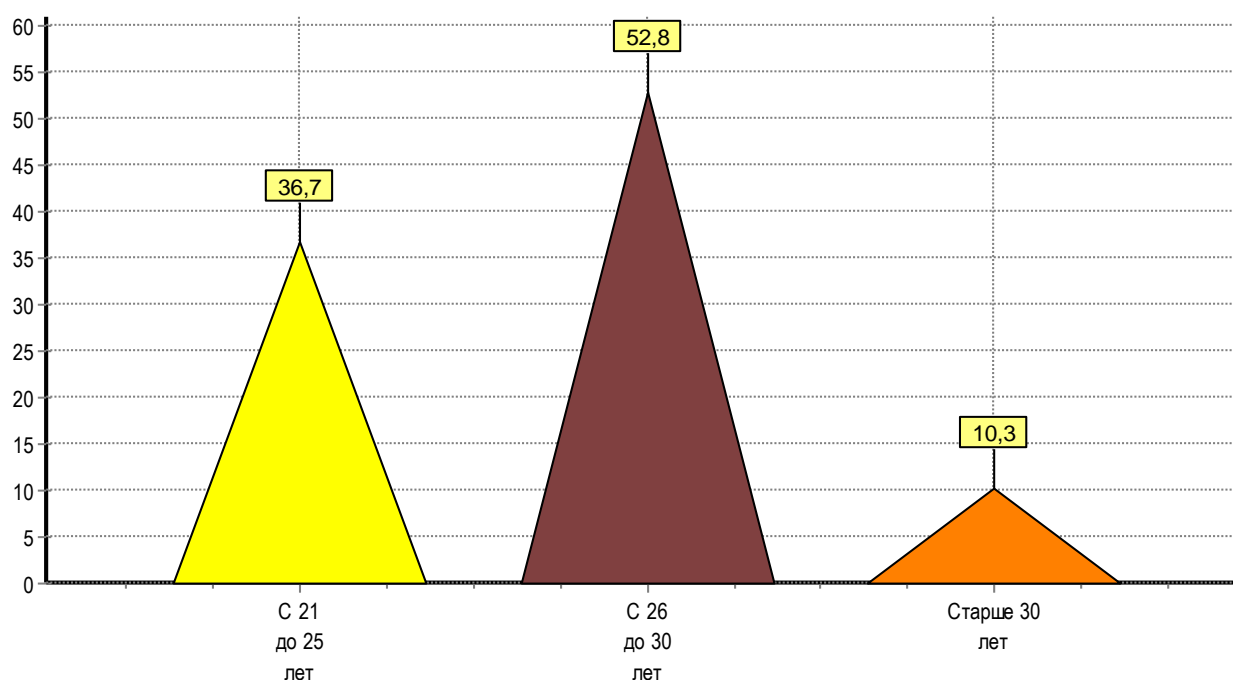

Рисунок 7. Диаграмма ответов «Оптимальный возраст для рождения первого ребёнка»

В таблице 8 представлены наиболее предпочтительные качества идеальных супругов в зависимости от гендерных особенностей респондентов.

Таблица 8 – Гендерное сопоставление предпочтительных качеств идеального супруга (%)

№	Качество	Пол	
		Мужской (%)	Женский (%)
1	Верность	62,7	57,8
2	Моральные ценности	46,7	50,0
3	Надёжность	41,5	42,6
4	Чувство юмора	41,0	39,4
5	Хозяйственность	36,3	37,9
6	Совпадение Ваших интересов	30,2	29,2
7	Привлекательная внешность	25,9	20,4
8	Заинтересованность в интересах и развитии партнёра	15,6	19,4
9	Близкое к Вам социальное окружение	13,7	15,5
10	Эрудированность	11,8	13,2
11	Интеллигентность	10,8	10,3
12	Финансовая обеспеченность	9,4	8,3
13	Романтичность	8,0	7,8
14	Профессиональная занятость	7,1	7,7
15	Высшее образование	7,1	7,7
16	Профессиональные перспективы	5,7	6,9
17	Постоянное проявление знаков внимания к Вам	5,7	5,6
18	Щедрость	0,9	2,9
19	Другое	0,5	0,7
	Итого:	100,0	100,0

3. Отношение молодежи к государственной поддержке при рождении детей

Абсолютное большинство опрошенных студентов в МГТУ им. Г. И. Носова (92,6 %) информированы о государственной поддержке семей при рождении детей (см. рисунок 8); 0,1 % респондентов не дали ответа на этот вопрос.

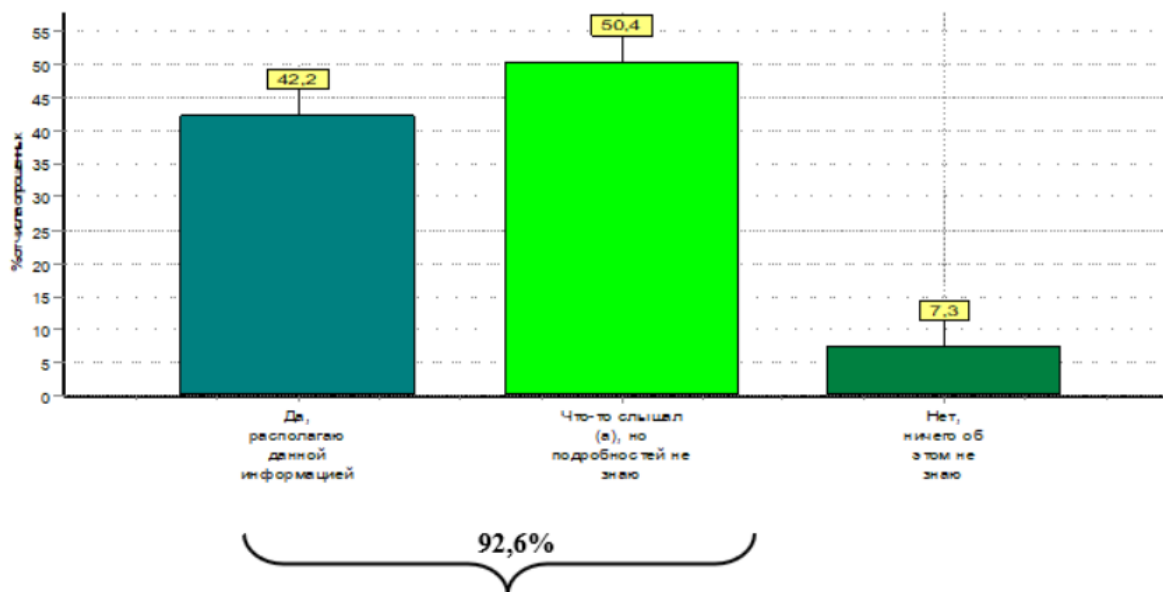

Рисунок 8. Диаграмма информированности студенческой молодежи о государственной поддержке при рождении детей.

Опрос показал, что в большей степени проинформированы об условиях государственной поддержки при рождении детей студенты 1, 2 курсов (47,8 % и 42 % соответственно от числа опрошенных по данным категориям; не дали ответа респондентов). Причём информированных мужчин на 2,8 % больше, чем женщины. Большинство студентов МГТУ им. Г. И. Носова считают, что государственная поддержка способствует решению молодой семьи завести детей (см. рис. 9). Двухмерный анализ полученных данных выявил зависимости: 1) студенты 1 курса чаще других отмечают наличие влияния государственной поддержки на решение молодой семьи завести детей (на 7,4 % больше среднего показателя); 2) согласных с этим женщин на 8,5 % больше, чем мужчин.

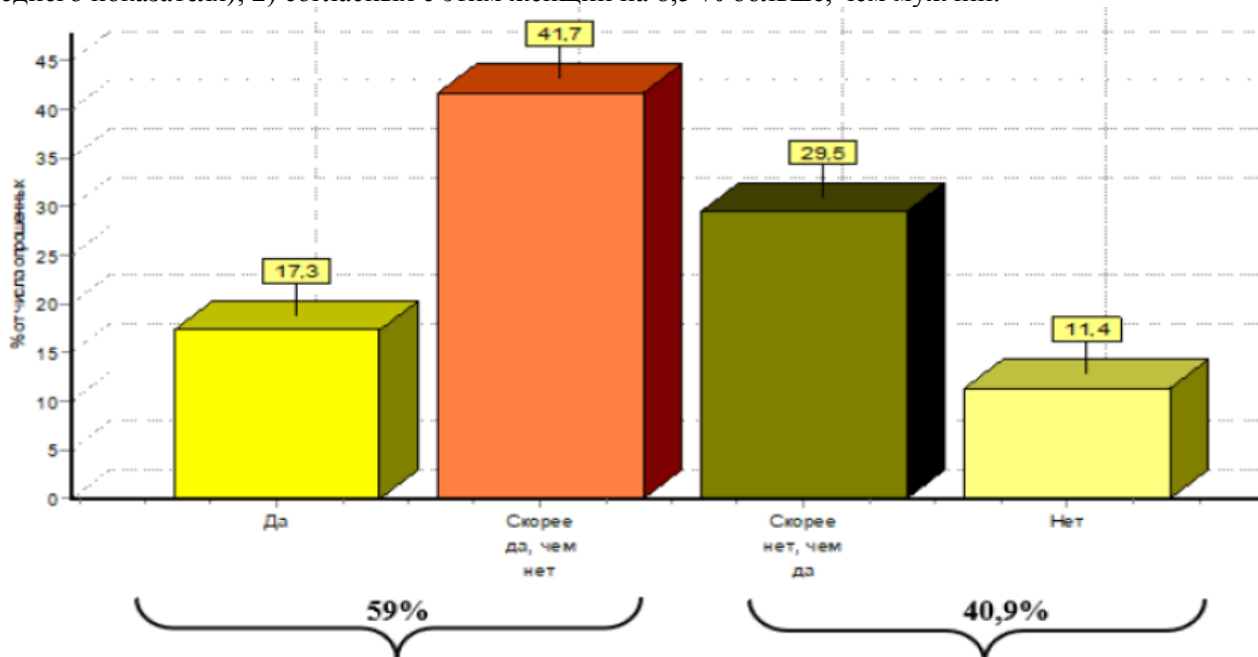

Рисунок 9. Диаграмма измерения мнения молодежи о влиянии государственной поддержки на решение молодой семьи завести детей

В ходе исследования важно было выяснить представление студентов об уровне среднего дохода, который должен быть у молодой семьи для рождения первого ребенка. Анализ полученных ответов показал следующее: в структуре ответов респондентов чаще присутствует ответ «65–70 тысяч рублей»; большинство опрошенных (63,6 %) считают достаточным уровень дохода выше 60 тысяч рублей; не дали ответа 0,2 % (см. рисунок 10).

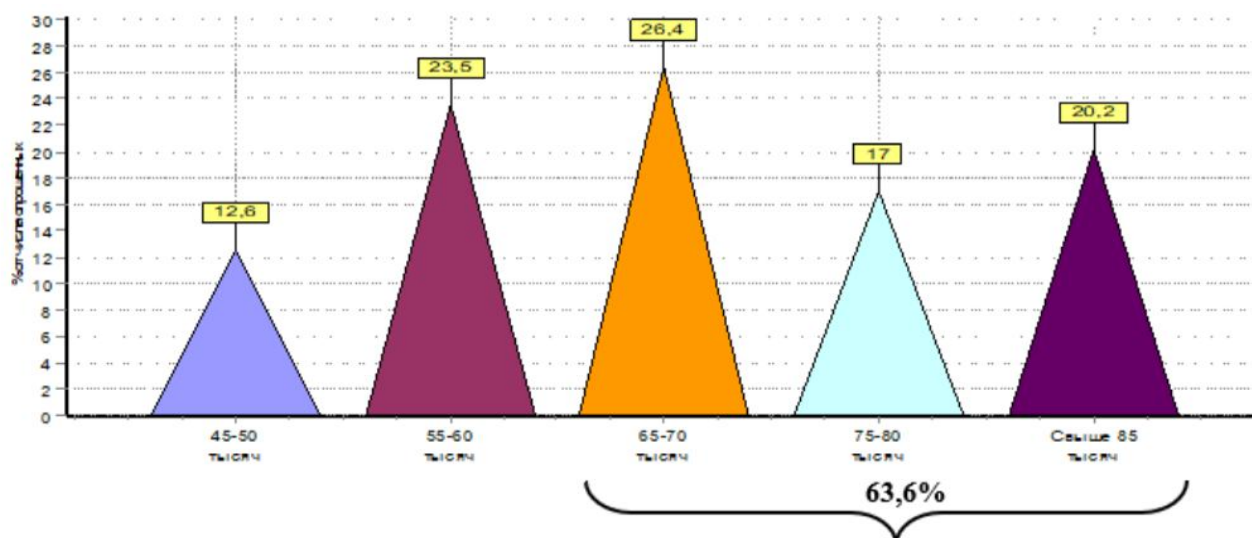

Рисунок 10. Диаграмма ответов «Приемлемый средний доход молодой семьи для рождения ребёнка»

Уточним, что, согласно данным исследования, для большинства опрошенных необходимыми условиями для создания семьи являются: работа и постоянный доход – 88,4 %, собственное жильё – 65,6 %, наличие стабильных и надёжных взаимоотношений – 63,8 %. Данные ответы выделены более темным тоном в таблице 9.

Таблица 9 – Результаты ранжирования необходимых условий для создания семьи

Варианты ответа	Доля ответивших от числа опрошенных (%)
Работа и постоянный доход	88,4
Собственное жильё	65,6
Наличие стабильных и надёжных взаимоотношений	63,8
Получение необходимого образования	13,3
Другое	1,6
Итого ответивших:	99,8*
Нет данных	0,2
Итого	100,0

Анализируя ответы респондентов, касающиеся выбора основных факторов, препятствующих созданию семьи, мы обнаружили, что, по мнению большинства опрошенных, отсутствие необходимого дохода является доминирующим фактором, препятствующим созданию семьи (см. таблица 10).

Таблица 10 – Факторы, препятствующие созданию семьи

Варианты ответа	Доля ответивших от числа опрошенных (%)
Отсутствие нужного дохода	60,7
Отсутствие собственного жилья	45,6
Психологический фактор (неготовность брать на себя ответственность, страх перед трудностями семейной жизни)	41,9
Планы, связанные с дальнейшей карьерой и самореализацией	37,6
Планирую переезжать в другой город	9,0
Планирую переезжать в другую страну	8,8

Варианты ответа	Доля ответивших от числа опрошенных (%)
Ничего не препятствует	14,1
Другое	3,8
Итого ответивших:	99,9*
Нет данных	0,1
Итого	100,0

В ходе опроса студентам было предложено определить институты, которые должны воздействовать на формирование ценностных ориентаций современной молодежи, основные из них – семья и система образования (таблица 12).

Таблица 12 – Институты современного общества, по оценке студентов, в большей степени воздействующие на формирование ценностных ориентаций современной молодёжи (%)

Варианты ответа	Доля ответивших от числа опрошенных (%)
Семья	74,7
Система образования	49,3
СМИ	21,3
Органы государственной власти	18,9
Религия	4,8
Армия	1,5
Другое	4,0
Итого ответивших:	99,9
Нет данных	0,1
Итого	100,0

Заключение

Проведенное исследование ценностных ориентаций студентов МГТУ им. Г. И. Носова обозначило тенденции видения мира современной молодежью, выявило отношение молодых людей к проблеме семейных ценностей и подтвердило актуальность вопросов демографии и брака. С помощью полученных результатов социологического исследования были сделаны основные выводы.

Во-первых, значительная часть современной молодежи считает необходимой составляющей благополучной семейной жизни – наличие материальной базы, как залога уверенности в завтрашнем дне, при этом условия, при которых молодые люди готовы узаконить отношения, тоже поменялись. В разрезе статистических данных по курсам, намерение заключить официальный брак чаще фиксировался в ответах студентов 4 и 5 курсов (1,7 % и 1,5 % соответственно).

Во-вторых, наиболее приоритетными ценностями для молодежи являются: образование; материальное благополучие и комфорт; здоровье; интересная работа, профессиональное развитие. Такие ценности, как семья; общение с друзьями, знакомыми; любовь, романтические отношения; свобода и независимость, отмечены респондентами среди важных, но не главных или не первоочередных.

В-третьих, для большинства представителей молодежи наличие семьи и детей входит в число наиболее значимых жизненных целей в долгосрочной перспективе, в приоритетных же целях семья стоит не на первых позициях.

В-четвертых, основные причины неуверенности и тревоги за свое будущее студенты связывают с отсутствием необходимого дохода. Этот же критерий является доминирующим фактором, препятствующим созданию семьи для большинства опрошенных.

В-пятых, по мнению большинства опрошенных, уровень среднего дохода, который необходим молодой семье для рождения первого ребенка, должен быть выше 60 тысяч рублей. Респонденты отмечали значимость государственной поддержки для решения молодой семьи завести детей.

Несмотря на сохраняющиеся негативные тенденции в развитии современного института брака и семьи, позитивный потенциал, направленный на формирование базовых семейных ценностей, в обществе сохраняется. Социальные изменения всегда влияют на семью, поэтому вопросы изменения

экономической, политической и даже психологической ситуации в обществе – для молодых людей означает необходимость перестройки и пересмотра системы своих ценностей. Как сказал Ф. Адлер: «Семья – это общество в миниатюре, от целостности которого зависит безопасность всего большого человечества» [Цит. по 7, с. 1].

Молодежь является определяющим фактором, от которого зависит развитие и функционирование не только общества, но и семьи. Молодые люди подходят к формированию семьи очень серьезно. Они осознают, что для ее создания нужно иметь жилье и достаточно стабильный уровень материального обеспечения.

Полученные результаты исследования выявили проблему деструктивной трансформации представлений молодежи об институте семьи, поэтому мы согласны с позицией составителей информационно-аналитического отчета по материалам социологического исследования 2010–2011 гг, о том, что нужен четкий курс на формирование в среде студенческой молодежи правильных семейных ценностных ориентиров [9, с. 37], необходима планомерная и эффективная воспитательная работа в этом направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов А. И. Снижение репродуктивных установок и ориентаций российского населения в 1991—2007 гг. [Электронный ресурс] // Интеллектуальная Система Тематического Исследования НАукометрических данных. НИИ механики МГУ. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/5327328/> (дата обращения: 01.09.2022).
2. Архангельский В. Н. Методологические вопросы исследования детерминации демографических процессов // Детерминация демографических процессов. Т.21: сборник статей / под ред. Н. В. Зверевой, В. Н. Архангельского. М.: МАКС Пресс, 2012., С. 5-30.
3. Александрова А. М. Семейные ценности современной российской молодежи. 2020 г. [Электронный ресурс] // Электронный научный архив УрФУ [сайт]. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/83372/1/978-5-7996-2997-7_2020_002.pdf (дата обращения: 01.09.2022).
4. Вишневский Ю. Р., Рубина Л. Я. Социальный облик студенчества 90-х годов // Социологические исследования. 1997. № 10. С. 56–69.
5. Демографические показатели единой межведомственной информационно-статистической системы России [Электронный ресурс] // ЕМИСС. Государственная статистика. Минцифры России [сайт]. URL: <http://www.fedstat.ru/indicators/start.do> (дата обращения: 01.09.2022).
6. Лопатюк К. Е. Трансформация брачно-семейных отношений современной российской молодежи в условиях изменяющейся реальности [Электронный ресурс] // СГН. 2021. №1 (5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-brachno-semeynyh-otnosheniy-sovremennoy-rossiyskoy-molodezhi-v-usloviyah-izmenyayusheysya-realnosti> (дата обращения: 01.09.2022).
7. Макаров А. Н., Давлетова Л. М. Укрепление института семьи на уровне муниципальных образований: монография / А.Н. Макаров, Л.М. Давлитова. Набережные Челны: Изд.- полигр. центр Набережночелнинского института К(П)ФУ. 90 с.
8. Полушкина И. В. Репродуктивный труд и стимулирование популяционной активности населения: дис. канд. экономич. наук. Екатеринбург, УрФУ, 2010. 163 с.
9. Проблемы профессионального самоопределения молодежи: анализ ценностных ориентаций и профессиональных стратегий : информационно-аналитический отчет по материалам социологического исследования (2010-2011 гг.) / М-во образования и науки РФ, Уральский федеральный ун-т им. им. первого Президента России Б. Н. Ельцина / [редкол.: Вишневский Ю. Р., Дидковская Я. В., Певная М. В.]. Екатеринбург : УрФУ, 2011. 168 с.
10. Смирнов С. Д. Педагогика и психология высшего образования: От деятельности к личности : учеб. пособие для студ. учреждений высш. образования. 6-е изд., испр. М. : Изд. центр «Академия», 2014. 400 с.
11. Студент – 2012 : материалы шестого этапа социологического мониторинга, декабрь 2011 - январь 2012 / М-во образования и науки РФ, М-во физ. культуры, спорта и молодежной политики Свердловской обл., Уральский федеральный ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина ; [редкол.: Ю. Р. Вишневский (отв. ред.) и др.]. Екатеринбург : УрФУ, 2012. 332 с.
12. Третьякова Е. А. Идеальный брачный возраст // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. Т. 11. Вып. 2. С. 190-211.
13. Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики: результаты исследования: монография / под общ. ред. С. В. Чуева. М.: Изд. домГУУ, 2017. 131 с.

C. M. Zavershinskikh (Magnitogorsk, Russia)

A. V. Simonova (Magnitogorsk, Russia)

STUDYING THE VALUE ORIENTATIONS OF YOUTH AS A SPECIAL SOCIO-DEMOGRAPHIC CATEGORY

Abstract. The study of demography is directly related to the family value orientations of young people. Modern Russian reality raises questions about the present and the future of the country, and, of course, young people with their own vision of the world, value orientations, behavioral attitudes and life priorities are at the center of this problem. The problem of spiritual degradation is closely interconnected with the problem of the demographic security of society. And from this point of view, the study of family values and orientations of young people is a necessary basis for understanding the specifics of the ongoing changes in modern reality and the possibility of predicting indicators of demographic behavior and the development of society in the short term. Reducing the potential for a positive impact on the Russian birth rate of the structural factor requires the activation of reproductive attitudes among small young categories of the population. In this regard, today the study of the attitudes of the young generation to the birth of children and the creation of a family is an actual and popular direction of research. Youth is the most active part of society, behind which the future stands. This fact determines the need for a detailed study of the value orientations of young people. The article presents a sociological study using a quantitative method of collecting information, on the basis of the data obtained, an in-depth analysis was carried out and statistical data were presented. The research problem lies in the lack of information about the factors that have the greatest impact on the interest of young people in building a family. This article, from a methodological standpoint, focuses on the problem of family values and orientations of Russian youth from the standpoint of their determining influence on the demographic development of Russia and ensuring its demographic security. The article also substantiates the importance of the formation of family values and orientations of Russian youth, and they should be studied in the context of the institutional transformation of the family and family relations, which determines the diversity of family types, family values and relations in modern Russia.

Keywords: demography, young family, family values, value orientations, state support, registered marriage.

REFERENCES

1. Antonov A. I. Snizhenie reproductivnykh ustanovok i orientatsii rossiiskogo naseleniya v 1991-2007 gg. [Elektronnyiresurs], Intellektual'naya Sistema Tematicheskogo Issledovaniya Naukometricheskikh dannykh. NII mekhaniki MGU, URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/5327328/> (accessed 1september 2022).
2. Arkhangel'skii V. N. Metodologicheskie voprosy issledovaniya determinatsii demograficheskikh protsessov, Determinatsiya demograficheskikh protsessov, vol. 21: sbornikstatei / pod red. N. V. Zverevoi, V. N. Arkhangel'skogo, Moscow, MAKS Press, 2012, pp. 5–30.
3. Aleksandrova A. M. Semeinye tsennosti sovremennoi rossiiskoi molodezhi. 2020 g. [Elektronny iresurs], Elektronnyi nauchnyi arkhiv UrFU [sait], URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/83372/1/978-5-7996-2997-7_2020_002.pdf (accessed 1september 2022).
4. Vishnevskii Yu. R., Rubina L. Ya. Sotsial'nyi oblik studenchestva 90-kh godov, *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies] 1997, no. 10, pp. 56–69.
5. Demograficheskie pokazateli edinoi mezhvedomstvennoi informatsionno-statisticheskoi sistemy Rossii [Elektronnyiresurs], EMISS. Gosudarstvennaya statistika. Mintsifry Rossii [sait], URL: <http://www.fedstat.ru/indicators/start.do> (accessed 1september 2022).
6. Lopatyuk K. E. Transformatsiya brachno-semeinykh otnoshenii sovremennoi rossiiskoi molodezhi v usloviyakh izmenyayushcheysya real'nosti [Elektronnyiresurs], SGN, 2021, no. 1 (5), URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-brachno-semeinykh-otnosheniy-sovremennoy-rossiyskoy-molodezhi-v-usloviyah-izmenyayushcheysya-realnosti> (accessed 1september 2022).
7. Makarov A. N., Davletova L. M. Ukreplenie instituta sem'i na urovne munitsipal'nykh obrazovani: monografiya, Naberezhnye Chelny, Izd.-poligr.tsentr Naberezhnochelninskogo instituta K(P)FU, 90 p.
8. Polushkina I. V. Reproductivnyi trud i stimulirovanie populyatsionnoi aktivnosti naseleniya: dis. kand. ekonomich. nauk, Ekaterinburg, UrFU, 2010, 163 p.
9. Problemy professional'nogo samoopredeleniya molodezhi: analiz tsennostnykh orientatsii i professional'nykh strategii : informatsionno-analiticheskii otchet po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya (2010-2011 gg.), M-vo obrazovaniya i nauki RF, Ural'skii federal'nyi un-t im. im. pervogo Prezidenta Ros-sii B. N. El'tsina, [redkol.: Vishnevskii Yu. R., DidkovskayaYa. V., Pevnaya M. V.], Ekaterinburg, UrFU, 2011, 168 p.
10. Smirnov S. D. Pedagogikaipsikhologiyavysshhegoobrazovaniya: Otdeyatel'nosti k lichnosti : ucheb. posobiedlya stud. uchrezhdeniyvyssh. obrazovaniya, 6-e izd., ispr., Moscow, Izd. tsentr «Akademiya», 2014, 400 p.
11. Student – 2012 : materialy shestogo etapa sotsiologicheskogo monitoringa, dekabr' 2011 - yanvar' 2012, M-voobrazovaniyainauki RF, M-vofiz. kul'tury, sportaimolodezhnoipolitikiSverdlovskoi obl., Ural'skiifederal'nyi un-t im. pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'tsina, [redkol.: Yu. R. Vishnevskii (otv. red.) i dr.], Ekaterinburg, UrFU, 2012, 332 p.
12. Tret'yakova E. A. Ideal'nyi brachnyi vozrast, Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, Sotsiologiya, 2018,

vol. 11, no. 2, pp. 190-211.

13. Tsennostnye orientatsii rossiiskoi molodezhi i realizatsiya gosudarstvennoi molodezhnoi politiki: rezul'taty issledovaniya: monografiya / pod obshch. red. S. V. Chueva, Moscow, Izd. dom GUU, 2017, 131 p.

Завершинских К. М., Симонова А. В. Изучение ценностных ориентаций молодежи как особой социально-демографической категории // Гуманитарно-педагогические исследования. 2022. Т. 6. № 3. С. 33–48.

Zavershinskikh C. M., Simonova A. V. Studying the Value Orientations of Youth as a Special Socio-demographic Category, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2022, vol. 6, no. 3, pp. 33–48.

Дата поступления статьи – 08.09.2022; 0,91 печ. л.

Сведения об авторах

Клара Михайловна Завершинских – социолог лаборатории социологических исследований ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова», Магнитогорск, Россия; 89507229967@yandex.ru.

Симонова Анна Владимировна – заведующий лабораторией социологических исследований ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова», Магнитогорск, Россия; 19simonova87@mail.ru.

Authors:

Clara M. Zavershinskikh, Sociologist of the Laboratory of Sociological Research of Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia) 89507229967@yandex.ru.

Anna V. Simonova, Head of the Laboratory of Sociological Research of Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia; 19simonova87@mail.ru.

РУССКИЙ СЛЕД В ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ НАГАЙБАКСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Ставятся вопросы, связанные с влиянием русского языка на язык нагайбаков – малочисленного коренного народа Южного Урала. Цель – по данным нагайбакско-русского словаря доказать оригинальность языка нагайбаков и охарактеризовать в нём пласты русских заимствований. Методологическая основа исследования – исторический и антропоцентрический подходы, сопоставительный и описательный методы анализа. Автор исходит из того, что идентичность нагайбаков зиждется на трёх признаках. Первый из них – своеобразный *тюркский язык*; второй – *православие* (нагайбаки считают, что их предки приняли крещение даже раньше восточных славян); третий – *казачество* (статус, которым нагайбаки были отмечены за верную государеву службу в XVIII веке). Несмотря на то, что истории появления нагайбаков на восточных рубежах Российской империи, их роли в охране государственных границ, участию в важнейших военных кампаниях XIX века, в Первой мировой и Великой Отечественной войнах посвящено множество работ, а нагайбакская культура стала объектом изучения не только отечественных, но и зарубежных специалистов, важнейшая составляющая культуры нагайбакской народности – её язык остаётся не просто малоизученным, но и бесписьменным. Существует несколько причин такого положения вещей. Но главная из них связана с длительным периодом непризнания государственной властью нагайбаков как особого, хотя и малочисленного этноса. Новизна и одновременно актуальность исследования состоит в том, что впервые научному описанию подвергается лексико-фразеологический состав бесписьменного нагайбакского языка, которому грозит исчезновение. Его продолжением может стать создание нагайбакской азбуки и грамматики. Общая вера и совместное проживание русских и нагайбаков на Южном Урале способствовали активному влиянию русского языка на нагайбакский язык, особенно в лексико-фразеологической сфере. Результаты публикуемого исследования показали, что фонетическая и лексико-фразеологическая системы нагайбакского языка обладают оригинальностью, а русизмы наиболее ярко представлены в бытовой, религиозной и общественно-политической сферах.

Ключевые слова: нагайбаки, православие, казачество, тюркский язык, русский язык, заимствования.

Введение

Нагайбакский язык, относящийся к тюркской семье алтайской макросемьи, принадлежит одному из малочисленных коренных народов Российской Федерации, компактно проживающих на Южном Урале. Сегодня этому языку, который является ядром самобытной нагайбакской культуры, грозит исчезновение. 15 лет назад, иницируя провозглашение Генеральной Ассамблеей Организации Объединённых Наций 2008-й год Международным годом языков, Генеральный директор ЮНЕСКО К. Мацуура обратился в Послании к Ассамблее ООН со словами: «Языки по существу имеют важнейшее значение для самобытности групп населения и отдельных людей и для их мирного сосуществования. Они являются стратегическим фактором продвижения на пути к устойчивому развитию и установлению гармонического сосуществования между интересами глобального и местного характера. Лишь всестороннее принятие многоязычия даст всем языкам возможность обрести свое место в мире, охваченном процессами глобализации» [14, [http](#)]. Между тем каждый месяц человечество теряет 5-6 языков. «При сохранении такой негативной тенденции к концу XXI в. останется только 10% из ныне существующих языков мира. А ведь каждый язык является неоценимым богатством всего человечества», – пишет известный южноуральский тюрколог Г. К. Валеев [13, с. 23]. Потеря нагайбакского языка, как и утрата любого другого языка малочисленного народа, для многонациональной России была бы невосполнимой утратой. Ведь язык каждого народа отражает неповторимое мироощущение, оригинальное представление о вселенной и о самом человеке.

Нагайбаки – необычный этнос, сформировавшийся к середине XVIII столетия. Он издавна привлекал внимание отечественных учёных. «Нагайбак резко отличается от других инородцев в крае. Он – казак, что означает олицетворение отваги, мужества, смелости и бесшабашной удали; одно это название может достаточно характеризовать его», – таким увидела этот народ Е. А. Бектеева, детально описавшая быт и нравы нагайбаков в своём этнографическом очерке «Нагайбаки. (Крещёные татары Оренбургской губернии)», опубликованном дважды: в 1895 и в 1902 гг. [6, с. 181].

Цементирующими факторами культуры нагайбаков, помимо принадлежности их предков к ка-

зачьему сословию и особой тюркской разновидностью их языка, стало православие, что признаётся практически всеми современными учёными, занимающимися историей становления нагайбакского этноса. Наиболее значительными в этом отношении следует признать труды И. Р. Атнагулова, автора историко-этнографического исследования хозяйства и материальной культуры нагайбаков второй половины XIX – начала XXI века [2] и монографии, посвящённой анализу формирования их идентичности [1], а также исследования С. Ю. Белоруссовой, опубликовавшей цикл статей о нагайбаках и талантливую книгу о динамике их идентичности [10, с. 17-24; 8, с. 43-53; 7].

По распоряжению Правительства Российской Федерации от 9 февраля 2022 г. был утверждён план основных мероприятий по проведению в 2022–2032 гг. в Российской Федерации Международного десятилетия языков коренных народов¹, Это распоряжение имеет отношение и к лингвистам, которые должны обратить внимание на процессы вымирания языков малых коренных народов в нашей стране. Когда речь заходит о нагайбаках, всегда поражаешься обилию информации, касающейся истории этого народа, его культуры, его антропологических черт. О нагайбаках созданы видеofilмы; об их обычаях, традиционных нагайбакских блюдах, различных ремёслах, национальных костюмах и т. д. написаны книги. Судьбой нагайбаков интересуются не только отечественные журналисты, но и зарубежные. Однако и нагайбакам грозит растворение среди более многочисленных соседних народов, а сопровождается этот процесс обычно забвением языка предков. И вовсе не молодые люди являются главными виновниками того, что свою судьбу они начинают связывать не с судьбой своего народа, что писатели и поэты, рождённые нагайбаками, сочиняют свои произведения не на нагайбакском языке. Существуют объективные причины такого положения дел. И главные из них – отсутствие у нагайбаков системы обучения родному языку и отсутствие собственной письменности. Хотя в дореволюционной России действовали нагайбакские школы и предпринимались попытки приспособить к нагайбакскому языку алфавит, созданный для крещёных татар, подобного рода деятельность была прекращена в советское время в связи с многолетней тенденцией официальных кругов причислить нагайбаков к крещёным татарам.

Основная часть

Судьба нагайбаков, формирование их идентичности теснейшим образом связаны с судьбой России и русским народом. В Российской империи по достоинству было оценено ратное служение нагайбаков. За верность царскому правительству во время башкирских восстаний 30-х годов XVIII в. по именному Указу императрицы Анны Иоанновны от 11 февраля 1736 года нагайбаки были определены на казацкую службу и освобождены от уплаты ясака, а их семьям были выделены плодородные земельные наделы. Блестяще проявили себя казаки-нагайбаки в Отечественной войне против наполеоновских войск (см. об этом [11, с.31–33]), в Первой мировой [12, с. 39–45] и в Великой Отечественной войнах.

Императорский двор прекрасно понимал, как важно для государства сохранение среди инородцев такого сословия, как нагайбакские казаки. И одним из духовных, нравственных инструментов поддержания этого сословия, успешно выполнявшего задачу охраны восточных границ государства от кочевников, была религия. По преданию, передаваемому устно от поколения к поколению, предки нагайбаков, среди которых были и ногайцы, и черкесы, и представители финно-угорских племён, и даже славяне, приняли христианскую веру в её несторианском варианте раньше древних русичей. Так что на Урал, по этому преданию, нагайбаки прибыли уже крещёными. На наш взгляд, правдоподобность этой легенды подтверждается религиозной лексикой и фразеологией, занимающих значительное место в системе нагайбакского языка.

Вполне возможно, что после победы Ивана Грозного над Казанским ханством во время насильственной христианизации покорённых татар нагайбаки были крещены вторично. Но ислам оставался для большинства татар, в окружении которых жили нагайбаки, ведущей религией. В 1842 году, чтобы оградить их от насильственной исламизации, 1250 нагайбаков-казаков с их семьями были переведены в Оренбургскую губернию военной линии (Об исторических событиях, связанных с отношением нагайбаков к официальной Православной церкви и к исламу, подробно пишет доктор исторических наук С. Ю. Белорусова в работах «Православная идентичность нагайбаков» [9, с. 49-56] и «Нагайбаки на перекрёстке православных и мусульманских миссий» [8, с. 43-53]). Там они основали свои посёлки, в которых компактно проживают до сих пор и ощущают себя особым этносом. Отсутствие же собственной письменности у нагайбаков, стоящее на пути к организации обучения детей родному

¹Правительство Российской Федерации. Распоряжение от 9 февраля 2022 г. № 204-р [Электронный ресурс] // Сайт «Я 360». URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view/> (дата обращения: 08.09.2022).

языку, – результат трудного пути к официальному признанию нагайбаков самостоятельным этносом. Когда в 1897 году в России проводилась перепись населения, нагайбаки, которых в Верхнеуральском районе насчитывалось 9 219 человек, подали в администрацию сведения о себе как о нагайбакском народе². Но в перечне языков нагайбакский язык не значился, и потому, признав нагайбаков особым этносом, перепись 1897 г., приписала им татарский язык как самый близкий к тому, на котором говорили нагайбаки. Потому, открывая школы для нагайбакских детей, их обучали по учебникам, составленным для крещёных татар-*кряшен*. Уже в советское время, в 1926 г., когда проводилась перепись населения СССР, нагайбаки были признаны самостоятельным этносом, говорящим на особом нагайбакском языке, и вошли в перечень 187 национальностей СССР³. Однако национальная политика в СССР не всегда способствовала сохранению этнической идентичности малочисленных народов, в том числе и нагайбаков. По переписи 1939 г. нагайбаки уже были представлены как татары, а большинство лингвистов с этого времени стали рассматривать нагайбакский язык как средний диалект татарского языка [12, с. 20]. И это имело свои последствия. Нагайбакские школы были закрыты. Дети нагайбаков должны были учиться либо в татарских, либо в русских школах. Лишь Постановлением Правительства РФ от 24 марта 2000 г. нагайбаки были включены в Единый перечень коренных малочисленных народов РФ, где занимают 16-ю позицию. Заслуга в появлении этого судьбоносного для нагайбаков Постановления принадлежит лидерам общественного движения. Однако до сих пор проблема с нагайбакской азбукой до конца не решена. О том, как решалась эта проблема, см. в статье С. Г. Шулежковой «Нагайбаки. Кто они?» [15, с.10–18].

И казачья служба, и общая вера, и многогранные связи с русским населением не могли не отразиться на языке нагайбаков. Учитывая сферы взаимодействия русских и нагайбаков, нетрудно определить основные тематические группы слов и выражений, которые были заимствованы нагайбаками из русского языка. При этом следует учесть, что все заимствованные нагайбаками лексемы переживали процесс адаптации. Будучи агглютинативным, нагайбакский язык одновременно отличается высоким проявлением принципа межслового сингармонизма в структурировании слов, а ударение в нагайбакских словах всегда падает на конечный слог. Это отражается на судьбе заимствованных слов. Обобщённо процессы освоения русских языковых единиц нагайбаками можно представить как акцентологические, фонетические, словообразовательные и грамматические.

Так, на какой бы слог ни падало ударение в русском слове, если оно осваивалось нагайбаками, ударным, как правило, становился финальный слог, а набор гласных, формирующих слоги, обычно подчиняется принципу сингармонизма. Например, лексема *капуст*, имеющая латинские корни, но употреблявшаяся восточными славянами уже в XI в. (она встречается в Святославовом Изборнике 1073 г.), нагайбаками произносится как *кэбестэ, грузди* – как *гөрэздэ, дёготь* – как *дегетс* ударением на последнем слоге. Нередко, перенимая многосложное слово, в котором ударение падает на предпоследний слог, нагайбаки «жертвуют» последним безударным слогом. Так из слова *фанера* (от нем. *Furnier*) получилось *панер*, из слова *квартира* (от нем. *Quartier*) – *патуир*. Как свидетельствует адаптация двух последних слов, нагайбаки избегают произнесения некоторых согласных, где бы они ни находились, и ряда сочетаний согласных в одном слоге.

Выяснилось, что в фонетической системе нагайбакского языка отсутствует звук [ɛ]. Поэтому в заимствованных из русского языка словах (пусть даже иноязычного происхождения) носители нагайбакского языка заменяют звук [ɛ] звуком [ɔ]: слово *виза* (от франц. *visa*) произносят как *биза, ветеран* (от франц. *vétérane*) – как *бетеран, ваза* (от нем. *Vase* или франц. *vase*) – как *база*, имя *Вася* – как *Баси*. Русский звук [ч] нагайбаки обычно заменяют звуком [ц], а потому *врач* произносится как *брац, чушка* – как *щушка, печурка* – как *пишурка, кучер* (от нем. *Kutscher*) – как *кущери* т. д. Освоенный славянами в раннем Средневековье звук [ф] нагайбаки заменяют звуком [п], а потому слово *фамилия* (от нем. *Familie*) звучит как *памили*, имя *Фёдор* – как *Пидыр, шарф* (от нем. *Schärpe*) – как *шарп*. А звук [х], отсутствующий в нагайбакском языке, его носители заменяют звуком [к] (ср. *рус. мох* и нагайб. *мук*). Причудливо звучат заимствованные из русского языка слова, которые содержат отсутствующий у нагайбаков звук [ц]. Трудно узнать в нагайбакском словесце *щиркэу* лексему *церковь*. И всё потому, что исконному нагайбакскому языку чужды и аффриката [ц], и губно-зубной славянский [ɛ]. Если в русском слове [ɛ] находится не в начале слова перед гласным, а стоит после гласного,

²Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : [кн. 1-89] / под редакцией Н. А. Тройницкого. [Санкт-Петербург] : издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1899-1905 // Президентская библиотека. URL: <https://www.prlib.ru/item/436659> (дата обращения: 01.05.2022).

³Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. : краткие сводки / изд. ЦСУ Союза ССР. М., 1927-1929. 10 т. В надзаг : Центр. статист. упр. СССР. Отд. Переписи. Вып. 4 : Народность и родной язык населения СССР. 1928. XXIX // Электронная библиотека ГИИБ. URL: <http://elib.shpl.ru/nodes/16537> (дата обращения: 01.05.2022).

то в нагайбакском языке он заменяется неслоговым губным [γ] (ср. рус. *пудовка* – нагайб. *пудаука*, рус. *Петров день* – нагайб. *Питрау бэйрамэ*).

Русский след можно обнаружить в нагайбакской бытовой лексике. Это наименования видов одежды (ср. рус. *пальто* (от франц. *paletot*) – нагайб. *пэлтэ*), кулинарных изделий (ср. рус. *блин* – нагайб. *бэлен*, рус. *пирог* – нагайб. *пирук*), предметов домашнего обихода (ср. рус. *ларь* – нагайб. *лар*, рус. *мочалка* – нагайб. *муцала*), домашних животных (ср. рус. *коза* – нагайб. *кэзэ*), орудий труда (ср. рус. *соха* – нагайб. *сука*), растений (ср. рус. *мох* – нагайб. *мук*, рус. *мак* – нагайб. *мэк*) и т. д. Старшее поколение современных нагайбаков, относящееся к билингвам, участвуя в общественной жизни, говоря на нагайбакском языке, всё чаще используют русские наименования, связанные с социальной сферой. Русскими словами *учитель*, *пенсия*, *больница*, *магазин*, *контора*, *депутат*, *директор*, *почта* (= *поцта*) вытесняются их нагайбакские аналоги.

В отличие от татар-мусульман, отражающих систему своих религиозных взглядов по преимуществу за счёт заимствований из арабского языка, нагайбаки выработали собственный православный терминологический аппарат, который при взаимодействии с православным населением Урала мог обогащаться русскими параллельными языковыми единицами, оставаясь в целом нагайбакским. Несомненным доказательством христианского вероисповедания нагайбаков является присутствие в их языке наименований трёх ипостасей единого Бога (ср. рус. *Бог Отец* – нагайб. *Қодай Ата*, рус. *Бог Сын* – нагайб. *Қодай Ул*, рус. *Святой Дух* – нагайб. *Изге Тын*), хотя общее именование единого Бога *ИзгеТорысын*, означающего ‘Святая Троица’, – «гибридный» оборот, состоящий из нагайбакского прилагательного и адаптированного русского существительного *Троица*. С огромным почтением нагайбаки относятся к Богородице, отмечая в её именовании святость и непорочность (ср. рус. *Святая дева Мария* – нагайб. *Изгеқыз Мәрее*). Нередко упоминают нагайбаки сподвижников и сподвижниц Иисуса Христа (ср. рус. *Мария Магдалина* – нагайб. *Магдала Мариясе*). Есть у нагайбаков и собственные наименования христианского знамения (ср. рус. *крест* – нагайб. *қаш*), и места богослужения (ср. рус. *моле́льня* – нагайб. *кляуцатыры* наряду с русским заимствованием *щиркәу* ‘церковь’), и формы обращения к Господу (ср. рус. *молитва* – нагайб. *иман*, рус. *молиться* – нагайб. *имануқырга (эйтергә)*, *табынырга*), а сам процесс крещения нагайбаки называют существительным *щукындырыу*. К поздним заимствованиям из русского языка в нагайбакский следует отнести слова типа *Евангелие*, *псалом*, *псалтырь*, *монах*, *христианин* и пр., содержащие неудобопроизносимые для нагайбаков сочетания звуков или звуки, отсутствующие в системе исконного нагайбакского языка.

Заключение

Данная работа свидетельствует об оригинальности нагайбакского языка, обладающего особой звуковой системой и своеобразным лексико-фразеологическим составом. Он отличается от других тюркских языков не только фонемным строем (пять нагайбакских фонем, например, отсутствует в татарском языке, диалектом которого большинство современных тюркологов считают нагайбакский язык). Кроме того, свои христианские религиозные взгляды нагайбаки выражают собственными языковыми средствами, которые представляют собой древнейшие пласты слов и сверхсловных единиц, не имеющие ничего общего с аналогичными религиозными пластами других тюркских языков, в том числе татарского, где исламское вероисповедание передаётся по преимуществу через арабские заимствования.

Анализ результатов взаимодействия языка нагайбаков, одного из малочисленных коренных народов Южного Урала, с государственным языком Российской Федерации свидетельствует о том, что компактное проживание на одной территории в окружении русского народа способствовало возникновению в нагайбакском языке большого числа заимствований-русизмов из бытовой, общественно-административной, политической и прочих сфер. Естественно, этот процесс не был односторонним: немало нагайбакских слов осело и в разговорной речи русскоязычных южноуральцев. Но этот процесс нуждается в особом исследовании. Нет сомнения в том, что сохранению нагайбаками своей идентичности способствовало то, что они жили в окружении людей той же православной веры, что два столетия они, будучи казаками, вместе с русскими и другими иноверцами выполняли важнейшую задачу по охране границ России.

В настоящее время перед лингвистами стоит задача не допустить исчезновения уникального нагайбакского языка. В тесном взаимодействии с нагайбакской общиной и основным собирателем данных о нагайбакском языке и его фольклоре О. И. Барышниковой научные сотрудники Словарной лаборатории Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова с 2015 года прилагают усилия к сохранению нагайбакского языка. За это время изданы нагайбакско-русский словарь [3], толковый словарь пословиц и поговорок нагайбакского народа [4] и сборник

нагайбакских частушек [5]. Сейчас идёт подготовка к изданию краткой грамматики нагайбакского языка и азбуки, которые помогут нагайбакам организовать преподавание нагайбакского языка в школах поселений, где компактно проживает этот малочисленный народ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атнагулов И. Р. Идентичности нагайбаков: генезис, структура, динамика. Магнитогорск: Магнитогорский Дом печати, 2015. 380 с.
2. Атнагулов И. Р. Нагайбаки: Опыт комплексного историко-этнографического исследования хозяйства и материальной культуры второй половины XIX –начала XXI века. Магнитогорск изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та, 2007. 244 с.
3. Барышникова О. И. Русско-нагайбакский словарь; Нагайбакша-урысшасузлек. Магнитогорск: Изд-во МГТУ им. Г.И. Носова, 2015. 175 с.
4. Барышникова О. И., Осипова А. А., Шулежкова С. Г. Этемтиктэнэйтелмей // Пословица недаром молвится: толковый словарь пословиц и поговорок нагайбакского народа / Науч.-исследовательская словарная лаборатория НИИ ист. антропологии и филологии МГТУ им. Г. И. Носова: под ред. С.Г. Шулежковой. Магнитогорск: ЗАО «Магнитогорский Дом печати», 2019. 157 с.
5. Барышникова О. И., Шулежкова С. Г. «О тебе душа страдает...»: нагайбакские частушки с переводом на русский язык; собрала О. И. Барышникова; литературная обработка С. Г. Шулежковой; ред. колл.: С.Г. Шулежкова (гл. ред.), В. Ф. Хайдарова, А. Н. Михин, А. А. Осипова, Н. В. Позднякова / Науч.-исследовательская словарная лаборатория НИИ ист. антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова. Магнитогорск: ЗАО «Магнитогорский Дом печати», 2020. 156.
6. Бектеева Е. А. Нагайбаки. (Крещёные татары Оренбургской губернии) // Живая старина. Периодическое издание Отделения этнографии Русского географического общества; под ред. В. И. Ламанского. Санкт-Петербург: Типография В. И. Мещерского, 1902. Вып. 2. С. 165–181.
7. Белоруссова С. Ю. Нагайбаки: динамика идентичности. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2019. 424 с.
8. Белоруссова С. Ю. Нагайбаки на перекрёстке православия и мусульманских миссий // Религиоведение. 2016. № 3. С. 43–53.
9. Белоруссова С. Ю. Православная идентичность нагайбаков // Религиоведение. № 3. 2017. С. 49–56.
10. Белоруссова С. Ю. Траектория этничности нагайбаков // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 24(379). С. 17–24.
11. Бражников А. А. Боевой путь казаков-нагайбаков в заграничном походе русской армии в 1813–1814 годах // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 7 (73). С. 31–33.
12. Бражников А. А. Казаки-нагайбаки на фронтах Первой мировой войны // Вестник Том. гос ун-та. История. 2010. № 3 (11). С. 39–45.
13. Валеев Г. К. Размышления над «Нагайбакско-русским и русско-нагайбакским словарём» О. И. Барышниковой // Русско-нагайбакский словарь; Нагайбакша-урысшасузлек. Магнитогорск: Издательство МГТУ им. Г.И. Носова, 2015. С. 20–27.
14. Мацура К. Международный год языков: Послание Генерального директора ЮНЕСКО, 2008 [Электронный ресурс] // ООН [сайт]. URL: <https://www.un.org/ru/events/iy1/> (дата обращения: 07.05.2022).
15. Шулежкова С. Г. Нагайбаки. Кто они? // Барышникова О. И. Русско-нагайбакский словарь; Нагайбакша-урысшасузлек. Магнитогорск: Изд-во МГТУ им. Г. И. Носова, 2015. С. 10–20.

S. G. Shulezhkova (Magnitogorsk, Russia)

THE RUSSIAN THING IN LEXICAL AND PHRASEOLOGICAL SYSTEM OF THENAGAIBAK LANGUAGE

Abstract. There are the issues of the Russian language influence on the Nagaibaks, a small indigenous people of the Southern Urals, in the article. A Nagaibak - Russian dictionary data is used to prove the Nagaibak language originality and characterize the layers of Russian borrowings in it. The research methodological basis is historical and anthropocentric approaches, comparative and descriptive methods of the analysis. The author proceeds from the fact that the identity of the Nagaibaks is based on three signs. The first of them is a distinctive Turkic language; the second is Orthodoxy (the Nagaibaks believe that their ancestors were baptized even earlier than the Eastern Slavs); the third is the Cossacks (status the Nagaibaks were awarded for faithful service to the sovereign in the XVIII century). Despite the fact that many works have been devoted to the history of the appearance of Nagaibaks on the eastern borders of the Russian Empire, their role in the protection of state borders, participation in the most important military campaigns of the XIX century, in the First World War and the Great Patriotic War, and the Nagaibak culture has become the object of study not only by domestic but also foreign experts, the most important component of the Nagaibak people culture – its language - remains not only poorly studied, but also unwritten. There are several reasons for this state of things. The major one is connected with a long period of the Nagaibaks non-recognition by the state authorities as a special, albeit small ethnic group. The novelty and at the same time the relevance of the study lies in the fact that for the first time the

lexical and phraseological composition of the unwritten Nagaibak language, which is threatened with extinction, is subjected to scientific description. Its continuation may be the creation of the Nagaibak alphabet and grammar. Russian and Nagaibak shared faith and cohabitation in the Southern Urals contributed to the active influence of the Russian language on the Nagaibak language, especially in the lexical and phraseological aspects. The results of the published research have shown that the phonetic and lexico-phraseological systems of the Nagaibak language have originality, and Russianisms are most vividly represented in everyday, religious and social and-political spheres.

Keywords: Nagaibaki, Orthodoxy, Cossacks, the Turkic language, Russian language, borrowings.

REFERENCES

1. Atnagulov I. R. Identichnosti nagaibakov: genezis, struktura, dinamika, Magnitogorsk, Magnitogorskii Dom pečati, 2015, 380 p.
2. Atnagulov I. R. Nagaibaki: Opyt kompleksnogo istoriko-etnograficheskogo issledovaniya khozyaistva i material'noi kul'tury vtoroi poloviny XIX –nachala XXI veka, Magnitogorsk, izd-vo Magnitogorsk. gos. tekhn. un-ta, 2007, 244 p.
3. Baryshnikova O. I. Russko-nagaibakski islovar'; Nagaibakshcha-urysshchasyzlek, Magnitogorsk, Izd-vo MGTU im. G. I. Nosova, 2015, 175 p.
4. Baryshnikova O. I., Osipova A. A., Shulezhkova S. G. Otemiktænaitelmei, Poslovitsa nedarom molvitsya: tolkovyi slovar' poslovits i pogovorok nagaibakskogo naroda / Nauch-issledovatel'skaya slovarnaya laboratoriya NII ist. antropologii i filologii MGTU im. G. I. Nosova, pod red. S.G. Shulezhkovoï, Magnitogorsk, ZAO «Magnitogorskii Dom pečati», 2019, 157 p.
5. Baryshnikova O. I., Shulezhkova S. G. «O tebe duša stradaet...»: nagaibakskie chastushki s perevodom narusskii yazyk; sobrala O. I. Baryshnikova; literaturnaya obrabotka S. G. Shulezhkovoï; red. koll.: S. G. Shulezhkova (gl. red.), V.F. Khaidarova, A.N. Mikhin, A. A. Osipova, N. V. Pozdnyakova / Nauch-issledovatel'skaya slovarnaya laboratoriya NII ist. antropologii i ifilologii MGTU im. G. I. Nosova, Magnitogorsk, ZAO «Magnitogorskii Dom pečati», 2020, 156 p.
6. Bekteeva E. A. Nagaibaki. (Kreshchenye tatory Orenburgskoi gubernii), Zhivaya starina. Periodicheskoe izdanie Otdeleniya etnografii Russkogo geograficheskogo obshchestva; pod red. V. I. Lamanskogo, Sankt-Peterburg, Tipografiya V. I. Meshcherskago, 1902, vol. 2, pp. 165–181.
7. Belorussova S. Yu. Nagaibaki: dinamika identichnosti, Sankt-Peterburg, MAE RAN, 2019, 424 p.
8. Belorussova S. Yu. Nagaibaki na perekrestke pravoslaviya i musul'manskikh missii, *Religiovedenie* [Study of Religion], 2016, no. 3, pp. 43–53.
9. Belorussova S. Yu. Pravoslavnaya identichnost' nagaibakov, *Religiovedenie* [Study of Religion], no. 3, 2017, pp. 49–56.
10. Belorussova S. Yu. Traektoriya etnichnosti nagaibakov, *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2015, no. 24(379), pp. 17–24.
11. Brazhnikov A. A. Boevoi put' kazakov-nagaibakov v zagranichnom pokhode russkoi armii v 1813–1814 godakh, *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2009, no. 7 (73), pp. 31–33.
12. Brazhnikov A. A. Kazaki-nagaibaki na frontakh Pervoi mirovoi voiny, *Vestnik Tom. gos un-ta. Istoriya* [Tomsk State University Journal of History], 2010, no. 3 (11), pp. 39–45.
13. Valeev G. K. Razmyshleniya nad «Nagaibaksko-russkim i russko-nagaibakskim slovarem» O. I. Baryshnikovoï, Russko-nagaibakski islovar'; Nagaibakshcha-urysshchasyzlek, Magnitogorsk, Izdatel'stvo MGTU im. G. I. Nosova, 2015, pp. 20–27.
14. Matsura K. Mezhdunarodnyi god yazykov: Poslanie General'nogo direktora YuNESKO, 2008 [Elektronnyiresurs], OON [sait], URL: <https://www.un.org/ru/events/iyl/> (accessed 1 May 2022).
15. Shulezhkova S. G. Nagaibaki. Kto oni?, Baryshnikova O. I. Russko-nagaibakskii slovar'; Nagaiba-kshcha-urysshchas yzlek, Magnitogorsk, Izd-vo MGTU im. G.I. Nosova, 2015, pp. 10–20.

Шулежкова С. Г. Русский след в лексико-фразеологической системе нагайбакского языка // Гуманитарно-педагогические исследования. 2022. Т. 6. № 3. С. 49–54.

Shulezhkova S. G., The Russian Thing in Lexical and Phraseological System of the Nagaibak Language, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2022, vol. 6, no. 3, pp. 49–54.

Дата поступления статьи – 10.08.2022; 0,69печ. л.

Сведения об авторе

Шулежкова Светлана Григорьевна, д-р филол. наук, профессор каф. русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации МГТУ им. Г.И. Носова; Магнитогорск, Россия; shulezkova@gmail.com.

Author:

Svetlana G. Shulezhkova, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, General Linguistics and Mass Communication, Institute of Humanitarian Education, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU); shulezkova@gmail.com.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК: 821.161.1

DOI: 10.18503/2658-3186-2022-6-3-55-64

*М. Л. Бедрикова (Магнитогорск, Россия)***ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ТИПА ГОНИТЕЛЯ СВОБОДЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ О ДЕКАБРИСТАХ (Э. РАДЗИНСКИЙ ИЮ. ДАВЫДОВ)**

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме типологии героев в русской литературе о декабристах в контексте современных взглядов на декабризм. Автор ставит задачи: раскрыть вневременной характер конфликта «личность и власть» в русской литературе, связанного с событиями 14 декабря 1825 г.; исследовать особенности литературных типов – дворянского героя-революционера в его конфликте с типом «государственника», гонителя свободомыслия. Автор статьи проводит анализ интерпретаций личности А. Х. Бенкендорфа в пьесе Э. Радзинского «Лунин, или Смерть Жака» (1979) и повести Ю. В. Давыдова «Подколотный Башуцкий, или Синие тюльпаны» (1988–1989). В основе исследования – мысль о развитии этими писателями в ходе обращения к исторической теме биографического принципа, разработанного А. И. Герценом. В повести «Подколотный Башуцкий, или Синие тюльпаны» интерпретатором образа шефа жандармов III Отделения является автобиографический-повествователь, рефлексировавший историк-архивист, альтер эго романиста Ю. В. Давыдова. Он постигает судьбу своего героя, репрессированного в годы сталинщины, сквозь призму трагедии декабризма и параллельно повествует о судьбе самого гонителя – А. Х. Бенкендорфа. Историк-драматург Э. Радзинский тоже представляет личность А. Х. Бенкендорфа, но уже по законам драматургии и в иной позиции – глазами декабриста М. Лунина, заключенного Акатуйского острога. Новизна исследования состоит, во-первых, в выявлении принципов художественного изображения исторической личности 1825–1845 гг. в типологии героев русской литературы; во-вторых, в выявлении амбивалентных черт в типе гонителя, «душителя свободы», жандарма, повелевающего казнить или миловать. Методология статьи сложилась в сочетании биографического, историко-сравнительного и типологического методов анализа.

Ключевые слова: декабризм, биография, русская литература XX в., Ю. В. Давыдов «Подколотный Башуцкий, или Синие тюльпаны», Э. Радзинский «Лунин, или Смерть Жака».

Введение

Тема декабризма – одна из важнейших тем в истории России на протяжении почти двух столетий. Свод художественных, биографических произведений о декабристах велик. В русской литературе XIX в. это стихи и проза: поэзия В. Кюхельбеккера, К. Рылеева, поэмы Н. Некрасова («Дедушка», «Русские женщины») и др. В XX в. – роман Ю. Тынянова «Кюхля» и др.; популярные публикации о судьбах жен декабристов [9: 10].

В историческом контексте сама дата 14 декабря 1825 г. может показаться всего лишь «одной из». В издании «Энциклопедического словаря. Россия» Брокгауза и Ефрона⁴, в статье «Хронология по русской истории», событие 14 декабря 1825 г. предваряется статьей «Наводнение в Петербурге 1824», а далее следуют «Персидская война 1826–1828»; «Наваринская битва 1827»; «Туркманчайский мир с Турцией 1828». Использованный составителями словаря термин «заговор» (не «восстание») декабристов сразу обращает на себя внимание, как и особая плотность исторических событий в последекабрьский период. Л. М. Ляшенко, проанализировав этапы развития и истоки декабристского движения и многочисленные оценки данного события современниками и потомками, заметил: «Историки просто не могут обойтись без работ П. Анненковой, М. и Н. Бестужевых, Н. Басаргина, Г. Батенькова, А. Беляева, А. Бригена, М. и С. Волконских, И. Горбачевского, Д. Завалишина, Н. Лорера, М. Лунина» [6, с. 199]. По мнению исследователя, сразу после 14 декабря 1825 г. изменилось отношение общества к восставшим, был отмечен «переход декабристов из разряда заговорщиков на положение «сырых и убогих» [6, с. 166]. Вяземский весной 1826 г. писал Жуковскому: «Если судить декабристов, то перед тем же судом в роли обвиняемого должно предстать и самодержавие» [Цит. по 6, с. 166]. Как явное сочувствие к декабристам расценивается факт публикаций под псевдонимами произведений Рылеева, А. Бестужева, Кюхельбеккера, Одоевского [6, с. 167].

Оценки дворянством 14 декабря 1825 года колеблются – от верноподданнических (императора Николай I и его брата Константин Павлович, графа Д. Н. Толстого министр иностранных дел России М. Д. Нессельроде [6, с. 163]) до сочувствующих (принца Евгения Вюртембергского, Н. М. Карамзина [6, с. 166]). «Верноподданническая» позиция диктовалась, прежде всего, благими намерениями императора, заботящегося о пользе государства.

Опыт обуздания инакомыслящих из первого сословия был у Екатерины II (Н. Новиков,

⁴Брокгауз Ф. А. Энциклопедический словарь. Репр. изд. СПб.: АО изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1890-1907. Т. 28 (55): Россия и С-Саварна. 1899. 874 с.

А. Радищев). Тема усмирения смутьянов неоднократно звучала в письмах императрицы при перечислении достоинств справедливой благонравной власти: «Век мой напрасно страшился Меня. Я никого не хотела ужасать <...> и приписывала злословие единственно тому, что Меня не разумели <...> В политической системе Я следовала всегда плану, который казался Мне полезнейшим для моего государства и безвреднейшим для других; есть ли бы знала лучшие, то предпочла бы его» (Екатерина Вторая – Циммерману, 29 января 1789 года) [2, с. 365–366].

Среди комментариев авторитетных мнений (ср., например, высказывание Н. М. Карамзин: «Заблуждения и преступления этих молодых людей суть заблуждения и преступления нашего века» [6, с. 166]), предложенных Л. М. Ляшенко, выделим его комментарий позиции Александра Христофоровича Бенкендорфа: «Дворянство <...> не поддержало декабристов, так как личные интересы большинства представителей первого сословия оказались сильнее. Он прав и не прав одновременно. Дворянство в массе своей действительно не оказало ни активной, ни пассивной поддержки попытке декабрьского переворота, однако к самим декабристам проявило явное сочувствие» [6, с. 166]. Отношение историка к мнению шефа жандармов, как видим, двойное. Отметим, что двойственность проявляется закономерно, ибо затронуты вопросы идейно-нравственного характера, которые возникли перед дворянством еще до восстания и непосредственно 14 декабря 1825 г., становясь всё актуальнее в последующие годы: выбор позиции признать или не признать возможность революционного насилия и др. Полагаем, реакция Бенкендорфа как государственного деятеля на революционное выступление была однозначной, но следует принять во внимание, что граф наблюдал за настроениями в близкой ему дворянской среде и ранее – с 1810-х годов. Это важно для анализа характера и данного типа, ибо объясняет его действия в период 1825–1844 гг. (1844 г. – год смерти Бенкендорфа). Он доподлинно понимал мотивы дворянских революционеров, их психологию и столь же хорошо знал и помнил заслуги аристократических родов «перед Богом и Отечеством».

В нашей статье мы анализируем тип «гонителя свободы» в литературе, посвященной декабристам. Характер А. Х. Бенкендорфа для анализа выбран неслучайно. Комментаторы мемуаров графа А. Х. Бенкендорфа (1802–1837), современные историки-архивисты пишут: «Мелочная жандармская опека, стремление решить все дела государства при помощи полиции стали казаться обществу неприемлемыми. Полиция стала сталкиваться с растущими и увеличивающимися год от года оппозиционным и революционным движением <...> Именно в это время с явной подачи А. И. Герцена образ Бенкендорфа стал превращаться в «популяризированную идею» холодного, беспощадного гонителя и притеснителя» [1]. В произведении «Былое и думы» своё глубоко личное переживание этой трагедии А. И. Герцен уподобил «нравственному пробуждению»: «Победу Николая над пятью торжествовали в Москве молебствием. Среди Кремля митрополит Филарет благодарил бога за убийства <...> Никогда виселицы не имели такого торжества <...> Мальчиком четырнадцати лет, потерянным в толпе, я был на этом молебствии, и тут, перед этим алтарём, оскверненным кровавой молитвой, я клялся отомстить казнённых и обрекал себя на борьбу с этим тронем, с этим алтарём, с этими пушками»⁵. Герцен прибегает к биографическому принципу. В романе «Кто виноват?» он пояснит: «Меня ужасно занимают биографии всех встречающихся мне лиц <...> Вот поэтому-то я нисколько не избегаю биографических отступлений: они раскрывают всю роскошь мироздания»⁶.

Бенкендорф наряду с чертами гонителя проявляет черты патриота: «Прошлое России было блестяще, её настоящее более чем великолепно, а что касается её будущего, оно превосходит всё, что может представить себе самое смелое воображение» [1]. Полагаем, у Герцена в отношении его гонителя Бенкендорфа были веские основания для резкого категорического неприятия («с явной подачи»). Есть важное замечание: произведение «Былое и думы» писатель адресовал потомкам, запечатлевая, в том числе, декабристскую и последекабрьскую эпоху. С целью объективности, Герцен вводит и мнение сторонних наблюдателей. В биографическом отступлении, завершающем главу XXVI (о мытарствах по коридорам III Охранного отделения) и посвященном даме былых времен, знакомой отца Герцена, светской львице XVIII века Ольге Александровне Жеребцовой, читаем «Что же это за чудо, – говорю я ему, – поговорить с Бенкендорфом? Я это и сама умею. Да и он-то из ума выжил <...>; а тут какой-нибудь секретаришка у него делает доносы всякие, а он и подаёт. <...> Нет, уж лучше, говорю, не срами себя, что тебе просить Бенкендорфа, он же всё и напакостил». – «У нас, говорит, это не заведено», – и пошёл тут рассказывать <...> Посмотрите, – прибавила она, указывая мне на портрет Орлова, – экой браваый представлен какой, а боится слово сказать»⁷ Её точка зрения акцентирует новизну эпохи дворянской революционности и появление типа гонителей инакомыслия, по-

⁵ Герцен А. Былое и думы: Части 1–5. М.: Художественная литература, 1969. С. 65.

⁶ Герцен А. И. Кто виноват? / ред, послесловие и прим. И. С. Новича. М.: ОГИЗ Гос. изд-во худ. литературы, 1948. / Booksonline.com.ua [сайт]. URL: <https://booksonline.com.ua/view.php?book=110661&page=21> ()

⁷ Герцен А. Былое и думы: Части 1–5. М.: Художественная литература, 1969. С. 387–388.

рождаемых ею.

Не видим ничего предвзятого в описании канцелярской атмосферы жандармского Отделения, с её «благочестивой скукой». Приведем ряд упоминаний о Бенкендорфе – по ходу сюжета главы: «Судьба и граф Бенкендорф спасли меня от участия в подложном отчёте, это случилось так...»⁸; «Дубельт прислал за мной, чтоб мне сказать, что граф Бенкендорф требует меня завтра в восемь часов утра к себе для объявления мне высочайшей воли!»⁹; «Лицо его было измято, устало, он имел обманчиво добрый взгляд, который часто принадлежит людям уклончивым и апатическим. Может, Бенкендорф и не сделал всего зла, которое мог сделать, будучи начальником этой страшной полиции, стоящей вне закона и над законом, имевшей право вмешаться во всё <...>, но и добра он не сделал: на это у него недоставало энергии, воли, сердца!»¹⁰. Полагаем, что характеристику Бенкендорфа у Герцена затмевает похожий тип гонителя – Дубельт. Суть одна – генерал Дубельт так же решает судьбы людей (казнить или миловать), но на писателя Дубельт произвёл впечатление более «человеческое»: «Дубельт – лицо оригинальное, он, наверное, умнее всего Третьего и всех трёх отделений собственной канцелярии»¹¹. И Дубельт, и Бенкендорф для Герцена не есть загадка двойственной натуры. Иронических средств больше было потрачено на Дубельта («тонкая смышленность хищных зверей, вместе уклончивость и заносчивость»; «голубой мундир накрыл» живое в нём)¹². Таким образом, шеф жандармов Бенкендорф в изображении Герцена – это граф Александр Христович Бенкендорф, государственный деятель, писатель приравнивает к преступлению «его робость сказать слово в защиту гонимых» самому Николаю («холодному, беспощадному человеку») ¹³. Преднамеренного снижения образа Бенкендорфа (ср.: «с явной подачи А. И. Герцена образ Бенкендорфа стал превращаться в «популяризованную идею» [1]) не наблюдается.

1. Типология героев в драматургической притче Э. Радзинского «Лунин, или Смерть Жака» (1979)

В отличие от других писателей декабристской темы, Э. Радзинский – драматург, автор сценической притчи «Лунин, или Смерть Жака» (1979) – не ставил целью достоверно воспроизвести историю жизни героя-декабриста Михаила Сергеевича Лунина. Извлечь уроки истории декабристского движения, воссоздать портрет русского общества декабристской поры – вот что первоначально для Э. Радзинского.

Чтобы понять смысл исторического события, необходимо обратиться также к вопросу типологии героев, его участников. Жанр пьесы-притчи, в силу её иносказательности, потребовал не только театральной условности, но и широкой эрудиции от зрителей (и читателей «лучших мифологических или исторических романов»). Драматург обращается к исторической памяти: «...память о минувшем нужна людям не сама по себе, а для того, чтобы лучше разобраться в настоящем и предвидеть будущее»¹⁴. Зритель и читатель опирается на стереотипы, сформированные школьными уроками истории и литературы: событие 14 декабря 1825 г. повлекло раскол общества, его разделение на жертв и их палачей, дворянских революционеров и гонителей свободы.

Тип гонителя, душителя свободы, представленный фигурой шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа, повелевающего «казнить или миловать», историки анализируют для уточнения фактологии декабристского движения. В своем «Эскизе к коллективному портрету доносчиков, провокаторов и судей декабристов» [6, с. 138–139] Л. М. Ляшенко поведал истории трех фигур – светлейшего кн. А. И. Чернышёва, председателя Санкт-Петербургской палаты А. Н. Ронова, прапорщика лейб-гвардии И. В. Шервуда [6, с. 141]. С доносчиком Шервудомлично общался сам Александр I. Постепенно в системе провокаторствасформировалась вертикаль гонителей инакомыслия. Николай I назначил кн. Чернышёва «членом Следственной комиссии»: «Его рвение и наглость были оценены Николаем I в полной мере» [6, с. 138–139].

В типологии героев исторической литературы характер Лунина отнесён к типу героя – дворянского революционера. Следуя за Герценом, Л. Ляшенко в биографическом отступлении поместил анкетный портрет: «М. С. Лунин (1787–1845) – подполковник лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. Участник войн 1805–1807 гг., Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов. Награждён многими орденами... Член «Союза благоденствия» <...> Арестован в апреле 1826 г., приговорён к

⁸ Герцен А. Былое и думы. С. 369.

⁹ Там же. С. 373.

¹⁰ Там же. С. 378.

¹¹ Там же. С. 373.

¹² Там же. С. 374.

¹³ Там же. С. 378.

¹⁴ Лунин М. С. Сочинения. Письма. Документы. Иркутск: Восточно-Сибирское изд-во, 1988. С. 9.

каторжным работам на двадцать лет. С 1835 г. – на поселении. В марте 1841 г. вновь арестован и отправлен в Акатуйский тюремный замок» [6, с. 171]. Недюжинная личность Лунина вызывала интерес, удивление и восхищение, давая пример готовности к подвигу и дворянской чести: «все двадцать лет герой был кумиром, примером для подражания дворянской молодёжи [6, с. 172]. На поселении в Сибири (Урик) им написаны «Письма из Сибири», «Разбор Донесения Тайной Следственной комиссии», «Взгляд на русское тайное общества с 1816 по 1826 годы» [6]. «Умер при невыясненных обстоятельствах 3 декабря 1845 г.» [6, с. 171]). В Луине автором подчёркивается аналитический склад ума, ирония и остроты – в его противостоянии Бенкендорфу и иже с ним. Анекдоты основаны на реальных эпизодах «пикировки» с властью: известен также случай отказа(!) Лунина ознакомиться с высочайшим приказом, подписанным главой III Отделения [6]). В застенке осуждённый не отказался от идеалов юности и Бенкендорфа не страшился.

Э. Радзинский, погрузившись в историю декабристов, прежде всего стремился художественно постичь роль исторических лиц, осмыслить философские проблемы: личность и государство; поиск истины и справедливости человеком в его эпоху; человек в его противостоянии абсолютной власти. Форма притчи позволила ввести условность в действие пьесы на историческом материале – с целью: 1) обнажить вневременной характер конфликта «личность и власть»; 2) высветить особенности типа дворянского героя-революционера в конфликте с типом «государственника» в крайней степени – с гонителем свободомыслия. Опыт Герцена в самопознании и познании смысла истории заключается в следующем признании классика: «...много надобно времени для того, чтобы **иная** была отстоялась в прозрачную думу – неутешительную, грустную, но примиряющую пониманием. Без этого может быть искренность, но не может быть **истины!**»¹⁵.

В пьесе-притче истину познаёт автор Э. Радзинский, а его главный герой переживает момент истины. Лунин осмысливает свое время в потоке «исторической стихии» [заметим: похожее восприятие Истории как стихии отмечается в XX веке, например, у Б. Пастернака в романе «Доктор Живаго» – М. Б.]. У Герцена акцент сделан на быстротечности бытия и экзистенциальном одиночестве мыслящего человека: «*Действительно, человеку бывает подчас пусто, сиротливо между **безличными всеобщностями, историческими стихиями и образами будущего, проходящими по их поверхности, как облачные тени!***»¹⁶.

Сравнение «как облачные тени» в данной цитате напрямую связано с поэтикой условности Э. Радзинского. В Акатуйском остроге опасный государственный преступник Михаил Сергеевич Лунин, лишенный всех гражданских прав дворянин, уже старик, ведёт записи, утратив ощущение времени. Время не имеет смысла, в одиночной камере оно не течёт, но повседневная жизнь продолжается. В насыщенной внутренней жизни Лунина, в его памяти, люди и события являются ему в абстракциях-тених («как облачные тени» у Герцена) – в виде «масок», «мундиров», соответствующих их социальной роли. Заключение почти забыл лица близких, лицо любимой женщины блекнет, но «мундиры» остаются рельефными, способными менять содержание, но сохранять функцию-роль. У «мундиров» есть голоса («*Маска, кто я?*»)¹⁷.

Таких «мундиров» (типов) в пьесе несколько, среди них: «Первый мундир», «Второй мундир», «Мундир Государя». В образе тени является «Она». Реальные лица в пьесе – это молодой поручик Григорьев, первый мужик, второй мужик, Писарь, Марфа, живущие в Акатуе.

И. А. Канунникова в своей работе так интерпретировала слова Лунина: «*“Теперь, когда всё подошло к концу, я понимаю <...> жизнь уничтожает кажущееся многообразие. И вот уже нет толпы. Жизнь-то свелась к ним, к четырём: Каин...Авель...Кесарь... и Мария – на одной лавочке умещается вся жизнь”* <...>И ситуация, и образы тяготеют к своим исходным типам или даже архетипам» [4, с. 423]. По мнению исследовательницы, Лунин может быть отнесён к типу «извечно одинокого, ищущего, страдающего, мучительно размышляющего интеллигента», этот тип находится «в постоянном противоборстве» с «развращённой собственной безграничностью и вседозволенностью властью» [4, с. 423], которую в пьесе-притче Э. Радзинского олицетворяет Следственная комиссия в образе Первого мундира. Мы возразили бы И. А. Канунниковой: в типе героя-декабриста одиночество интеллигентного героя в толпе не показано; как правило, декабристы были объединены общей целью и братством по духу – о весёлости и общительности гусара Лунина свидетельствует историк Л. Ляшенко [6, с. 171–176]. Жизнелюбивый сильный характер Лунина раскрывается и в сюжете Э. Радзинского – в его своеобразном общении с «теньями» десятков его друзей, приятелей, единомышленников и просто знакомцев.

Под маской Первого мундира скрываются «верноподданные» доносители, государственные

¹⁵ Герцен А. Былое и думы. С. 25.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Радзинский Э. Лунин, или Смерть Жака // Радзинский Э. Загадки истории. М.: Астрель: АСТ Москва, 2008. С. 246.

деятели. Примеры находим в репликах Лунина: «*мой старый знакомец и нынешний министр Киселёв... Ты отречёшься от меня тотчас, когда...*»; «*другой мой старый друг и другой нынешний министр Уваров!.. И ты тоже (Смешок.) Прежде чем петух пропоёт трижды*»; «*Еще знакомец... Граф Чернышёв. Ты будешь допрашивать меня в крепости*»; «*Орлов Алёшка!.. Тебя станет просить обо мне моя сестра ... Но ты... (Смешок.) Орлов Алёшка, шеф жандармов и главноуправляющий Третьим отделением*»¹⁸.

В своем «Эскизе к коллективному портрету доносчиков, провокаторов и судей декабристов» Л. Ляшенко даёт характеристики многим из тех, кого Э. Радзинский представил в образе Первого мундира. Для типа гонителя свободы, независимо от сословия, характерны конкретные черты: профессионал, но при этом «не брезгает никакими средствами для подъема по служебной лестнице» [6, с. 144–145]; абсолютно лишённые совести, наделенные «рвением и наглостью», гонители свободы способны «роль» профессионала сменить «на роль сановного палача» [6, с. 146]. Всесильный государственный чиновник Бенкендорф незримо присутствует в ипостасях Первого мундира, несомненно, этот персонаж – гонитель свободы по идейным соображениям, глубокому убеждению в своей необходимости Государю.

Мундир Государя беседует с Луниным откровенно – события 14 декабря 1825 года оказались истинным потрясением: «*Мундир Государя. Была! Была тайна <...> Как только привели первых арестованных во дворец...когда посыпались первые фамилии, я пришёл в ужас! Волконские... Одоевские, Трубецкие ... потомки Рюрика и Гедемина <...> Цвет общества – в заговоре! <...> Я решил замять дело. В этом тайна, Жак! <...> Я назначил в комиссию ветхих старцев да в придачу к ним наших сорокалетних либералов!.. Известных либералов Александра царствования – твоего знакомого графа Чернышёва, мечтавшего о представительной власти для России, Бенкендорфа...слышавшего чуть не вольнолюбом <...> И в старичках я не ошибся, а вот с сорокалетними либералами... тут конфуз вышел*»¹⁹. В диалоге Мундира Государя с Первым мундиром раскрывается истинная суть человеческого типа недавних «либералов»: в революционной политической ситуации «гонители» нашли для себя «нишу», скорейший путь к славе, блестящей карьере. Мундир Государя поражен скоростью «смены» исторических декораций: «*...и уже казалось, что расправились не с горсткой офицеров-соотечественников, а целая неприятельская армия повержена. Молебны заказывали о спасении отечества! Общество прозревало. Просто на глазах*»²⁰. В последних словах сквозит бесконечная ирония драматурга: общество то пришло «в ужас», то «молчало», то «прозрело» – за короткий срок. Еще более, нежели чем Мундир Государя, Лунин поражен скорыми переменами в своих друзьях – от дружбы к предательству.

На двадцати страницах текста пьесы количество реплик Первого мундира достигает пятидесяти восьми – это в десятки раз больше других персонажей, поэтому, диалоги Лунина с гонителями свободы справедливо считать идейным центром сценической притчи Радзинского. Данные диалоги в драматургическом произведении призваны отразить проявления глубокого кризиса, противоречий в российском обществе. На рубеже XVIII–XIX вв. (точнее уже к середине 1800-х годов) в первом сословии созрели условия для создания тайных кружков, ставивших политические цели – преодоление политического гнета в России, свержение неправой власти. Сотни участников тайных обществ – это дворянская молодежь (рожденная в последнее десятилетие XVIII столетия). Тип будущего декабриста формировался внутри первого сословия на протяжении первой четверти XIX столетия. «Диалог с властью на языке мятежей и восстаний отнюдь не смягчает эту власть <...> Он ведёт к радикализации общественного движения, к росту социально-политических антагонизмов, то есть к увеличению степени непредсказуемости будущих столкновений власти и общества» [6, с. 167].

Одновременно с рождением типа дворянского революционера (нового «особого типа русского человека» (Л. Ляшенко) рождался тип гонителя свободы в его «ликах» [6, с. 33]. В произведении Э. Радзинского «Лунин, или Смерть Жака» «лики» голубых мундиров, включая главного – графа А. Х. Бенкендорфа, скрыты, согласно театральному приему условности, под маской – в образе Первого мундира. Для драматурга, как и для его героя М. Лунина, в диалогах с гонителями свободомыслия важно было акцентировать крах либеральной идеи в условиях российской действительности. Горечью наполнены иронические реплики М. Лунина, который раздаёт бывшим друзьям их новые имена, рождающие библейские ассоциации: Киселёв <...> *Ты отречёшься от меня тотчас, когда ...*; «*...министр Уваров!.. И ты тоже (Смешок.) Прежде чем петух пропоёт трижды*»; Граф Чернышёв. *Ты будешь допрашивать меня в крепости*; «*Орлов Алёшка, шеф жандармов и главноуправ-*

¹⁸ Радзинский Э. Лунин, или Смерть Жака. С. 248.

¹⁹ Там же. С. 268.

²⁰ Там же. С. 269.

ляющий *Третьим отделением*»²¹. В притче Радзинского передан пафос, наполняющий известное стихотворение М. Ю. Лермонтова «Прощай, немытая Россия», в котором образ Родины не совпадает с образом государства – Российской Империей («*страна рабов, страна господ*»). Народ не идеализируется – он предан «голубым мундирам». В произведении Э. Радзинского власть умывает руки, совершая убийство государственного преступника-декабриста М. Лунина руками наёмных простолодинов. Как и в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта», вертикаль типологии гонителей свободы венчает образ палача свободы – Николая I. В основании воображаемой вертикали есть тип доносчика, провокатора, судей декабристов, а по мере расширения полномочий власти, тип гонителя свободы дорастает до высших уровней – второго лица в российской Империи (графа А. Х. Бенкендорфа – шефа III Охранного отделения) и вершины вертикали – самого Государя Николая I. В типологии литературных героев оппозиция «герой-дворянский революционер – его гонитель, душитель свободы» совмещается с оппозицией «палач – жертва».

Типология героев в литературе о декабристах отражает трагизм исторической ситуации декабристского и последекабрьского периодов, выразившийся в глубоком расколе русского общества.

2. Ю. Давыдов «Подколотный Башуцкий, или Синие тюльпаны» (1988–1989)

В социокультурной ситуации перестройки 1985–1991 гг. поздняя историческая проза Юрия Владимировича Давыдова (романы, повести, рассказы – «Вечера в Колмове» (1986); «Подколотный Башуцкий» (1988); «Мальчики» (1991); «Дорога на Голодай» (1992); «Зоровавель, или Рождённый в Вавилоне» (1992); «Бестселлер» (1998–2000); «Такой предел вам положен» (2001)) создаёт широчайший исторический контекст, предельно укрупняющий масштаб исторического пространства-времени. В произведение декабристской темы вводится индивидуализированный автобиографический образ, герой-повествователь, а также сквозные героини (типы). Романы и повести писателя проанализированы в диссертационном исследовании 2009 г. А. В. Сидорова [8], в том числе цикл Ю. Давыдова о декабристах. Интерес к декабристскому циклу проявляют и филологи 2010-х годов [7].

Перечислим основные типы в типологии героев исторической прозы Ю. Давыдова, выявленные А. В. Сидоровым. По замыслу писателя, как справедливо отмечает исследователь, типы перешли в позднюю прозу о декабристах из хронологически предшествующей прозы, то есть ранних произведений Ю. Давыдова, посвященных народовольцам. Это, во-первых, образ русского офицера; во-вторых, образ дворянского революционера; в-третьих, образ государственного деятеля; в-четвёртых, образы из народа (простонародье); в-пятых, палач и жертва; в-шестых, персонажи-провокаторы [8, с. 35–37]. Последний тип «выступает как символ своего времени, поскольку провокация становится привычным явлением русской действительности последней трети XIX века» [8, с. 39]. Уточним временные границы, ведь привычным явлением провокаторство становится ещё в 1820-е гг., точнее 1825–1845 гг. Именно эта ситуация последекабрьского десятилетия глубоко осмыслена Герценом.

Отличительной чертой стиля прозы Ю. Давыдова рубежа XX–XXI вв. является интертекстуальность, создающая иронический подтекст, поэтому первую очередь читатель воспринимает точку зрения автора, поскольку нашему национальному мышлению присущ литературоцентризм [5].

Вольное цитирование Ю. Давыдовым известного патриотического высказывания Бенкендорфа (Главного Синего Тюльпана) в контексте русской литературы (Пушкин, Гоголь, Герцен) наполняет повесть «Подколотный Башуцкий» скрытыми смыслами: «*Все наши сюжеты, – думал Милий Алексеевич [Башуцкий – герой повести Ю. В. Давыдова – М. Б.], – определены Пушкиным. Гоголь видел в Пушкине явление русского человека, каким он будет лет двести спустя. Увы, Герцен вопрошал горестно: не начать ли новую жизнь с сохранения корпуса жандармов? Как в воду глядел. Потому и утверждал Главный Синий Тюльпан: будущее России находится за пределами самого пылкого воображения. Угадал – за пределами*»²².

В этом фрагменте речь идет не только о николаевской эпохе, но о трагической русской истории в целом. Сигналом выступают слова «*за пределами*» – так читатель включается в давнюю полемику о будущем России, ее высоком предназначении. Особой остроты полемика, как известно, достигла в 1830–1840-е гг. В ходе нее выявился широкий диапазон точек зрения об историческом пути Отечества – от официального патриотизма (граф А. Х. Бенкендорф) до категорически мрачных заявлений (П. Я. Чаадаев). Позицию Бенкендорфа его современники восприняли иронически («квасной патриотизм» (П. Я. Вяземский), «разнузданный патриотизм» (П. Я. Чаадаев)). Известна цитата из письма Чаадаева «Философический ответ» Е. Пановой: «*Мы живём одним настоящим в самых тесных его*

²¹ Радзинский Э. Лунина, или Смерть Жака. С. 248.

²² Давыдов Ю. В. Подколотный Башуцкий : Повести, рассказы / Собрание сочинений в 5 тт. Т. 1. СПб. : ЗАО Изд-во Пропаганда, 2004. С. 32.

пределах...»²³. Э. Радзинский комментирует точку зрения Чаадаева: «Наше прошлое, наша история – это ноль. Наше нынешнее состояние – это мертвящий застой»²⁴. Писатель заметил, что критика николаевской России Чаадаевым была немислимо дерзкой: «На языке декабриста Лунина это называлось «дразнить медведя»²⁵. Он привёл малоизвестную точку зрения в указанной полемике: «балаганским патриотизмом» назвал слова Бенкендорфа «не какой-нибудь злопыхатель-масон, а самый что ни на есть «нечаадаевский» русский человек, император Александр Третий <...> в эту наэлектризованную атмосферу безумия и спеси Чаадаев решил швырнуть своё письмо – свою горечь и злость»²⁶. И Лунин, и Чаадаев могли воздействовать остротами (mots) на общество. Э. Радзинский приводит mots «московского Сократа» по поводу символа Москвы – Царь-колокола: «...для Чаадаева большой колокол без языка был "гигроглиф", выражающий большую страну»²⁷.

Есть важные детали: в общественно-политической ситуации того времени, порождающей тип гонителя свободы Бенкендорфа, Э. Радзинский подчеркнул царящие «безумие и спесь». Полагаем, ревностное служение Империи, доведенное до абсурда (безумие), и самодовольство / демонстрируемая спесь – это черты, присущие и Бенкендорфу, и персонажам, тяготеющим к одному типу гонителя в истории декабристской и последекабрьской России.

Мы предварили интерпретацию личности Бенкендорфа у Ю. Давыдова сравнением с оценками Э. Радзинского, чтобы подчеркнуть особенности точек зрения каждого из авторов. В постмодернистской манере повествования Ю. Давыдова есть преимущества перед взглядом реалиста: герой показан не схемой, а живым человеком и многомерно – и в земной ипостаси, и в гипотетически моделированной виртуальной реальности, в инобытии. Истоки типа Бенкендорфа, по мнению А. В. Сидорова, следует искать в образе государственного деятеля Тотлебена («Скаковое поле») и Синельникова («Соломенная сторожка»), то есть в прозе о народолюбцах [8, с. 77].

В главе 14 повести «Подколотный Башуцкий»²⁸ Бенкендорф изображен еще молодым дворянином, пока еще он не государственный деятель и не вторая по значимости фигура в Империи. Так, «в грозе двенадцатого года <...> высветили черты примечательные»²⁹. Приводятся документальные свидетельства героического поведения Бенкендорфа, взятые из записок мемуариста, декабриста, сосланного в Сибирь: «... отряд гвардейских казаков дрался замечательно, его успехи единственно приписать должно прозорливости и смелому действию Бенкендорфа»³⁰. Ю. В. Давыдов воспроизводит слова потрясенного молодого воителя от увиденного «бедственного рабства» белорусских крестьян, а также размышления Бенкендорфа о закономерной реакции «бунтов белорусских мужиков на тиранство шляхты»; «Он и русских понимал: мстят дуроломнымдушевладельцам – не умеют стричь овец, сдирают шкуру вместе с шерстью»³¹. Размышления о тяжелой доле крестьянства в военных воспоминаниях А. Х. Бенкендорфа привели писателя к неожиданному открытию: «... да вот, кажется, ни один из тех, кто обретался страшно далеко от народа, не высказался столь кратко и сильно, как Бенкендорф: я уважаю крестьян»³². Отказ Александра Христофоровича выполнять приказ «расстреливать изменников, то есть мужиков, возмущившихся противу господ <...> (клеветующие на русских крестьян – сами изменники; расстреливать русских крестьян не могу»³³ вызвал у главного героя Башуцкого реакцию растерянности.

Очевидная амбивалентность образа исторической личности Александра Христофоровича Бенкендорфа порождает интерес к нему и объясняет разночтения данного характера (типа). Соответственно тип гонителя свободы дополняется конкретными смыслами, не укладывающимися в негативную схему. Еще более рельефно звучит эта мысль в повести, поэтому недостаточно сказать, что истоки типа Бенкендорфа непосредственно взяты от Тотлебена и Синельникова. Вот слова альтер эго автора – Милия Алексеевича Башуцкого, интеллигента, историка: «Слова и поступки Бенкендорфа отнёс бы он к истокам декабризма, не окажись Бенкендорф на другой стороне. <...> Но – вот: расстреливать крестьян, усердных и верных защитников отечества, не могу. <...> Строгая справедливость и еще раз справедливость. Не на мундир взирай, как библейский Самуил, не на лицо, а на

²³ Радзинский Э. На Руси от ума одно горе // Радзинский Э. Загадки истории. М.: Астрель: АСТ Москва, 2008. С. 303.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 309.

²⁶ Там же. С. 308.

²⁷ Там же. С. 316.

²⁸ Давыдов Ю. В. Подколотный Башуцкий, или Синие тюльпаны // Собр. соч.: в 5 т. Т. 1: Подколотный Башуцкий. Повести, рассказы. СПб.: ЗАО «Издательство «Пропаганда», 2004. С. 7–166.

²⁹ Давыдов Ю. В. Подколотный Башуцкий, или Синие тюльпаны. С. 64.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 65.

³³ Там же.

сердце, как библейский Господь»³⁴.

Глава 20 «Подколенного Башуцкого» в постмодернистском характере повествования начинается с провозглашения замысла историка Милия Алексеевича Башуцкого. Библейский пафос сквозит в каждом слове: «*Поутру Милий Алексеевич проникся решимостью в семь дней сотворить микромир синих тюльпанов»³⁵. Целую страницу в этой главе занимает обширная цитата из трактата П. И. Пестеля «Записка о государственном устройстве»³⁶.*

В то время как Пестель сидел в каземате Алексеевского рavelина, его записки читал Бенкендорф «в обер-комендантском доме». Факты опрокидывают все официальные представления, отразившиеся в имеющейся типологии: «*Пестель был жертвой, Бенкендорф палачом, но поразительная близость государственных замыслов. Не обойдётся, не образуется»³⁷. Бенкендорф многое почерпнул у Пестеля: «из статьи двенадцатой о государственном благочинии, хранимом тайной полицией. **Обязанности:** узнавать, как действуют все части управления <...> – не образуются ли вредные общества...не готовятся ли бунты, и распространяются ли соблазны и учения, противные законам и вере <...> **Структура:** палата исполнительных дел; палата распорядительных дел <...> наконец, палата внутренней стражи, состоящей из пятидесяти тысяч жандармов. **Способ действия:** тайные розыски, или шпионство...»³⁸. По странному совпадению, Бенкендорф подал записку Николаю I об учреждении «синих тюльпанов» весной 1826 года, через два месяца после знакомства с «Запиской» Пестеля (февраль). Милий Алексеевич Башуцкий не щадит исторических личностей – героев Отечественной войны 1812 г.: «*Генерал обокрал полковника? Ремни из чужой спины вырезал? Нисколько! Сошлись во взглядах. А государь прочитал, государь согласился»³⁹.**

В микромире синих тюльпанов, кроме графа А. Х. Бенкендорфа, были и свои интеллектуалы. Известный мемуарист Вигель назвал одного из соратников Бенкендорфа – фон Фока «совсем не злым»: «*Злой мемуарист Вигель подтверждал: “фон Фок совсем не был зол и ничьей гибели не искал”»⁴⁰, А. С. Пушкин называл его «добрым, честным и твёрдым». Обескураживающе на фоне профессиональной службы жандарма выглядит увлечение фон Фока изящной словесностью: «Почётный член Вольного общества любителей российской словесности»⁴¹.*

Принцип, проповедуемый гонителями свободы – цель оправдывает средства. В повести «Подколенный Башуцкий» среди друзей декабристов постоянно возникает образ Пушкина. Бенкендорф размышляет о судьбе поэта-гения, понимая его правоту: «*Смею полагать, Пушкин прав. <...> Пушкин нынче читает друзьям поэмку про Годунова, есть аллюзии»⁴². Ироничная манера Ю. Давыдова сказывается в повествовании историка Башуцкого. Когда воображение очеркиста создаёт внутренний монолог Бенкендорфа о Пушкине, то главный герой Милий Алексеевич Башуцкий резко одёргивает персонажа («*Мерзавец смеет брать в союзники Пушкина!*»; «*О, смысл слов, оттенки и переливы! Шпионы, доносчики – одна погудка. Разведчики, патриоты-осведомители – вроде как бы иная. <...> Семантика, граждане, зыбкая семантика»⁴³. Мы согласны с мнением М. Н. Жанузакова о значении повести Ю. В. Давыдова «Подколенный Башуцкий»: «Впервые в художественно-исторической литературе Бенкендорфу предоставляется возможность оправдаться перед потомками» [3, с. 29].**

Заключение

Обратившись к проблеме типологии героев русской литературе о декабристах в контексте нового взгляда на историю декабристского движения, мы выполнили аналитический обзор научных исторических работ 2010-х гг. по теме декабризма. В результате анализа интерпретаций личности А. Х. Бенкендорфа в пьесе Э. Радзинского «Лунин, или Смерть Жака» и повести Ю. Давыдова «Подколенный Башуцкий, или Синие тюльпаны» выявлен принцип художественного изображения типа исторической личности 1825–1845 гг. с использованием формы беллетризованной биографии.

Биографическое отступление, разработанное А. И. Герценом в произведении «Былое и думы», с изображением А. Х. Бенкендорфа и характеристикой этой исторической личности, а также личностей дворянских революционеров, оказало сильнейшее влияние на формирование типологии героев в отечественной литературе 1825–1845 гг. и последующих ее периодов.

³⁴ Давыдов Ю.В. Подколенный Башуцкий, или Синие тюльпаны. С.65.

³⁵ Там же. С. 89.

³⁶ Там же. С. С. 93–94.

³⁷ Там же. С. 93.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 94.

⁴⁰ Там же. С. 95.

⁴¹ Там же. С. 96.

⁴² Там же. С. 104.

⁴³ Там же. С. 105.

Анализ черт типа гонителя (душителя свободы, жандарма, повелевающего «казнить или милловать») в произведениях современной исторической прозы выявил амбивалентность образа А. Х. Бенкендорфа. Э. Радзинский в соответствии с законами драматического рода представляет Бенкендорфа глазами декабриста М. Лунина, заключенного в Акатуйский тюремный замок. Противостояние Лунина и Первого мундира становится идейным центром пьесы-притчи. Типология в произведении на конкретно-историческую тему редуцируется и трансформируется в библейские типы Каина, Авеля, Кесаря и Мария.

Интерпретатором образа шефа жандармов III Отделения в повести «Подколотный Башуцкий, или Синие тюльпаны» выступает автобиографический-повествователь, историк-архивист, альтер эго писателя Ю. Давыдова, который постигает судьбу Башуцкого, репрессированного в годы сталинщины, сквозь призму трагедии декабризма. Тип гонителя свободы трактуется Ю. Давыдовым так: «Строгая справедливость и еще раз справедливость. Не на мундир взирай, как библейский Самуил, не на лицо, а на сердце, как библейский Господь»⁴⁴. Автор размышляет о взаимовлиянии типов в оппозициях «герой-революционер – гонитель свободы», «палач – жертва».

Вопрос о типе гонителя в литературе о декабристах требует специального рассмотрения историков и литературоведов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837 / Публикация М. В. Сидоровой и А. А. Литвина, пер. с фр. О. В. Маринина. М.: Российский фонд культуры; Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 2012. 760 с.
2. Екатерина Великая и Фридрих Великий. Переписка 1744–1781. Откровенно и конфиденциально / автор-сост. Т. Абрамзон. М.: Бослен, 2022. 400 с.
3. Жуназаков М. Н. Стилиевые новации в современной исторической прозе // Филологические науки. 1997. №3. С. 26–34.
4. Канунникова И. А. Драматургия 1970–1990-х годов // Русская литература XX века: Учеб. Пособие для студ. Высш. пед. учеб. Заведений: В 2 т. Т. 2: 1940–1990-е годы / Л. П. Кременцов, Л. Ф. Алесеева, Н. М. Малыгина и др.; под ред. Л. И. Кременцова. М.: Изд. центр «Академия», 2002. С. 409–451.
5. Кондаков И. В. По ту сторону слова. Кризис литературоцентризма в России XX–XXI вв. // Вопросы литературы. 2008. Сентябрь-октябрь <https://voplit.ru/article/po-tu-storonu-slova-krizis-literaturotsentrizma-v-rossii-xx-xxi-vekov/> (дата обращения: 27.08.2022).
6. Ляшенко Л. М. Декабристы: Новый Взгляд. М.: АСТ-Пресс книга, 2011. 240 с.
7. Маклаков А. С. Тема декабризма в русской исторической прозе рубежа XX–XXI вв. (На материале малой прозы Ю. В. Давыдова «Мальчики» (1991) / Мировая литература глазами современной молодёжи. Цифровая эпоха: сборник материалов V международной молодёжной научно-практической конференции. 16–17 октября 2019 г. / науч. ред. С. В. Рудакова. Магнитогорск: Ид-во Магнитогорск. гос. технического ун-та им. Г. И. Носова, 2019. С. 141–150.
8. Сидоров А. В. Историческая проза Ю. Давыдова 1960–2000-х гг.: проблематика и поэтика: дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2009. 178 с.
9. Стародымов Н. Дважды декабристка. 145 лет назад умерла Татьяна Ларина / Газета Международного сообщества писательских союзов «Общеписательская Литературная газета». № 7–10 (56–59), 2014. С. 12.
10. Щедрина Н. М. Русская историческая проза в литературе последней трети XX века: учеб. пособие. Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1997. 132 с.

M. L. Bedrikova (Russia, Magnitogorsk)

PERCULARITIES OF THE FREEDOM PERSECUTOR IMAGE IN RUSSIAN LITERATURE ABOUT THE DECEMBRISTS (E. RADZINSKY AND Y. DAVYDOV)

Abstract. The article is devoted to the relevant problem of the heroes typology in Russian literature about the Decembrists in the context of current views on Decembrism. The author sets the tasks: to reveal the timeless nature of the conflict "personality and power" in Russian literature associated with the events of December, 14, 1825; to research the literary types features – the noble revolutionary hero in his conflict with the type of "statesman", the persecutor of free thought. The author of the article analyzes the interpretations of the personality of A. H. Benckendorf in the play by E. Radzinsky "Lunin, or the Death of Jacques" (1979) and the novella by Yu. V. Davydova "PodkolodnyBashutsky, or Blue Tulips" (1988-1989). The research is based on these writers' idea of the development in the course of the historical topic the biographical principle developed by A. I. Herzen. In the story "PodkolodnyBashutsky, or Blue Tulips", the interpreter of the image of the chief of the gendarmes of the III Department is an autobiographical narrator, a reflective historian-archivist, alter ego of the novelist Yu. V. Davydov. He comprehends his hero' fate, repressed during the years of Stalinism, through the lens of the tragedy of Decembrism and in parallel tells about the fate of the persecutor himself – A. H. Benckendorf. The historian-playwright E. Radzinsky also represents the personality of A. H. Benckendorf, but according to the laws of dramaturgy and in a different position – via the eyes of the Decembrist M. Lunin, a prisoner of

⁴⁴ Давыдов Ю. В. Подколотный Башуцкий, или Синие тюльпаны. С. 65.

the Akatuy prison. The novelty of the research is in firstly, identifying the principles of artistic representation of the historical personality of 1825-1845 in the typology of the heroes of Russian literature; secondly, revealing ambivalent features in the type of persecutor, "strangler of freedom", gendarme, ordering to execute or give mercy. The methodology of the article combines biographical, historical-comparative and typological methods of analysis.

Keywords: Decembrism, biography, Russian literature of the twentieth century, Y. V. Davydov "PodkolodnyBashutsky, or Blue Tulips", E. Radzinsky "Lunin, or the Death of Jacques".

REFERENCES

1. Benkendorf A. Kh. Vospominaniya. 1802–1837 / Publikatsiya M. V. Sidorovoi A. A. Litvina. Per. s fr. O.V. Marinina, Moscow, Rossiiskii fond kul'tury; Studiya «TRITE»; Ros. Arkhiv, 2012. 760 p.
2. Ekaterina Velikayai Fridrikh Velikii. Perepiska 1744–1781. Otkrovenno I konfidentsial'no / avtor-sost. Tat'yanaAbramzon. M.: Boslen, 2022. 400 p.
3. Zhunazakov M. N. Stilevye novatsii v sovremennoi istoricheskoi proze, *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education], 1997, no. 3, pp. 26–34.
4. Kanunnikova I. A. Dramaturgiya 1970–1990-kh godov // RusskayaliteraturaKhKhveka: Ucheb. Po-sobiedlya stud. Vyssh. ped. ucheb. Zavedenii, V 2 tt., T. 2: 1940–1990-e gody, L. P. Kremontsov, L. F. Aleseeva, N. M. Maluginai dr.; pod red. L. I. Kremontsova, Mjscow, Izd. tsentr «Akademiya», 2002, pp. 409–451.
5. Kondakov I. V. Po tu storonu slova. Krizis literaturotsentrizma v Rossii XX–XXI vv., *Voprosy literatury* [Russian Studies in Literature], 2008, Sentyabr'-oktyabr', URL: <https://voplit.ru/article/po-tu-storonu-slova-krizis-literaturotsentrizma-v-rossii-xx-xxi-vekov/> (accessed 28 August 2022).
6. Lyashenko L. M. Dekabristy: NovyiVzglyad, Moscow, AST-Press kniga, 2011, 240 p.
7. Maklakov A. S. Tema dekabrizma v russkoi istoricheskoi proze rubezha XX–XXI vv. (Na materialemaloiiprozyYu. V. Davydova «Mal'chiki» (1991) / Mirovaya literature glazami sovremennoi molodezhi. Tsifrovaya epokha: sbornik materialov V mezhdunarodnoi molodezhnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 16–17 oktyabrya 2019 g. / nauch. red. S. V. Rudakova, Magnitogorsk, Id-vo Magnitogorsk. gos. tekhnicheskogo un-ta im. G. I. Nosova, 2019, pp. 141–150.
8. Sidorov A. V. Istoricheskayaproza Yu. Davydova 1960–2000-kh gg.: problematika i poetika: dis. ...kand. filol. nauk, Magnitogorsk, 2009, 178 p.
9. Starodymov N. Dvazhdydekabristka. 145 let nazadumerlaTat'yana Larina, *Gazeta Mezhdunarodnogo soobshchestva pisatel'skikh soyuzov «Obshchepisatel'skaya Literaturnaya gazeta»*, no. 7–10 (56–59), 2014, p. 12.
10. Shchedrina N. M. Russkaya istoricheskaya proza v literature poslednei treti XX veka: ucheb. posobie, Ufa, Izd-voBashkirskogounta, 1997, 132 p.

Бедрикова М. Л. Особенности изображения типа гонителя свободы в русской литературе о декабристах (Э. Радзинский и Ю. Давыдов) // Гуманитарно-педагогические исследования. 2022. Т. 6. № 3. С. 55–64.

BedrikovaM. L.Peculiarities of the Freedom Persecutor Image in Russian Literature about the Decembrists (E. Radzinsky and Y. Davydov), *Gumanitarno-pedagogicheskieissledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2022, vol. 6, no. 3, pp. 55–64.

Дата поступления статьи – 05.09.2022; 1,16 печ. л.

Сведения об авторе

Бедрикова Майя Леонидовна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Института гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», Россия, Магнитогорск; mlbedrikova@gmail.com.

Author:

Maya L. Bedrikova, Associate Professor, Candidate of Philology, Associate Professor of Linguistics and Literary Studies Department, Institute of Humanitarian Education, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia; mlbedrikova@gmail.com.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2021 г.

Аннотация. Статья представляет собой ежегодный обзор крупных научных публикаций преподавателей Института гуманитарного образования ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г. И. Носова». Автор рассматривает научные труды 2021 г. и анализирует их по критерию практической значимости, используемому для оценивания «реальных» достижений ученого, научных групп, школ, научных направлений и специфически проявляющемуся в гуманитарно-педагогических исследованиях. Данный критерий представлен с позиций особенностей гуманитарного познания как специализированной познавательной деятельности человека. Автор обзора, размышляя о прагматической ценности целенаправленного изучения человеческих практик в синхроническом и диахроническом аспектах, приходит к выводу о необходимости формирования гуманистических идеалов на научной основе; о том, что нужность и важность гуманитарных исследований обеспечивается неограниченным спектром тем гуманитаристики и широчайшей палитрой аспектов изучения проблем. Вниманию ученых-гуманитариев подвергаются самые разнообразные объекты из разных областей жизни и профессиональной деятельности. Их объединяет одно – осмысление опыта человека. Монографические исследования 2021 г. в отборе тем, в выборе предмета, методов, целей изучения и в определении учеными сфер применения своих разработок демонстрируют особый тип познавательной деятельности ученых-гуманитариев, их специфическую социальную активность, которую они проявляют в своих исследованиях даже тогда, когда вступают в коллаборацию с учеными негуманитарных наук. В любом случае гуманитарии всегда выявляют ценностную составляющую анализируемой человеческой практики для определенной эпохи, социальной группы, отдельного индивида, вида человеческой деятельности, социального поведения, государственной политики и т.п. Констатируя ту или иную ценность, авторы изученных публикаций дают ей своеобразную экспертную оценку, рекомендуют или не рекомендуют к тиражированию проанализированный человеческий опыт, обозначают его полезность / бесполезность, опасность / безопасность, продуктивность / непродуктивность и т. д.

Ключевые слова: гуманитарные исследования, практическая значимость, монография, МГТУ им. Г. И. Носова, научные коллаборации, проекты.

Введение

Вопрос о роли социальных и гуманитарных наук в современном мире ставится сегодня ребром, поскольку гуманитарии обнаруживают массу скрытых угроз в глобализации и тотальной цифровизации человечества. Темы «глобализации и ее социальных последствий, путей развития человека и общества в противоречивом и динамично меняющемся мире современности» все чаще выносятся на обсуждение ученых на всероссийских и международных конференциях [6; 18; 19]. Ученые пытаются напомнить, что знания гуманитарного характера составляют мировоззренческий фундамент подготовки квалифицированного специалиста на всех уровнях современной образовательной системы, включая основное образование. Однако практическая значимость гуманитарных научных исследований не исчерпывается только образовательным спектром полезности, поскольку обнаруживает ценность «человеческого фактора» и его приоритет в выборе новейших технологий, в постановке задач развития и технического совершенствования окружающего мира.

1. Прагматическая ценность целенаправленного формирования гуманистических идеалов

Практическая значимость исследования – это его прагматическая ценность, которая, к сожалению, не всегда может обнаруживаться при первом представлении результатов перед научной, отраслевой и прочей общественностью. К примеру, практическая полезность, важность и востребованность исторических исследований, проведенных на научной основе на добротном методологическом фундаменте, с широким охватом исторических источников и т. п., ощущается сегодня как никогда остро, поскольку политические технологии недружественных государств базируются на пробелах в образовании или его отсутствии у экстремистски восприимчивой части населения страны-мишени, или на намеренно формируемых мифах (например, о тысячелетней украинской государственности). Вопросы преподавания истории в школах, колледжах, вузах стали сегодня чуть ли не вопросами государственными безопасности для многих стран. Это же касается и других гуманитарных дисциплин.

Ошибки, связанные с недооценкой значимости гуманитарных исследований, не всегда быстро обнаруживаются и десятилетиями могут влиять на общественное сознание, оправдывать политическую близорукость чиновников от науки и образования доводами о затратности, экономической неэффективности гуманитарных исследований или преподавания гуманитарных дисциплин. Последние 30 лет новейшей истории стран постсо-

ветского пространства и бывшего соцлагеря – это красноречивые свидетельства губительного государственного невнимания к гуманитаристике, а также не менее губительной практики применения госчиновниками при оценке практической значимости гуманитарных исследований сугубо экономических определителей полезности. Слишком высокая цена у таких ошибок, которая измеряется, к сожалению, не только деньгами! Получается, что формирование ценностей в обществе – это совсем не второстепенное занятие!

Зато западные политтехнологи прекрасно осознают (в долларах и евро) цену «правильных» гуманитарных траекторий, поскольку по таким гуманитарным «рельсам» в страны легко «вкатываются» выгодные для транснациональных корпораций экономические «проекты». Механизм прост: сначала в страну-мишень импортируется культурное оболванивание в виде негосударственных образовательных организаций с четкими западными образовательными стандартами («под соусом» соответствия мировым требованиям) и прозападных общественных организаций, а затем на их же финансовой базе возникают экологически вредные производства, бактериологические, химические и иные небезопасные лаборатории, компании, выкачивающие за копейки из страны-мишени ценные ресурсы, не заботясь о последствиях для населения и человечества в целом.

То же можно сказать и о философии, социологии, литературе, языке, психологии, педагогике, искусствоведении и т. д. Ориентируясь на требования наукометрических систем и на действующие показатели научной эффективности, ученые гуманитарных отраслей знания вынуждены подстраиваться под эти «рамки полезности в ближайшей краткосрочной перспективе», оставляя без должного внимания долгосрочную перспективу, а именно она является по-настоящему важной, поскольку формирует прочные «стержни» отдельной человеческой личности и общества в целом – ценности жизни и культуры, дающие возможность ориентироваться в мире и смысле происходящего. Как доказать эту ценность? Приложить акт о внедрении? «Практическая значимость научного исследования доказывает его нужность и важность», поэтому, если она не очевидна на сегодняшний день в «краткосрочной» перспективе, то, получается, что гуманитарное исследование и не столь актуально.

2. Аспекты прагматической ценности гуманитарных исследований

В словаре, посвященном исследовательской деятельности, говорится, что «критерий практической значимости указывает на изменения, которые произошли или могут быть достигнуты в результате внедрения полученных результатов в практику, в учебно-воспитательный процесс, методику преподавания» [26]. Практическая значимость результатов диссертационных исследований зависит от числа и состава пользователей, заинтересованных в результатах работы; масштаба внедрения (области, республика, государство); степени готовности результатов к внедрению (начальный, основной, завершающий); предполагаемого социально-экономического эффекта от внедрения.

В гуманитарных науках прагматическая ценность не так очевидна, как в естественных или технических науках. Она может заключаться в:

- более удобной систематизации знаний;
- предложении новых методов гуманитарного исследования;
- применении выводов для разработки новых концепций;
- возможности использования результатов для повышения эффективности преподавания соответствующей дисциплины;
- обнаружении скрытых гуманитарных проблем, требующих срочного решения;
- объяснении истоков, природы, способов гуманного преодоления или эффективного использования «человеческого фактора» на производстве и т.п.

Гуманитарная составляющая есть у любой проблемы, где участником, прямым или косвенным, является человек, социальная группа или общество. Учет этой составляющей важен при решении большинства технических и технологических, производственных и прочих очень важных, практических задач, особенно, если речь идет о нацпроектах.

Практическая значимость гуманитарного исследования начинается с **выбора объекта исследования**, который, как известно, диктуется проблемной ситуацией в той или иной предметной области, и, чем шире и острее оказывается проблема, тем большей практической значимостью обладают научные исследования, посвященные ей.

Сегодня в числе таких острых гуманитарных вопросов находится проблема влияния компьютерных технологий на жизнь и здоровье человека, в особенности ребенка. Научное педагогическое сообщество разрабатывает данную проблему сразу в нескольких направлениях, стараясь найти баланс между необходимостью применения IT-технологий в различных видах деятельности человека, в том числе в процессе обучения, и рисками негативного влияния данных технологий на физическое и психическое здоровье подрастающего поколения. В данном ключе написана монография Т. А. Безенковой, К. Е. Безенкова и О. А. Андриенко «Профилактика аддиктивного поведения подростков в сфере информационно-коммуникационных технологий» [8]. Уход подростков и молодых людей от реальности с помощью компьютерных технологий или иных искусственных (химических) средств формирует аддитивное отклоняющееся поведение, проявляющееся в различных деструктивных формах. Развитие интернет-зависимости в подростковой среде стало важной социальной и педагогической проблемой, так как именно данная возрастная категория – наиболее активные интернет-пользователи. В другой своей монографии «Социализация личности подростка с девиантным поведением средствами социально-культурной деятельности» [7] авторы рассмотрели указанную проблему в широком контексте социализации

подростков, сделав акцент на девиации.

Гуманитарно-педагогические исследования интернет-пространства как новой среды существования и деятельности человека нашли отражение в коллективной монографии «Язык виртуального пространства: тенденции и перспективы исследования» [4]. Ее авторы (Л.И. Антропова, А.В. Бутова, Е.А. Гасаненко, Н.В. Дёрина, А.И. Дубских, Т.Ю. Залавина, О.В. Кисель, Е.А. Ломакина, О.А. Лукина, Е.А. Пикалова, Л.С. Полякова, Е.И. Рабина, Ю.В. Южакова) исследовали в рамках названной проблемы спектр инновационных лингвоинформационных технологий, которые применяются при выстраивании образовательной среды в техническом вузе [4, с. 8]. Проведенный в монографии анализ теории и практики интеграции электронных цифровых ресурсов и цифровых технологий в обучение иностранному языку в вузе указывает не только на педагогические (использование разных технологий и жанров виртуальной коммуникации [4, с. 101]), психологические (мотивы и способы самопрезентации [4, с. 24, 72; 93]), но и лингвистические векторы исследования (язык виртуального пространства как фрагмент языковой картины мира [4, с. 34], современные неологизмы в английском интернет-дискурсе [4, с. 126]).

Некоторые аспекты такого исследования, как например, фактор создания языковой образовательной среды в техническом вузе с помощью профессионального глоссария [4, с. 48], получили развитие в других публикациях авторов [11]. Решая различные лингвистические и лингводидактические задачи при обучении иностранному языку в техническом вузе, эти исследователи объединились, чтобы попытаться теоретически и практически осмыслить цифровизацию языкового образования и предложить свой взгляд на проблему; обозначить новые грани, условия и факторы жизни, обучения и просто общения современных молодых людей в интернет-пространстве как новой реальности человека. Практическая значимость самого научного поиска в рамках таких научных коллабораций определяется комплексностью и многогранностью взгляда на объект и предмет исследования, возможностью увидеть общие точки в оценке явлений и общие позиции в выборе направлений и средств разрешения выявленных проблем. Важно, что гуманитарии сами участвуют в подготовке монографий по техническим направлениям, имея возможность на практике проверить действенность и целесообразность лингводидактических технологий в области преподавания иностранных языков в техническом вузе [30].

3. Практическая значимость научных трудов и социальная активность ученого

Способность ученого-гуманитария целенаправленно осуществлять научные исследования, обладающие практической значимостью, можно рассматривать как его способность производить общественно значимые преобразования в мире, т. е. как *социальную активность этого ученого*. Но гуманитарии, используя богатства материальной и духовной культуры в своем творчестве, проявляют социальную активность не только в научной или общественной деятельности, собственном поведении или общении; они исследуют сам феномен социальной активности и разрабатывают технологии и условия ее формирования у других членов общества. Значимость такой деятельности подтверждается на государственном уровне, например, поддержкой федерального проекта «Социальная активность», который «направлен на создание условий для развития и поддержки добровольчества (волонтерства) как ключевого элемента социальной ответственности развитого гражданского общества»¹.

Разновидностью социальной активности является познавательная активность, которая обнаруживается в отношении к процессу познания человеком окружающего мира и которая необходима для начала и успешного протекания учебной деятельности, обуславливает интенсивность и характер протекания учения и результат научения, являясь необходимым фактором самообразования человека. Именно проблеме развития познавательной активности у обучающихся в учреждениях дополнительного образования посвятили свой научный труд Н. Г. Супрун и Н. Ю. Пешкова [20]. Исследователи описали и представили опыт развития познавательной активности у обучающихся в учреждениях дополнительного образования [20, с. 38], выявили особенности создания условий, необходимых для развития познавательной активности детей [20, с. 30]. В работе дан разбор известных методов и технологий формирования познавательной активности, структурирован диагностический материал и предложена Программа развития познавательной активности у обучающихся в дополнительном образовании [20, с. 55].

Частному аспекту познавательной деятельности обучающихся посвящен раздел другой коллективной монографии «Современные условия интеграционных процессов в науке и образовании» [10]. Его авторы, Г. Г. Гранатов, Е. Н. Ращигулина и М. А. Климов, исследовали категорию преемственности в аспекте общих особенностей ее изучения и понимания студентами. Сопоставляя функции и специфику уровней обобщения с познавательными задачами логических этапов развития понятия (основание, ядро, следствия и общее критическое истолкование) и опираясь на соответствие между ними [10, с. 75], авторы предлагают специальные «многофункциональные программированные упражнения для студентов, иллюстрируют одно из актуальных перспективных сейчас направлений взаимодополняющего сочетания профессионального образования и самообразования при изучении сложных и интегративных понятий и их систем, позволяющие не только развивать необходимые знания, познавательные умения, но и диагностировать» [10, с. 76]. Педагогическое исследование этих авторов подтвердило, что снижение качества образования может быть результатом нарушения системных,

¹ Федеральный проект «Социальная активность» // Минпросвещения России [сайт]. URL: https://edu.gov.ru/national-project/projects/soc_activity/ (23.04.2022).

глубинных связей между воспитанием, обучением и развитием участников образовательного процесса. Анализ только одной категории преемственности показал: «Пренебрежение принципом преемственности в образовании ведет к потере системности и, ослаблению, прежде всего, воспитательных функций. Идеино-понятийный и многоуровневый подход к пониманию и решению проблемы преемственности может в значительной мере способствовать успешному ее решению. Решать ее нужно уже сейчас одновременно и на всех уровнях от государственно управленческого и регионального до школьного (и семейного), междисциплинарного и внутридисциплинарного» [10, с. 63].

Практическим аспекты организации учебно-познавательной деятельности обучающихся в языковом пространстве высшей технической школы посвящена монография О. А. Лукиной и Е. А. Гасаненко [32]. По мнению авторов, «создание имиджа специалиста при изучении иностранного языка в вузе – это необходимый ответ на требования, предъявляемые к современному выпускнику высшей школы» [32, с.4]. Исследуя имиджевые передовые технологии в университетском образовании и практику преподавания иностранных языков в технических вузах, авторы предлагают использовать содержательные особенности развития общекультурной компетенции студентов при изучении иностранных языков для формирования имиджа будущих специалистов. Языковые компетенции должны способствовать не только постоянному профессиональному росту, а также социальной и профессиональной мобильности выпускников.

4. Проектирование в науке: гуманитарный контекст

Практическая значимость любой науки, в том числе и гуманитарной, заключается не только в раскрытии скрытых процессов, механизмов их возникновения, понимании причин и последствий проблем, но и в возможности преобразовывать мир, *проектировать* и *перепроектировать* его для решения определенных задач. По мнению В. М. Розина, в проектировании есть обычно две грани: «это, с одной стороны, задание и разработка объекта в семиотической плоскости, что предполагает проблематизацию, схематизацию, исследования, конструирование, нормирование, с другой – создание этого объекта в материале на основе создаваемого проекта» [17, с.121]. Разбирая имеющиеся толкования понятия «проектирование», В. М. Розин говорит о его эволюции, движущим фактором которой является трансформация социальных отношений и форм социальной организации общества, причем о каком бы типе проектирования и сфере применения (экономика, градостроительство, образование, государственное управление и т.д.) речь ни шла. Всегда при анализе деятельности и технологий следует учитывать «контекст культурно-исторической и социальной среды» [17, с. 121]. Проектирование как деятельность и технология опирается, по мнению исследователя, на особенности «проектного мышления и дискурса».

Закладывать константы проектного мышления и учить этому виду деятельности следует с детства, считают О. Ю. Пустовойтова, Н. А. Шепилова и Л. А. Яковлева, опубликовавшие в 2021 г. монографию «Проектная деятельность в дошкольном образовании» [16]. В этой книге рассматривается феномен проектной деятельности в дошкольном образовании, специфика применения проектного метода, а также технология его использования при организации образовательного процесса в дошкольной образовательной организации. В научной разработке этих авторов представлены направления организации проектной деятельности, такие как патриотическое, познавательное и безопасность жизнедеятельности детей дошкольного возраста [16, с. 3].

Любопытный опыт проектирования в коллаборации ученых разных сфер науки мы видим в монографии «Сети с распределенной генерацией: способы повышения эффективности проектирования и эксплуатации» [9]. Книга посвящена решению сугубо технического вопроса, не связанного с гуманитарной сферой, – повышению эффективности работы систем электроснабжения с источниками распределенной генерации при их проектировании и эксплуатации; и адресована студентам технических направлений, в частности 13.04.02 «Электроэнергетика и электротехника». Коллектив авторов работал над монографией два года назад. Примечательно то, что команда исследователей способов решения технической задачи состояла не только из узких специалистов в сфере электроэнергетики и электротехники (А. В. Варганова, Е. А. Панова, Ю. А. Морева, М. М. Суровцов – кандидаты технических наук), но и гуманитариев (И. О. Колдомасов – кандидат исторических наук, Е. А. Морозов – кандидат филологических наук, Е. Е. Русякова – кандидат психологических наук). Задача гуманитариев заключалась в изучении и освещении мирового опыта использования источников распределенной генерации в Европе, США, Китае, а также в рассмотрении психосоциальных оснований и влияния развития распределенной энергии на различные сферы общества, т. е. как раз в выявлении того «контекста культурно-исторической и социальной среды», о котором пишет В. М. Розин. Практическая значимость такой работы сочетает специфику практической значимости гуманитарных исследований со спецификой практической значимости разработок в сфере техники и технологии – обозначение социальных и гуманитарных аспектов технической проблемы. Гуманитарная значимость подобной коллаборации состоит в том, чтобы, решая технические и технологические задачи, соответствующие специалистам-практикам не забывали о человеке, для которого создаются технические объекты, а также о человеке, чьими усилиями создаются технические объекты, учитывали бы позитивный и негативный опыт прошлого, осознавали степень влияния своей профессиональной деятельности на общество, ощущали *социальную ответственность* за свои технические и управленческие решения.

5. *Диахрония ценностей: исторические источники и факты в социальной практике поколений*

Историческая наука, как никакая другая, знает, как со временем переосмысливается культурная, научная и практическая ценность результатов человеческих практик, как меняются акценты в организации практической деятельности поколений.

В 2021 г. при участии ученых МГТУ им. Г. И. Носова М. Г. Абрамзона, Ю. Ю. Ефимовой и Н. В. Копцевой была опубликована очередная серия монографий по археологической нумизматике [1; 2; 3; 29; 31], показывающая, что вопрос о практической значимости исследований в области археологии, в частности и археологической нумизматики, может освещаться в нескольких аспектах, потому что предметы, найденные на месте раскопов или содержащиеся в кладе, представляют и культурную, и материальную ценность. Как известно, культурно-историческая ценность монеты не является исходным смыслом ее возникновения и существования для человека, это «приобретение времени», возникшее в результате развития опыта людей во всех видах деятельности, связанных с монетами, из отношения к самим монетам, их чеканке, хождению, кладам, кладоискательству, коллекционированию, музейному экспонированию менялось в разные исторические эпохи. Именно развитие этих видов деятельности отразилось на восприятии и интерпретации монет как исторических источников, что способствовало развитию методов исследования как в самой нумизматике [2], так и в других отраслях исторической науки. Появление культурно-исторической ценности у денег в свою очередь поменяло характер некоторых видов деятельности, например, коллекционирования. Так, сегодня в России частное коллекционирование стало источником формирования отечественного культурного наследия и музейного фонда. Оно рассматривается в «аксиологических, институциональных, деятельностных, психологических, эстетических, репрезентативных и исторических аспектах» [12, с. 3-4], т.е. в разных гуманитарных и социальных аспектах, поскольку это вид культурной деятельности по сбору, присвоению, освоению, накоплению, систематизации, хранению, экспозиции, популяризации и обращению коллекции, ее виртуализации, а также инвестиционной стратегии развития и др.

Совершенно иная практика, иные ценностные парадигмы затронуты в историческом исследовании В. В. Филатова. В 2021 г. вышла его четвертая книга по истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова [24], которая завершила цикл книг, раскрывающих различные стороны жизнедеятельности коллектива в 1960-е гг. Если из первых трех книг [21; 22; 23] читатели узнали биографии профессорско-преподавательского состава института, познакомились с оценками деятельности некоторых из них, выяснили, как решались кадровые вопросы, какие изменения происходили в структурных подразделениях, в решении финансово-хозяйственных вопросов, организации учебного процесса и научно-исследовательской работы, то новая книга позволит раскрыть повседневность коллектива вне учебы в МГМИ (ныне – МГТУ им. Г. И. Носова). Это поможет создать целостное представление о вузе, его коллективе. Новая книга В.В. Филатова по истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова раскрывает особенности внеучебной деятельности вуза в 1960-е гг. Она передает атмосферу ожидания перемен во всех сферах жизни общества. Нынешнему поколению весьма важно знать, как жили, учились, работали их предшественники. Шестидесятые годы двадцатого столетия для нашей страны имели особое значение. Хрущевская «оттепель» с ее плюсами и минусами и возврат к определенному консерватизму при Л.И. Брежневле наложили свой отпечаток и на деятельность вузов. Молодому поколению будет интересно узнать, как были организованы быт, общественная деятельность, отдых людей, работавших и обучавшихся в то время в институте. 1960-е гг. отмечены подъемом уровня спортивно-массовой работы в вузе. Книга имеет большую практическую значимость и в плане знакомства с интересными внеучебными мероприятиями, проводимыми в институте в то время. На основе многочисленных документальных источников, как правило, впервые вводимых в научный оборот, автору удалось отразить значимость событий повседневной жизни коллектива института.

Анализ монографий за последние пять лет показал усилившийся интерес общества к истории повседневности, к *истории эмоций людей*, живших в ту или иную историческую эпоху, на той или иной территории. В этом новомодном для исторической науки ключе написана монография Н. Н. Макаровой «Магнитогорск как социокультурный проект советской власти в 1930–1950-е гг.» [14]. Автора интересует эмоциональный «репертуар» жителей уникального, с одной стороны, и типичного, с другой стороны, советского моногорода – Магнитогорска. Н. Н. Макаровой показалось полезным исследовать повседневную жизнь людей, вовлеченных в социокультурный проект советской власти в 1930–1950-е гг. Насколько «особенности социально-бытовых условий, общий уровень благоустройства жизни и труда определяли ландшафты повседневности и черты господствовавшего эмоционального режима», счастлив ли был новый советский человек, которого вели в светлое социалистическое будущее? Исследовав широчайший круг факторов, определяющих эмоциональный фон эпохи: особенности периода форсированной индустриализации, демографические процессы и численность населения города, жизнь отдельных социальных групп в «новом» городе, городское пространство, жилищные условия магнитогорцев, здравоохранение и санитарно-эпидемиологическую обстановку в городе, просвещение горожан и систему образовательных учреждений, традиции и новации в организации досуга горожан, религиозный фактор в жизни «города без церквей», формы девиантного поведения в городской среде, стратегии сопротивления и механизмы адаптации горожанина к меняющимся условиям, – автор приходит к выводу, что «население Магнитогорска представляло собой сложный эмоциональный микромир, в котором сосуществовали разнообразные эмоциональные репертуары, а каждый магнитогорец одновременно принадлежал к различным эмоциональным сообществам, демонстрировавшим порой неодобряемые эмоциональные реакции» [14, с. 6]. Такое

исследование истории эмоций – это тоже изучение «контекста культурно-исторической и социальной среды» государственного индустриального и градостроительного проекта.

Как видно, внимание историков фиксируется на самых разных аспектах жизни людей. Важно всё: факты, события, предметы, эмоции и многое другое, – словом то, что дает объективную картину эпохи, формирует тот гуманитарный контекст жизни, который влияет на практику деятельности людей в совершенно разных ее областях.

6. Грантовая поддержка практически значимых гуманитарных исследований

Институциональное определение практической значимости научного исследования в России и мире осуществляется через грантовую систему поддержки научных исследований. В нашей стране, как известно, эта система включает разнообразные организации, которые делятся на три категории: а) фонды (государственные: РФФИ, РГНФ, РНФ и др.; а также негосударственные); б) государственные учреждения (министерства, например, Министерство науки и высшего образования РФ, Правительство России, Президент РФ, администрации регионов и субъектов РФ, РАН и ее институты, университеты); в) коммерческие организации (отдельные грантовые программы и конкурсы компаний, например, Газпрома, Сбербанка и др.) [13].

Грантовая система России до недавнего времени широко поддерживалась зарубежными организациями государственными и негосударственными. Так, в 2021 г. в рамках русско-болгарского проекта магнитогорские ученые (С. Г. Шулежкова, Л. Н. Чурилина, Н. В. Позднякова, О. Е. Чернова, А. Н. Михин, Д. А. Новиков) совместно болгарской коллегой профессором С. И. Георгиевой опубликовали коллективную монографию «Новая фразеология в новой Европе: русские и болгарские сверхсловные неологизмы в современном коммуникативном пространстве» [28], издание которой в нашей стране осуществлено за счёт средств РФФИ², поддержавшего этот международный проект. В книге обосновывается «необходимость сопоставительного исследования и словарного описания стремительно обновляющихся в условиях цифровой цивилизации фразеологических систем русского и болгарского языков» [28, с. 3]. Авторы интересуют «пласты сверхсловных неологизмов, рожденных в интернет-сети, в военной, социальной и финансовой сферах, а также тех неологизмов, которые обязаны своим происхождением кинематографу» [Там же]. Участники проекта занимались «словарной “паспортизацией” сверхсловных неологизмов», которая, по определению Л. Н. Чурилиной, представляет собой процедуру отбора единиц, осуществляемую «с ориентацией на конкретные дискурсивные практики, в том числе и профессиональную коммуникацию, которая характеризуется определённой системой знаний (системой концептов) и правил их языковой экспликации» [25, с. 44]. Решая одну из важнейших проблем славистики, авторы надеются, что их книга поможет внести свой скромный вклад в поддержание дружеских отношений между народами, которые связаны между собой общими культурными истоками, общей религией, общими невзгодами и общими победами» [27, с. 21].

Другим примером грантовой поддержки в 2021 г. стало научное исследование, проеденное при участии профессора МГТУ им. Г. И. Носова М. Н. Потемкиной в общем проекте с коллегами из Челябинского государственного университета и опубликованное в коллективной монографии «Экономическая преступность в СССР в годы Великой Отечественной войны (на материалах Южного Урала)»³ [5]. В этой монографии «на базе современной методологии, результатов исследований отечественных и зарубежных авторов, мемуаров, неопубликованных документов из федеральных и региональных архивов представлены виды, формы и особенности экономической преступности, а также возможности и способы борьбы с ней в советском обществе» военного времени, силы и средства которого «были направлены на достижение стратегической цели — победы в тотальной войне против сильного внешнего врага». Важно, что ценность своего исследования авторы видят именно сегодня, когда «современный мир вступил в фазу шестого (постиндустриального) уклада, открывшего колоссальные возможности «наноразмерных» производств, биоинженерии, передовой медицины, а также усовершенствованной бытовой техники и виртуальных коммуникативных практик» [5, с. 4]. К сожалению, сегодня авторы вынуждены констатировать, что «впечатляющие успехи в новых направлениях не только не способствовали преодолению преступности, понимаемой как исторически изменчивый, массовый, уголовно-правовой и системный социальный процесс, но и в значительной мере обогатили его содержание» [Там же]. Приводя неутешительную статистику по росту экономической преступности в мире за последние 8 лет и отмечая онтологическую склонность людей к отступлению от принятых норм, авторы публикации решили с помощью «ретроспективного анализа конкретных обстоятельств» разобраться в предпосылках и мотивах «отклоняющегося» поведения. Период Великой Отечественной войны выбран учеными не случайно, поскольку «особой когнитивной ценностью для криминологов и обществоведов обладают экстремальные события в истории, такие как большие стихийные бедствия, пандемии, революции, войны, вынужденные миграции, когда витальность общества и приверженность его членов установленным правилам подвергаются серьезным испытаниям» [Там же]. Поразительно, насколько сложен был социальный механизм восстановления законности в советском обществе

² Издание монографии осуществлено за счёт средств РФФИ в рамках научного проекта № 19-51218005\19 «Новая фразеология в новой Европе: русские и болгарские сверхсловные неологизмы в современном коммуникативном пространстве».

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00185 «Экономическая преступность в годы Великой Отечественной войны : выявление, расследование, пересечение (на материалах Южного Урала)».

того периода. Он предполагал «взаимодействие многих специалистов: пропагандистов, добровольных помощников милиции, завербованных осведомителей, оперативников, следователей отделов по борьбе с хищениями социалистической собственности (ОБХСС), прокуроров и адвокатов, народных заседателей и судей, членов судебных коллегий вышестоящих инстанций, судебных исполнителей, конвоиров и тюремного персонала» а также партийных органов, государственных торговых инспекций, контрольных и ревизионных комиссий и профсоюзов [5, с. 7]. Практическую значимость такого исследования сам авторский коллектив видит в том, что «изучение экономической преступности и борьбы с ней в годы Великой Отечественной войны, позволяет расширить представления об этом драматическом отрезке нашей истории, увидеть преемственность и определить, что именно из арсенала минувших лет можно применить сегодня. Ведь ныне, как и тогда, нет времени на эксперименты, а требуются взвешенные решения и действия, направленные на укрепление правовой дисциплины» [5, с. 10].

Не только исследования массовых или групповых проявлений человека обладают практической значимостью для науки, но можно отметить и усиливающийся интерес общества к индивидуальной жизни человека. Биография и жизненный путь моряка как отражение своей эпохи – периода Великой Отечественной войны – описаны в монографии доктора филологических наук Е. Г. Постниковой и кандидата исторических наук А. Е. Любецкого, «“Мы – подводники”: военные дневники матроса-подводника СФ Г. И. Сенникова»⁴ [15]. Публикация книги поддержана грантом субъекта РФ – администрацией Челябинской области. Первый том книги издан в издательстве МГТУ им. Г. И. Носова в 2021 г. Научное осмысление получили военные дневники (1943–1946 гг.) штурманского электрика подводных лодок «М-107» и «М-119» Северного и Черноморского флотов Георгия Ивановича Сенникова. Исследователи изучали специфику жанра и функциональные особенности военного дневника, фронтовые бытовые практики, психологию фронтовиков, феномен страха и способы его преодоления, матросские суеверия, табу, ритуалы и традиции, феномен авторитета командиров Северного флота (СФ) и специфику взаимоотношений военнослужащих, а также другие вопросы, имеющие отношение к антропологии войны. Широкому кругу читателей будут интересны восстановленные фамилии и имена сослуживцев и командиров, упоминаемых в дневниках, списки моряков подводных лодок «М-106», «М-105», «М-119», впервые опубликованные фотографии периода войны из государственных и семейных архивов, сканы страниц дневника с записями и рисунками, воспоминания членов экипажа «М-105». История конкретного человека в истории его страны, воссозданная на основе личных архивов, свидетельствует о значимости для науки и общества фондов личного происхождения.

Заключение

Практическая значимость исследований в области гуманитарных наук оказывается одной из самых очевидных именно в переломные моменты жизни государства и общества. Осмысливая различные аспекты жизни людей, гуманитарии моделируют различные версии развития человечества, общества, государства, отдельного народа, группы или конкретных людей. Практическая ценность гуманитарных исследований и заключается в ценностях, которые укрепляются или, наоборот, развенчиваются с помощью данных разработок под пристальным вниманием ученых, поэтому выбор темы, объекта, материала и предмета исследования – это не только отражение собственно научного интереса, а часто для ученого это и способ выражения своей социальной ответственности и активности.

Гуманитарные исследования человеческих практик все больше интересуют специалистов из других (негуманитарных) отраслей науки, потому что они способны выявить факторы, влияющие на успешность их технических и технологических решений; способны увидеть и обозначить ценностную траекторию явлений социальной жизни везде, где задействован человек; заметить тенденции и эволюционные процессы развития разных сфер жизни людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамзон М. Г., Кузнецов В. Д., Остапенко С. Н. Деньги в повседневной жизни Фанагории (монеты из раскопок). Фанагория. Научно-популярная серия. Под редакцией В. Д. Кузнецова. М.: Институт археологии РАН, 2021. 80 с.
2. Абрамзон М. Г., Ефимова Ю. Ю., Копцева Н. В., Сапрыкина И. А., Смекалова Т. Н. Последнее серебро Боспора: мультианалитический подход к исследованию боспорской серебряной чеканки III в. н.э. Москва: Институт археологии РАН, 2021. 128 с. (Серия: Археометрия Причерноморья. Вып. 4).
3. Абрамзон М. Г., Новичихин А. М., Сапрыкина И. А., Смекалова Т. Н. Клад боспорских дидрахм из станицы Фонталовская (IGCH 1143): жалование наемников эпохи Митридатовых войн? М.: Институт археологии РАН, 2021. 168 с. (Серия: Археометрия Причерноморья. Вып. 5).
4. Антропова Л. И., Бутова А. В., Гасаненко Е. А., Дёрина Н. В., Дубских А. И., Залавина Т. Ю., Кисель О. В., Ломакина Е. А., Лукина О. А., Пикалова Е. А., Полякова Л. С., Рабина Е. И., Южакова Ю. В. Язык виртуального пространства: тенденции и перспективы исследования: коллективная монография / под науч. ред.

⁴ Монография готовилась при поддержке гранта 20-49-740008 p_a Челябинск «Челябинская область в Великой Отечественной войне на Севере (по дневникам 1943-1946 гг., документальным повестям матроса-подводника Северного флота Г. И. Сенникова и архивным документам)»

- Н. Н. Зеркиной, техн. ред. Т. Ю. Залавиной. Магнитогорск : Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2022. 164 с.
5. Аполовников А. А., Пасс А. А., Потемкина М. Н., Усольцева Н. Л. Экономическая преступность в СССР в годы Великой Отечественной войны (на материалах Южного Урала): монография. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2021. 359 с.
6. Баклыкова Т. Ю. «Что такое человек?»: Международная научно-практическая конференция «Human Plus» // Гуманитарно-педагогические исследования. 2021. Т. 5. № 4. С. 22–29.
7. Безенкова Т. А., Андриенко О. А. Социализация личности подростка с девиантным поведением средствами социально-культурной деятельности [Электронный ресурс] : монография. Электрон. текстовые дан. (1,19 Мб). Магнитогорск : ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова», 2021. 1 электрон. оптич. диск (CD-R). Систем. требования : IBM PC, любой, более 1GHz ; 512 Мб RAM ; 10 Мб HDD; MS Windows XP и выше; AdobeReader8.0 и выше; CD/DVD-ROM дисковод; мышь. – Загл. с титул. экрана.
8. Безенкова Т. А., Безенков К. Е., Андриенко О. А. Профилактика аддиктивного поведения подростков в сфере информационно-коммуникационных технологий [Электронный ресурс] : монография. Электрон. текстовые дан. (1,09 Мб). Магнитогорск : ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г. И. Носова», 2021. 1 электрон. опт. диск (CD-R). Систем. требования : IBM PC, любой, более 1GHz ; 512 Мб RAM ; 10 Мб HDD; MS Windows XP и выше; AdobeReader8.0 и выше; CD/DVD-ROM дисковод; мышь. Загл. с титул. экрана.
9. Варганова А. В., Панова Е. А., Морева Ю. А., Суровцов М. М., Колдомасов И. О., Морозов Е. А., Руслякова Е. Е. Сети с распределенной генерацией: способы повышения эффективности проектирования и эксплуатации. Магнитогорск : Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г. И. Носова, 2021. 181 с.
10. Гранатов Г. Г., Ращидулина Е. Н., Климов М. А. Категория «преемственность»: общее и особенное в ее изучении, понимании и диагностике // Современные условия интеграционных процессов в науке и образовании: коллективная монография / под ред. А. А. Сукиасян. Уфа : Аэтерна, 2021, С. 63–78.
11. Дёрина Н. В., Дёрина К. С. Создание лингвоинформационной образовательной среды в вузах с помощью профессионального глоссария на английском языке // Современные технологии: проблемы и тенденции развития : монография / ред. МЦНП «Новая наука». Петрозаводск : МЦНП «Новая наука», 2021, С. 63–83.
12. Ключанова Л. Г. Частное коллекционирование в современной художественной культуре России : автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского гос. ин-та культуры. 2017. 21 с.
13. Лазар М. Г., Стрельцова Е. А. Грантовая система финансирования российской науки: итоги одного социологического опроса [Электронный ресурс] // Социология науки и технологий. 2015. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grantovaya-sistema-finansirovaniya-rossiyskoy-nauki-itogi-odnogo-sotsiologicheskogo-oprosa> (дата обращения: 22.08.2022)].
14. Макарова Н. Н. Магнитогорск как социокультурный проект советской власти в 1930–1950-е гг. Магнитогорск : Магнитогорский дом печати, 2021. 532 с.
15. Постникова Е. Г., Любецкий А. Е. «Мы – подводники»: военные дневники матроса-подводника СФ Г. И. Сенникова: монография. В 2-х тт. Т. I. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г. И. Носова, 2021. 308 с.
16. Пустовойтова О. В., Шепилова Н. А., Яковлева Л. А. Проектная деятельность в дошкольном образовании: монография. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2021. 180 с.
17. Розин В. М. К построению понятия проектирования [Электронный ресурс] // Урбанистика. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-postroeniyu-ponyatiya-proektirovaniya> (дата обращения: 22.08.2022)
18. Роль гуманитарных наук в современном образовательном пространстве : Республик. науч.-практ. конф. по гуманитарному образованию, Минск, 18 октября 2019 г. : сб. науч. ст. / редкол.: Д. Л. Гулякевич (отв. ред.) [и др.]. Минск : Ин-т бизнеса БГУ, 2020. 207 с.
19. Социально-гуманитарные науки и практики в XXI веке: человек и общество в меняющемся мире: материалы пятнадцатой международной весенней научной конференции / под общей редакцией профессора В. П. Шалаева. Йошкар-Ола : Поволжский государственный технологический университет, 2019. 388 с.
20. Супрун Н. Г., Пешкова Н. Ю. Развитие познавательной активности у обучающихся в дополнительном образовании [Электронный ресурс]: монография / ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова». Электрон. текстовые дан. (1,25 Мб). Магнитогорск : ФГБОУВО «МГТУ им. Г.И. Носова», 2021. 1 электрон. опт. диск (CD-R). Систем. требования: IBMPC, любой, более 1GHz ; 512 Мб RAM; 10 Мб HDD; MS Windows XP и выше; AdobeReader8.0 и выше; CD/DVD-ROM дисковод; мышь. Загл. с титул. экрана.
21. Филатов В. В. История Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова: 1960-е годы. В 4 кн. Кн. 1: монография. Магнитогорск : Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2019. 352 с.
22. Филатов В. В. История Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова: 1960-е годы. В 4 кн. Кн. 2: монография. Магнитогорск : Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2020. 268 с.
23. Филатов В. В. История Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова: 1960-е годы. В 4 кн. Кн. 3: монография. Магнитогорск : Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г. И. Носова, 2020. 383 с.

24. Филатов В. В. История Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова: 1960-е годы. В 4 кн. Кн. 4: монография. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г. И. Носова, 2021. 251 с.
25. Чурилина Л. Н. Глобальный мир, глобальный язык и «новая» фразеология как феномен // Шулежкова С. Г., Чурилина Л. Н., Георгиева С. И. и др. Проблемы русско-болгарской фразеологической неогграфии: колл. моногр. / гл. ред. С. Г. Шулежкова. Магнитогорск: Магнитогорск. гос. техн. ун-т им. Г. И. Носова; Пловдив: Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, 2021, С. 31–49.
26. Шашенкова Е. А. Исследовательская деятельность: словарь. М.: УЦ «Перспектива». 2010 // Академик, 2000-2022 [сайт]. URL: https://research_activities.academic.ru (дата обращения: 15.01.2022).
27. Шулежкова С. Г. Тенденции обновления фразеологических фондов славянских языков и проблемы современной русско-болгарской фразеологии // Шулежкова С. Г., Чурилина Л. Н., Георгиева С. И. и др. Проблемы русско-болгарской фразеологической неогграфии: колл. моногр. / гл. ред. С. Г. Шулежкова. Магнитогорск: Магнитогорск. гос. техн. ун-т им. Г. И. Носова; Пловдив: Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, 2021. С. 4–29.
28. Шулежкова С. Г., Чурилина Л. Н., Георгиева С. И., Позднякова Н. В., Чернова О. Е., Михин А. Н., Новиков Д. А. Проблемы русско-болгарской фразеологической неогграфии: колл. моногр. /; Науч.-исслед. словарная лаб., каф. рус. яз., общего языкознания и массовой коммуникации Магнитогорского гос. техн. ун-та им. Г. И. Носова; ред. колл.: С. Г. Шулежкова (гл. ред.), Н. В. Позднякова, О. Е. Чернова. Магнитогорск: Магнитогорск. гос. техн. ун-т им. Г. И. Носова; Пловдив: Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, 2021. 158 с.
29. Abramzon M. G., Kuznetsov V. D. Coin Hoards. Vol. XI. Greek Hoards. The Cimmerian Bosphorus. (Colloquia Antiqua, 32). Leuven–Paris–Bristol: Peeters, 2021, 409 p.
30. Dyorina N. V., Velikanov V. S. Research and modelling of loading parameters of excavator-power shovel implement in the development of exploded rocks: monograph. Magnitogorsk: Publishing house of Nosov Magnitogorsk. State Tech. University, 2021. 55 p.
31. Kuznetsov V. D., Abramzon M. G. The Beginning of Coinage in the Cimmerian Bosphorus (A Hoard from Phanagoria) / Kuznetsov V. D., Tsetskhladze G. R. (eds.), Phanagoria Studies. 1 = Colloquia Antiqua. 34. Leuven–Paris–Bristol: Peeters, 2021. 146 p.
32. Lukina O. A., Gasanenko E. A. Image making in the crosscultural aspect of foreign language learning in the higher technical education: коллективная монография. Магнитогорск: ФГБОУВО «МГТУ им. Г.И. Носова», 2020. с. 140.

S. L. Andreeva (Magnitogorsk, Russia)

PRACTICAL SIGNIFICANCE OF HUMANITARIAN RESEARCHES IN 2021

Abstract. The article represents annual major scientific publications review of Institute for the Humanities teachers, Nosov Magnitogorsk State Technical University. The author examines the scientific works of 2021 and analyzes them according to the practical significance criterion used to evaluate the "actual" achievements of a scientist, scientific groups, schools, scientific directions and specifically manifested in humanitarian and pedagogical researchers. This criterion is presented out of the peculiarities of humanitarian cognition as a specialized cognitive activity of a person. The author of the review, reflecting on the pragmatic value of focused study of human practices in synchronic and diachronic aspects, comes to the conclusion that it is essential to form humanistic ideals on a scientific basis; the necessity and importance of humanitarian research is provided by an unlimited range of humanitarianism issues and a vast palette of aspects of the studying problems. A wide variety of objects from different areas of life and professional activity is exposed to the attention of Humanities scientists. They are united by one thing – the comprehension of human experience. The monographic studies of 2021 in the selection of topics, the choice of a subject, methods, goals of study and fields of application of the developments determined by the scientists demonstrate a special type of cognitive activity of Humanities scientists, their specific social activity, shown in their researches even collaborating with scientists of non-humanitarian fields. In any case, humanitarians always identify the value component of the analyzed human practice for a certain epoch, social group, individual, type of human activity, social behavior, public policy, etc. Stating this or that value, the authors of the studied publications give it a kind of expert assessment, recommend or do not recommend the analyzed human experience for replication, denote its usefulness / uselessness, danger / safety, productivity / unproductivity, etc.

Keywords: humanitarian research, practical significance, monograph, Nosov Magnitogorsk State Technical University, scientific collaborations, projects.

REFERENCES

1. Abramzon M. G., Kuznetsov V. D., Ostapenko S. N. Den'gi v povsednevnoi zhizni Fanagorii (monety iz raskopok). Fanagoriya. Nauchno-populyarnaya seriya. Pod redaktsiei V. D. Kuznetsova, Moscow, Institut arkheologii RAN, 2021, 80 p.

-
2. Abramzon M. G., Efimova Yu. Yu., Koptseva N. V., Saprykina I. A., Smekalova T. N. *Poslednee srebro Bospora: multianaliticheskii podkhod k issledovaniyu bosporskoï serebryanoi chekanki III v. n.e.*, Moscow, Institut arkheologii RAN, 2021, 128 p. (Seriya: Arkheometriya Prichernomor'ya, vol. 4).
 3. Abramzon M. G., Novichikhin A. M., Saprykina I. A., Smekalova T. N. *Klad bosporskikh didrakhmizstanitsy Fontalovskaya (IGCH 1143): zhalovanie naemnikov epokhi Mitridatovykh voïn?* Moscow, Institut arkheologii RAN, 2021, 168 p. (Seriya: Arkheometriya Prichernomor'ya, vol. 5).
 4. Antropova L. I., Butova A. V., Gasanenko E. A., Derina N. V., Dubskikh A. I., Zalavina T. Yu., Kisel' O. V., Lomakina E. A., Lukina O. A., Pikalova E. A., Polyakova L. S., Rabina E. I., Yuzhakova Yu. V. *Yazyk virtual'nogo prostranstva: tendentsii i perspektivy issledovaniya: kollektivnaya monografiya / pod nauch. red. N. N. Zerkinoi, tekhn. red. T. Yu. Zalavinoi, Magnitogorsk, Izd-vo Magnitogorsk. gos. tekhn. un-ta im. G.I. Nosova, 2022, 164 p.*
 5. Apolovnikov A. A., Pass A. A., Potemkina M. N., Usol'tseva N. L. *Ekonomicheskaya prestupnost' v SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voïny (namaterialakh Yuzhnogo Urala): monografiya, Chelyabinsk, Izd-vo Chelyab. gos. un-ta, 2021, 359 p.*
 6. Baklykova T. Yu. «Chto takoe chelovek?» : Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Human Plus», *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2021, vol. 5, no. 4, pp. 22–29.
 7. Bezenkova T. A., Andrienko O. A. *Sotsializatsiya lichnosti podrostka s deviantnym povedeniem sredstvami sotsial'no-kul'turnoi deyatel'nosti* [Electronic resource]: monografiya. Elektron. tekstovye dan. (1,19 Mb), Magnitogorsk : FGBOU VO «MGTU im. G.I. Nosova», 2021, 1 elektron. optich. disk (CD-R). Sistem. trebovaniya : IBM PC, lyuboi, bolee 1GHz ; 512 Mb RAM ; 10 Mb HDD; MS Windows XP ivyshe; AdobeReader8.0 ivyshe; CD/DVD-ROM diskovod; mysh'. Zagl. s titul. ekrana.
 8. Bezenkova T. A., Bezenkov K. E., Andrienko O. A. *Profilaktika addiktivnogo povedeniya podrostkov v sfere informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii* [Electronic resource] : monografiya. Elektron. tekstovye dan. (1,09 Mb), Magnitogorsk, FGBOU VO «MGTU im. G.I. Nosova», 2021. 1 elektron. opt. disk (CD-R), Sistem. trebovaniya: IBM PC, lyuboi, bolee 1 GHz ; 512 Mb RAM ; 10 Mb HDD; MS Windows XP ivyshe; AdobeReader8.0 ivyshe; CD/DVD-ROM diskovod; mysh'. Zagl. s titul. ekrana.
 9. Varganova A. V., Panova E. A., Moreva Yu. A., Surovtsov M. M., Koldomasov I. O., Morozov E. A., Ruslyakova E. E. *Seti s raspredelennoi generatsiei: sposoby povysheniya effektivnosti proektirovaniya i ekspluatatsii*, Magnitogorsk, Izd-vo Magnitogorsk. gos. tekhn. un-ta im. G. I. Nosova, 2021, 181 p.
 10. Granatov G. G., Rashchikulina E. N., Klimov M. A. *Kategoriya «preemstvennost'»: obshchee i osobennoe v ee izuchenii, ponimanii i diagnostike, Sovremennye usloviya integratsionnykh protsessov v nauke i obrazovanii : kollektivnaya monografiya / pod red. A. A. Sukiasyan, Ufa, Aeterna, 2021, pp. 63–78.*
 11. Derina N. V., Derina K. S. *Sozdanie lingvoinformatsionnoi obrazovatel'noi sredy v vuzakh s pomoshch'yu professional'nogo glossariya na angliiskom yazyke, Sovremennye tekhnologii: problem itendentsii razvitiya : monografiya / red. MTsNP «Novaya nauka», Petrozavodsk, MTsNP «Novaya nauka», 2021, pp. 63–83.*
 12. Klyukanova L. G. *Chastnoe kolleksi onirovanie v sovremennoi khudozhestvennoi kul'ture Rossii : avtoref. dis. ...kand. kul'turologii, Saint Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gos. in-ta kul'tury, 2017, 21 p.*
 13. Lazar M. G., Strel'tsova E. A. *Grantovaya Sistema finansirovaniya rossiiskoi nauki: iogi odnogo sotsiologicheskogo oprosa* [Electronic resource], *Sotsiologiya nauki i tekhnologii* [Sociologia Nauki I Tehnologij-Sociology of Science and Technology], 2015, no. 3, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grantovaya-sistema-finansirovaniya-rossiyskoy-nauki-itogi-odnogo-sotsiologicheskogo-oprosa> (accessed 22 August 2022).
 14. Makarova N. N. *Magnitogorsk kak sotsiokul'turnyi proekt sovetskoï vlasti v 1930–1950-e gg.*, Magnitogorsk, Magnitogorskii dom pečhati, 2021, 532 p.
 15. Postnikova E. G., Lyubetskii A. E. «My – podvodniki»: voennye dnevniki matrosa-podvodnika SF G. I. Sennikova: monografiya. V 2-kh tt., T. I, Magnitogorsk, Izd-vo Magnitogorsk. gos. tekhn. un-ta im. G. I. Nosova, 2021, 308 p.
 16. Pustovoitova O. V., Shepilova N. A., Yakovleva L. A. *Proektnaya deyatel'nost' v doskol'nom obrazovanii: monografiya, Magnitogorsk, Izd-vo Magnitogorsk. gos. tekhn. un-ta im. G. I. Nosova, 2021, 180 p.*
 17. Rozin V. M. *K postroeniyu ponyatiya proektirovaniya* [Electronic resource], *Urbanistika* [Urban Studies], 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-postroeniyu-ponyatiya-proektirovaniya> (accessed 22 August 2022).
 18. *Rol' gumanitarnykh nauk v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve: Respublik. nauch.-prakt. konf. po gumanitarnomu obrazovaniyu, Minsk, 18 oktyabrya 2019 g. : sb. nauch. st. / redkol.: D. L. Gulyakevich (otv. red.)* [i dr.], Minsk, In-t biznesa BGU, 2020, 207 p.
 19. *Sotsial'no-gumanitarnye nauki i praktiki v XXI veke: chelovek I obshchestvo v menyayushchemsya mire: materialy pyatnadsatoi mezhdunarodnoi vesennei nauchnoi konferentsii / pod obshchei redaktsiei professora V. P. Shalaeva, Ioshkar-Ola, Povolzhskii gosudarstvennyi tekhnologicheskii universitet, 2019, 388 p.*
 20. Suprun N. G., Peshkova N. Yu. *Razvitie poznavatel'noi aktivnosti u obuchayushchikhsya v dopolnitel'nom obrazovanii* [Electronic resource]: monografiya / FGBOU VO «Magnitogorskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet im. G.I. Nosova». Elektron. tekstovye dan. (1,25 Mb), Magnitogorsk, FGBOUVO MSTU im. G.I. Nosova», 2021, 1 elektron. opt. disk (CD-R). Sistem. trebovaniya: IBMPC, lyuboi, bolee 1GHz; 512 Mb RAM; 10 Mb HDD; MS Windows XP ivyshe; AdobeReader8.0 ivyshe; CD/DVD-ROM diskovod; mysh'. Zagl. s titul. ekrana.
 21. Filatov V. V. *Istoriya Magnitogorskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. G.I. Nosova:*
-

- 1960-e gody. V 4 kn. Kn. 1: monografiya, Magnitogorsk, Izd-vo Magnitogorsk. gos. tekhn. un-ta im. G. I. Nosova, 2019, 352 p.
22. Filatov V. V. Istoriya Magnitogorskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. G. I. Nosova: 1960-e gody. V 4 kn. Kn. 2: monografiya, Magnitogorsk, Izd-vo Magnitogorsk. gos. tekhn. un-ta im. G. I. Nosova, 2020, 268 p.
23. Filatov V. V. Istoriya Magnitogorskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. G. I. Nosova: 1960-e gody. V 4 kn. Kn. 3: monografiya, Magnitogorsk, Izd-vo Magnitogorsk. gos. tekhn. un-ta im. G. I. Nosova, 2020, 383 p.
24. Filatov V. V. Istoriya Magnitogorskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. G. I. Nosova: 1960-e gody. V 4 kn. Kn. 4: monografiya, Magnitogorsk, Izd-vo Magnitogorsk. gos. tekhn. un-ta im. G. I. Nosova, 2021, 251 p.
25. Churilina L. N. Global'nyi mir, global'nyi yazyki «novaya» frazeologiya kak fenomen, Shulezhkova S. G., Churilina L. N., Georgieva S. I. i dr. Problemy russko-bolgarskoi frazeologicheskoi neografii : koll. monogr. / gl. red. S. G. Shulezhkova, Magnitogorsk, Magnitogorsk. gos. tekhn. un-t im. G. I. Nosova; Plovdiv, Plovdivskii universitetim. Paisiya Khilendarskogo, 2021, pp. 31–49.
26. Shashenkova E. A. Issledovatel'skayadeyatel'nost' : slovar'. Moscow, UTs «Perspektiva». 2010, Akademik, 2000–2022 [sait]. URL: https://research_activities.academic.ru (accessed 22 August 2022).
27. Shulezhkova S. G. Tendentsii obnovleniya frazeologicheskikh fondov slavyanskikh yazykov i problemy sovremennoi russko-bolgarskoi frazeografii // Shulezhkova S. G., Churilina L. N., Georgieva S. I. i dr. Problemy russko-bolgarskoi frazeologicheskoi neografii : koll. monogr. / gl. red. S. G. Shulezhkova, Magnitogorsk, Magnitogorsk. gos. tekhn. un-t im. G. I. Nosova; Plovdiv, Plovdivskii universitetim. Paisiya Khilendarskogo, 2021, pp. 4–29.
28. Shulezhkova S. G., Churilina L. N., Georgieva S. I., Pozdnyakova N. V., Chernova O. E., Mikhin A. N., Novikov D. A. Problemy russko-bolgarskoi frazeologicheskoi neografii: koll. monogr. /; Nauch.-issled. slovnaya lab., kaf. rus.yaz., obshchego yazykoznaneya i massovoi kommunikatsii Magnitogorskogo gos. tekhn. un-ta im. G. I. Nosova; red. koll.: S. G. Shulezhkova (gl. red.), N. V. Pozdnyakova, O. E. Chernova, Magnitogorsk, Magnitogorsk. gos. tekhn. un-t im. G. I. Nosova; Plovdiv, Plovdivskii universitetim. Paisiya Khilendarskogo, 2021, 158 p.
29. Abramzon M.G., Kuznetsov, V.D. Coin Hoards. Vol. XI. Greek Hoards. The Cimmerian Bosphorus. (Colloquia Antiqua, 32). Leuven–Paris–Bristol, Peeters, 2021, 409 p.
30. Dyorina N. V., Velikanov V. S. Research and modelling of loading parameters of excavator-power shovel implement in the development of exploded rocks: monograph, Magnitogorsk, Publishing house of Nosov Magnitogorsk. State Tech. University, 2021, 55 p.
31. Kuznetsov V.D., Abramzon M.G. The Beginning of Coinage in the Cimmerian Bosphorus (A Hoard from Phanagoria) / Kuznetsov V.D., Tsatskheladze G.R. (eds.), Phanagoria Studies. 1 = Colloquia Antiqua. 34, Leuven–Paris–Bristol, Peeters, 2021, 146 p.
32. Lukina O. A., Gasanenko E. A. Image making in the crosscultural aspect of foreign language learning in the higher technical education : kollektivnaya monografiya, Magnitogorsk, FGBOU VO «MGTU im. G. I. Nosova», 2020, 140 p.

Андреева С. Л. Практическая значимость гуманитарных исследований 2021 г. // Гуманитарно-педагогические исследования. 2022. Т. 6. № 3. С. 65–75.

Andreeva S. L. Practical Significance of Humanitarian Researches in 2021, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2022, vol. 6, no 3, pp. 65–75

Дата поступления статьи – 25.08.2022; 1,49 печ. л.

Сведения об авторе

Андреева Светлана Леонидовна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогического образования и документоведения Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск, Россия; 216zamsv@mail.ru

Author:

Svetlana L. Andreeva, Associate Professor, Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Pedagogical Education and Document Management, Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU), Magnitogorsk, Russia; 216zamsv@mail.ru

